

Людмила
МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

*МАДАМ
БУДЕТ
В КРАСНОМ*

*Всегда и во всем
иди до конца!
Не отступай
и не бросай
начатое.*

-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-
-

Людмила

МАРТОВА

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

**МАДАМ
БУДЕТ
В КРАСНОМ**

*Всегда и во всем
иди до конца!
Не отступай
и не бросай
начатое.*

Людмила Мартова

Мадам будет в красном

Серия «Желание женщины. Детективные романы Л. Мартовой»

© Мартова Л., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Мы с тобой одной крови: ты и я.

Редьярд Киплинг «Книга джунглей»

* * *

*Сколько я себя помню, нас всегда было двое. Говорят, ребенок может вспомнить все, что с ним происходило, лет с трех, не раньше. Не знаю, так ли это. Мне кажется, мои воспоминания о детстве тянутся гораздо дальше, и иногда в памяти всплывают смутные образы из того времени, когда мне было полтора-два года. Точнее, нам, поскольку я не помню случая, чтобы я бывала одна. Только вдвоем. Та, третья, пытавшаяся прокрасться в наш уютный внутренний мирок, в котором нам было так хорошо, всегда была лишней. Воспринималась инородным телом, досадной помехой, от которой постоянно хотелось избавиться. Мы и избавились, как только представилась такая возможность. Мы очень разные и совсем непохожи и все-таки связаны в единое целое чем-то более крепким, чем общая пуповина. Я не знаю названия тому, что нас объединяет, но уверена – мы будем вдвоем всегда.***Глава 1**

Если тебя зовут Липой, то не стоит ждать от жизни слишком многого. Что она будет подкидывать с лихвой, так это липовых друзей, липовую любовь, липовое благополучие... По крайней мере, в последнее время Олимпиада Сергеевна Бердникова оценивала свою жизнь именно так. Тридцать восемь лет, уже не девочка. Говорят, неплохой врач. Говорят, эффектная женщина. Говорят... Да много чего говорят, вот только ей от этого не легче.

Она очень рано поняла, что все ее проблемы связаны с детством, уходят туда корнями, крепкими, витыми, перекрученными в тугие узлы, распутать которые не под силу самому успешному психиатру. Даже у знаменитого профессора Лагранжа, обожаемого Липой учителя и

наставника, не получилось развязать их все. Она физически ощущала эти узелочки, узелки, узлы в своей душе, чувствовала причиняемую ими тянущую боль и отчетливо понимала: это они мешают ей стать счастливой.

Для Олимпиады Бердниковой с юности не было ничего более притягательного, чем человеческие души, в темных закоулках которых прятались сонмища страшных чудовищ. В борьбе с ними можно было найти ответы на многие мучающие ее вопросы. В случае победы, разумеется. Она со школьной скамьи хотела стать психиатром, и вопроса, куда поступать, даже не возникло: только в медицинский. Ей нужно было найти ответы, только и всего. Нужно было победить чудовищ. Что ж, приходится признать, на этом пути продвинулась она не сильно.

Липа вздохнула, встала из-за стола и подошла к окну. За окном была унылая холодная белизна декабрьского больничного двора. Впрочем, этот двор выглядел унылым в любое время года. А еще отчего-то, входя в узорчатые железные ворота, отделяющие областную психиатрическую больницу от остального мира, Липа всегда ощущала стойкий запах карболки, которую в медицине не использовали уже лет двадцать. В такие вот игры разума ввергало ее собственное подсознание. Больное подсознание положила руку на сердце. Ведь психиатры – психически не самые здоровые люди на Земле. А может быть, и самые нездоровые. Это смотря с какой стороны посмотреть.

Некстати вспомнилось знаменитое изречение на латыни «Medice, cura te ipsum» – «Врач, исцели себя сам», и Липа снова вздохнула. Куда уж ей, если самому Лагранжу оказалось не под силу исцелить ее полностью. Он не победил ее внутренних чудовищ, нет, просто заставил их на время испугаться и притихнуть.

Надо бы сходить к старику. Липа любила общаться со своим учителем, чьи советы ценила не только на профессиональном поприще, но и в частной жизни. Однако в возрасте восьмидесяти трех лет Лагранж ушел на пенсию, и Липа лишилась возможности просто так, по-дружески, забежать к нему в соседнее отделение судебной психиатрии. Конечно, Франц Яковлевич всегда был рад гостям, тем более Липа Бердникова ходила у него в любимицах еще с тех пор, как пришла в психиатрическую больницу интерном, но выбираться к старику часто у нее все-таки не получалось.

Липа напряглась и вспомнила: да, так и есть, в последний раз она навещала старика в октябре, а сейчас уже декабрь. Теперь понятно, отчего ей так неуютно в последние дни. Без внимательно-строгого, но доброго взгляда профессора ее чудовища поднимали голову и норовили выползти из своего укрытия, а самой Липе было не под силу загнать их обратно. Н-да,

приходится признать, что ученик не превзошел своего учителя. Тут Липа мимолетно улыбнулась – человек, способный превзойти профессора Лагранжа, еще не родился.

От воспоминаний о Лагранже настроение немного улучшилось и, бросив последний взгляд за окно, на серый снег, едва-едва прикрывавший проплешины грязного асфальта (начало зимы в этом году выдалось на удивление бесснежным), она вернулась за письменный стол, где ждали истории болезней. Документы необходимо заполнить после утреннего обхода.

Однако поработать Липе так и не удалось. Скрипнула входная дверь, и в кабинет ворвался вихрь, именуемый Станиславом Крушельницким. После выхода Лагранжа на пенсию именно он возглавил отделение судебной психиатрии. Злые языки поговаривали, что Крушельницкий «подсидел» старого профессора, вовсе не собиравшегося на заслуженный отдых, но Липа знала – это не так. Себе в преемники Франц Яковлевич готовил Стаса осознанно и загодя, а заявление об уходе подал, только убедившись, что к важной и ответственной работе Крушельницкий готов.

– Пообедаешь сегодня со мной? – спросил Стас, присаживаясь на край стола, и Липа снова вздохнула. Привычку сидеть на столе она ненавидела, равно как и любые другие проявления разгильдяйства и распушенности.

Впрочем, вздох ее был связан даже не с развязностью коллеги, а с самим приглашением на обед. Крушельницкий ухаживал за ней прямолинейно и целенаправленно уже несколько лет, но Липа, обжегшаяся однажды, как огня боялась новых близких отношений. Привычный образ жизни убежденной одиночки давал чувство безопасности, однако с годами этот защитный «панцирь» намертво прирос к ней. Ей не нужна была новая боль, обязательно идущая в комплекте с любым мужчиной. А раз так, то и мужчины были не нужны. Без них жизнь казалась чуточку проще.

Но Стас оказался весьма настойчив, и в последнее время Олимпиада Бердникова стала опасаться за крепость своих бастионов. Крушельницкий не выглядел мерзавцем, вот в чем было дело. Да и за все годы совместной работы в больнице Липа не слышала ни об одной его любовной истории. Сердце ни одной медсестры не пострадало, несмотря на то что медсестры страсть как любили разбивать себе сердца и делали это по нескольку раз в год.

Сначала Стас Крушельницкий был женат и не позволял себе даже случайного проявления интереса к другим женщинам. А потом развелся и стал оказывать знаки внимания ей, Липе. Причем делал это так элегантно и ненавязчиво, что устоять было трудно, хотя Липа пока и держалась.

– Так как, на обед съездим? – Голос Стаса выдернул Липу из ее мыслей, и она покаянно улыбнулась: извини, мол, замечталась.

– Нет, сегодня не получится, – тряхнула головой, отбрасывая все ненужное. – Я в ночь дежурю. А в обед хотела до мамы доехать, посмотреть, не нужно ли чего.

– Давай отвезу, – предложил Крушельницкий, знавший, что летом мать Липы перенесла инсульт и теперь при поддержке дочери выкарабкивалась из болезни, не теряя ни мужества, ни позитивного настроения. Эти женщины – мать и дочь – вообще умели бороться и сражаться, и он много бы дал, чтобы иметь возможность им хоть немного помочь.

– Я на машине сегодня, – Липа скупно улыбнулась, смягчая очередной отказ, – два дня, как из ремонта. Надеюсь, еще пару недель побегаает.

Машина у нее была старая и все время ломалась, но к этому, как и к любым другим внешним обстоятельствам, Олимпиада Бердникова относилась философски. В поломке машины, протекающей крыше, сильной грозе, метели или лютом морозе не крылось ничего, способного ввергнуть ее в душевное смятение. Все это не имело значения. А неважное от действительно важного она научилась отличать еще в детстве.

– Как Мария Ивановна? – Стас считался «другом дома», часто бывал у Липы и маму ее знал. Более того, прекрасно с ней ладил.

Мама не раз и не два намекала дочери: какой хороший человек этот высоченный симпатяга-доктор, грех держать такого просто в друзьях, но Липа была тверда аки камень. Дружить со Стасом Крушельницким ей нравилось, любые изменения в отношениях были чреваты ухудшением сложившегося статус-кво, а ничего ухудшать Липе не хотелось.

– Нормально. – Она сняла очки и аккуратно, чтобы не размазать тушь, потерла пальцами веки. – Метеочувствительность у нее сильная. В одни дни хуже, в другие лучше. Бывает, совсем хорошо, а бывает, речь с утра затруднена, и нога не слушается. Да ты и сам все знаешь.

– Можно попроситься в субботу на беляши? – Стас предпринял еще одну попытку, поскольку парнем был упорным. – Липа! Я так соскучился по вашим фирменным «бердниковским» беляшам. Аж сил нет!

– До субботы еще дожить надо, – сообщила Липа, оценившая его настойчивость. – У меня на этой неделе два дежурства, и в субботу я бы лучше отлежалась, чем у плиты стоять.

– Давай я за тебя одно отдежурю, – тут же с готовностью предложил Стас.

Липа лишь усмехнулась в ответ. Он действительно иногда подменял ее с дежурствами, особенно несколько месяцев назад, когда маме было совсем

худо, но нельзя же пользоваться его добротой бесконечно. Рано или поздно, за помощь придется платить. А платить она не готова, нет.

– Ой, Стас! – вдруг вспомнила она. – В субботу точно не получится. У Аньки в галерее какая-то умопомрачительная выставка открывается. Надо сходить.

– Неужели «Ее Высочество снизошли», и ты тоже приглашена на выставку? – Стас неприкрыто изумился, поскольку знал обо всех сложностях во взаимоотношениях Липы и ее младшей, да к тому же еще и сводной, сестры.

Впрочем, сложности – это не вполне верное определение, скорее непреодолимые разногласия. Причем, как понимал Крушельницкий, с самого детства. И чего Олимпиаде вдруг понадобилось на этой самой выставке?

– Ты же знаешь... Нет, не приглашена. – Липа снова скупно усмехнулась, надела очки и решительно пододвинула к себе стопку историй болезни, давая понять, что разговор закончен. – Она никогда меня никуда не зовет и вообще заставляет себя сделать усилие, чтобы просто признать мое существование. Но я хочу туда сходить. Все равно, пусть в очередной раз испорчу себе настроение. Мне надо ее увидеть, что-то мне беспокоит.

– Я вообще не помню, когда тебе было спокойно. – Стас нахмурился и слез со стола, решив больше не терзать Липу своим присутствием. – Ладно, забудь! Беяши в какой-нибудь другой раз. Хочешь, я с тобой на эту дурацкую выставку схожу?

Тут Липа улыбнулась искренне и широко. Предложение ее действительно обрадовало: приятно – друг в очередной раз протягивает руку помощи.

– Конечно! – воскликнула она. – Это было бы просто здорово! И спасибо тебе...

* * *

Анна Бердникова забросила капсулу в кофемашину, щелкнула кнопкой и скользнула взглядом по собственному отражению в зеркальной дверце холодильника. Анна была красива и знала это. Холодильник не показал ничего нового. Невысокая худощавая фигура, изящное, тонкой лепки лицо, живая мимика, выразительные темные глаза, не очень густые, но умело подстриженные волосы. Короткая, «под мальчика», асимметричная стрижка очень шла ей, делая лицо еще прелестнее. Анна с детства признавала только короткие стрижки, в отличие от сестры, предпочитавшей обычный «конский» хвост.

Вспомнив о сестре, она едва заметно скривилась, между бровями появилась неглубокая морщинка и тут же исчезла, изгнанная усилием воли. Не хватало еще хмуриться, так и до настоящих морщин недалеко. Тем более из – за сестры, которую все равно не переделать.

Кофемашина интеллигентно звякнула, сообщая о готовности первой порции. Анна достала чашечку – белую, из тонкого фарфора – она любила окружать себя красивыми, а главное, элегантными вещами. Налила кофе, полюбовалась чудной, крепкой, именно такой, как нужно, пенкой, сделала аккуратный глоточек и зажмурилась от удовольствия. Так, каковы планы на день?

Сегодня в галерее, где она работает куратором, открывается новая выставка. Вернее, вернисаж для широкой публики назначен на субботу, но именно сегодня, в четверг назначены приемка выставки высокой комиссией из областного Департамента культуры и пресс-показ. Это было ее собственным ноу-хау – показывать все нужным людям чуточку заранее, чтобы создать у них чувство собственной исключительности и еще до официального открытия обеспечить позитивные отклики, подогревая тем самым интерес публики. Анна знала, что выставку ждет фурор, предвкушала его и смаковала свое предвкушение маленькими глоточками, как очень холодное и очень сухое шампанское. Нельзя не признать, ее вклад в успех сегодняшнего события просто неocenim.

Галерея была маленькая, существовала на частные пожертвования. Точнее, практически полностью финансировалась одним человеком – Михаилом Валентиновичем Бабурским, когда-то одним из последних «красных директоров», сумевшим в годы перестройки быстро и без шума приватизировать государственное предприятие, а позже вовремя и задорого его продать.

Бывший директор и бизнесмен на старости лет заделался меценатом и благотворителем. Купил старинный особнячок в центре города, практически на набережной Волги, отремонтировал его и открыл картинную галерею, специализирующуюся на современном искусстве. В искусстве владелец галереи ничего не смыслил, а потому, оставив за собой лишь финансовую сторону дела, все художественное руководство отдал на откуп своей жене Ольге Аполлинарьевне. Будучи на пятнадцать лет моложе седого благообразного супруга, Ольга Аполлинарьевна новому детищу отдалась со всем пылом нерастроченной страсти. И дела у галереи пошли хорошо.

Работалось там Анне Бердниковой тоже хорошо – спокойно и легко. Сотрудником она была исполнительным, в споры с Ольгой

Аполлинарьевной никогда не вступала. Да это было и невозможно, потому что характером старуха обладала «золотым» и никогда не склочничала. Впрочем, Бабурской было всего шестьдесят пять, и на «старуху» она никак не тянула. А вот восьмидесятилетний Михаил Валентинович в последнее время сильно сдал – возникли проблемы с сердцем, ходил он с большим трудом, быстро начинал задыхаться и в последнее время практически не покидал стен родного дома.

Анна отпила еще глоточек кофе, вспомнила «прежнего» Бабурского – статного крепкого мужчину, и представила Бабурского «сегодняшнего» – больного, совершенного седого и с блуждающим взглядом. М-да, печальное зрелище. Допила кофе, быстро ополоснула чашку – она не терпела неаккуратности, и пошла одеваться. Предпоказ привлечет много народу, придется быть на виду, а значит, нужно соответствовать.

В спальне толкнула дверцу шкафа и с удовлетворением осмотрела ровные ряды вешалок с одеждой. Работа в галерее не только была интересной и спокойной, но и неплохо оплачивалась. Бабурские не имели детей, а потому не видели смысла в приумножении и сохранении своего немалого состояния. На свои удовольствия деньги они тратили легко, а галерея была именно удовольствием, тонким и изысканным. Анна Бердникова обеспечивала высокий класс этому самому удовольствию, ибо обладала отменным вкусом, позволяющим находить уникальных авторов и подбирать удивительные по композиции работы. Галерея пользовалась популярностью и была на слуху у ценителей живописи, а Анна получала вполне заслуженное вознаграждение.

К тому же ее собственные работы тоже неплохо продавались. Анна рисовала, сколько себя помнила, и картины ее – яркие, сочные ягодно-фруктовые композиции, казалось, искрились вкусами и ароматами, не хуже радужных конфеток «Скиттлз». Натюрморты пользовались спросом, особенно среди владельцев загородных домов, желавших украсить интерьер понятными и приятными глазу картинами.

Такое примитивное восприятие ее творений Анну немного удручало, но зато приносило стабильный доход, позволяющий жить той жизнью, к которой она привыкла. У нее была очень современная светлая двухкомнатная квартира с дивными французскими окнами в самом престижном микрорайоне, носившем сказочное название «Изумрудный город». А еще небольшая, но быстрая и надежная японская машинка, огромный гардероб, полный дорогой стильной одежды на любой случай – наряды Анна обожала, а главное, возможность ездить по лучшим мировым картинным галереям и бродить там по залам в полном одиночестве,

впитывая всю силу шедевров мирового искусства.

Она могла позволить себе изысканную еду и дорогой кофе, любые современные гаджеты и свозимые со всего света альбомы по искусству: дорогие, на тяжелой шелковистой бумаге, страницы которых были проложены тонкими листами папиросной бумаги, приятно шелестевшей на пальцах. В свободное от работы и рисования время Анна уединялась с этими альбомами и, задумчиво рассматривая иллюстрации, чувствовала, как ее душа наполняется покоем, а сердце внутренней силой.

Одиночество не тяготило ее. Анна Бердникова всегда была одиночкой, с самого детства, и даже сестра не могла пробить возведенную ею вокруг себя стену, хотя пыталась. Сестра всегда была бунтаркой.

Анна снова нахмурилась, как бывало всегда, когда она вспоминала сестру, но тут же прогнала неприятный образ. Она умела сосредотачиваться на самом главном, выбрасывая из головы все второстепенное, а сегодня главным была новая выставка и тот эффект, который она обязательно произведет. Эффект разорвавшейся бомбы.

Она вспомнила несколько месяцев труда, предшествовавшие сегодняшнему дню, и легкая улыбка тронула ее пухлые, чувственные губы. Да, вся подготовительная работа проделана просто виртуозно, этого нельзя отрицать. Венцом выставки станут не развешенные по стенам картины, а скульптуры, точнее, скульптурные композиции, поджидающие зрителя в каждом зале. Это будет даже не выставка, а полноценный перформанс, доселе невиданный в их провинциальной глубинке и подготовленный с истинным размахом.

Как бы ни восприняла этот перформанс публика, с сегодняшнего дня галерея выйдет на совершенно другой уровень. Уходящего прошлого Анне стало жаль, но только на мгновение. Прогоняя наваждение, она тряхнула головой, сбросила шелковый пеньюар, прохладной пеной послушно улегшийся у ее ног, и шагнула вправо, чтобы зеркальная дверца на мгновение отразила ее – изящную, пышногрудую, с тонкой талией красотку, в изысканном дорогом белье из натуральных кружев. Затем вернулась обратно к вешалкам, протянула руку и, не глядя, вытащила узкую юбку из черной лайки и красную атласную блузку. Ворот блузки был оторочен мехом, а глубокий вырез сзади оставлял открытой спину с выступающей цепочкой позвонков, ровную и беззащитную.

Пусть и мимолетный, взгляд в зеркало на свое полуобнаженное тело вдруг вызвал мощный заряд желания. Оно оказалось таким внезапным – Анна даже пошатнулась, застонав сквозь зубы. Господи, когда она в последний раз была с мужчиной? Она постучала по ровным зубкам

розовым пальчиком с аккуратным маникюром. Так, так, так. С Гришей они расстались два месяца назад, а до этого еще примерно месяц Анна всячески избегала близости с ним, потому что желания у нее не было вовсе. И вот оно вернулось, внезапно, не вовремя, нанеся удар исподтишка. Ну, надо же! А она уж было решила, что тяга к физической близости пропала навсегда.

Она вдруг почувствовала, как становится сверхчувствительной грудь, затаенная в кружевное negligé, как набухает в самом низу живота точка сосредоточия ее женственности, и снова застонала. Черт! Ну почему, почему? Почему она живет одна?

Воображение рисовало сладкие картины. Вот в комнату входит мужчина, обнимает ее сзади, прижимает к себе, охватывает ее грудь, мнет руками, засовывает большие пальцы под ткань, прикасаясь к соскам, чуть щиплет, причиняя сладкую боль. Желание стало невыносимым, и она тряхнула головой, отгоняя наваждение. Некому зайти в ее комнату, а раз так, то и думать об этом не надо. Интересно, с чего это она так распалась?

Несколько раз глубоко вздохнув, Анна усилием воли взяла себя в руки и начала одеваться. Сегодня у нее ответственный день, а все удовольствия, в том числе и эротического толка, могут подождать.

* * *

Зубов критически осмотрел заваленный бумагами стол и тяжело вздохнул. Нет, сегодня все-таки надо выполнить данное самому себе обещание и разобрать накопившиеся завалы, пока день не подкинул ничего срочного. Подобный штиль в их работе случался нечасто, поэтому драгоценными минутами свободного времени нужно было воспользоваться рационально, пока воздвигнутая из отработанных документов гора Кяпаз не обрушилась, преградив свободное течение реки Ахсу.

Гора Кяпаз и река Ахсу? Откуда это в его голове? Зубов даже удивился, поскольку смутно помнил лишь то, что все эти географические объекты имеют отношение к Азербайджану. Еще в голове крутились название города Гянджа и озера Гейгель, но все вместе это казалось полной бессмыслицей. Где капитан полиции Алексей Зубов и где Азербайджан?

Он покосился на соседние столы, девственно-чистые и пустые, и снова вздохнул. Как-то его соратникам и старшим товарищам – операм Никите Чарушину и Сергею Лаврову удавалось поддерживать рабочие места в порядке. А вот у него вообще не получалось, за что от начальника управления подполковника Бунина Алексей получал регулярные «пистоны» и прочие служебные взыскания. Нет, надо прибраться, в самом

деле, а то правда все рухнет, да еще в самый неподходящий момент.

Зубов взял из стопки верхнюю папку, открыл и невольно погрузился в чтение, хотя все материалы знал наизусть – до буквы, до запятой. Дело это закрыли очень быстро, и даже суд по нему уже состоялся, поскольку преступник от признания своей вины не отказывался, хотя и не помнил, как именно совершил убийство. Да не простое, а с «расчлененкой»!

Зубов перелистал страницы и в очередной раз поразился причудливости человеческой психики. Ведь не сотворишь же такое в здравом уме и твердой памяти! Но нет, судебной психиатрической экспертизой гражданин Шубейкин Константин Игоревич был признан полностью вменяемым, хотя и совершившим убийство под воздействием большой дозы алкоголя.

То ли от того, что делать уборку смертельно не хотелось, то ли по какой другой причине, но Зубов погрузился в воспоминания. Когда же это случилось? М-м-м... Точно, пять месяцев назад. Во второй отдел полиции обратился этот самый Шубейкин. Выглядел искренне взволнованным и заявил о пропаже возлюбленной.

По словам мужика, он работал на Севере вахтовым методом и познакомился там с женщиной, которая оказалась уроженкой его родного города, тоже приехавшей в далекие края «за длинным рублем». Звали ее Катя Стрижова, и случилась с ней у гражданина Шубейкина сильная и страстная любовь, на почве которой он даже возжелал на гражданке Стрижовой жениться. Но та вступать в брак категорически отказалась и лишь помахала любовнику на прощание белым платочком, когда срок его вахты закончился, и он засобирался домой.

Отчего-то забыть свою страсть Шубейкин никак не мог, а потому сильно обрадовался, когда, спустя месяц, она позвонила и сказала, что ей нужно ненадолго по делам приехать в родной город.

– Она спросила, можно ли остановиться у меня, – рассказывал Шубейкин. – Я, конечно, не возражал. Надеюсь, уговорю остаться у меня насовсем. Запала мне в душу, зараза! Сильно запала. В общем, приехала она. Я ее в аэропорту встретил, на такси к себе привез. Пообедали мы, значит. А днем она собралась по делу. Ну, по тому, по которому приехала. Я ей такси вызвал, и больше она не вернулась.

К показаниям и волнению Шубейкина в полиции отнеслись скептически. Девушкой Стрижова была вполне взрослой и самостоятельной, имела в родном городе знакомых. Могла просто утратить интерес к назойливому ухажеру и уйти, так сказать, по-английски, то есть не прощаясь. В пользу этой версии говорило и то, что Стрижова

продолжала пользоваться мобильным телефоном. Для очистки совести Зубов склонил к маленькому должностному преступлению знакомую сотрудницу сотовой компании, которая подтвердила: гражданка Стрижова регулярно совершает звонки из разных районов города нескольким абонентам.

В общем, искать дамочку никто не стал. А недели через две на окраине города обнаружилась обглоданная то ли собаками, то ли лисами, которых в лесополосе развелось немало, женская голова. Состояние головы было таково, что идентифицировать личность не представлялось возможным, но никаких других «потеряшек», кроме Екатерины Стрижовой, в базе не числилось, а потому с гражданином Шубейкиным решили встретиться еще раз. Нехорошие он начал вызывать подозрения.

Поведение Константина Игоревича полицейским, в том числе и Зубову, сильно не понравилось. Глаза у мужика бегали, руки тряслись, и вообще выглядел он подозрительно. Поэтому его квартиру на всякий случай обыскали. Пока шел обыск, дотошный оперативник обзвонил все таксопарки и выяснил: никакого такси в указанное Шубейкиным время на данный адрес не присылали. Затем между кафельными плитками в ванной обнаружили замытые следы крови, а на балконе (хозяйственный гражданин Шубейкин жил на первом этаже и превратил балкон в мини-подвал) свежезалитый бетонный пол, вскрыв который, сыщики обнаружили тело женщины лет тридцати – тридцати пяти, лишенное головы. Гражданин Шубейкин, увидев труп, разрыдался и поведал свою печальную историю.

Накануне приезда подружки Константин Игоревич выпил лишнего – сильно волновался перед решающим разговором, все-таки предложение руки и сердца собирался делать. Затем за обедом он, обычно непьющий, подливал себе для храбрости еще и еще, а потом неожиданно уснул. А когда проснулся, Катерину прямо-таки не узнал: обычно ласковая и мягкая, она явно нарывалась на ссору, грубила, а услышав заветные слова, подняла беднягу на смех и начала оскорблять. Словом, душевного порыва не оценила, и дело дошло до драки. Кто кого ударил первым, Шубейкин не помнил. Помнил лишь, как снова уснул, а когда проснулся, Катерины в комнате не было. Предположив, что несостоявшаяся невеста собрала вещи и уехала, Константин решил умыться, чтобы хоть немного прийти в себя. Но, заглянув в ванную, чуть не лишился чувств. Вся комната была залита кровью, на полу лежало обезглавленное тело Екатерины, а рядом валялся топор.

– Ваш топор? – спросил Зубов, аккуратно записывавший показания Шубейкина. Горь-жених не вызывал у капитана ни малейшей жалости,

только омерзение.

– Мой, – покаянно кивнул тот. – На балконе лежал, вместе со всеми инструментами.

– Как вы убили гражданку Стрижову и зачем отделили голову от тела?

– Я не помню, – страшным шепотом ответил Шубейкин. – Черная дыра в голове. Как ссорились, помню. Как кричала она. Голосом таким чужим, противным. Как ударил ее помню, а дальше ничего, провал.

– До какого конкретно места провал?

– Ну вот... до того, как я ее тело нашел. Испугался, жуть! Думаю, это ж мне теперь из тюрьги не выйти. Сел, подумал, чего да как. А потом решил тело спрятать. Никто ничего и не узнает. Бетон у меня был, я ее в подвал спустил и пол тут же залил. Еще, это, подумал... удобно без головы-то, иначе она бы не поместилась.

Зубова передернуло.

– А голову вы куда дели?

– Никуда. – Шубейкин смотрел на капитана непонимающе. – Я же говорю, не было головы.

– Ну, изначально головы не могло не быть. Когда вы ругались и дрались, Стрижова же с головой была.

– С головой... – немного посомневавшись, признал Шубейкин.

– А в бетон вы ее упаковали уже без головы. Так голову-то куда дели?

– Я не помню, – голос Шубейкина опять упал до шепота. – Мне кажется, не было головы. Но, может, у меня опять память пропала, и я просто не помню. Может, я ее в какое-то другое место закопал. Или в мусорный контейнер выбросил.

– Или отвезли в лесопарковую зону рядом с городским приютом, куда бездомных собак определяют, – мрачно резюмировал Зубов. – Чтобы затруднить идентификацию жертвы. А в полицию ты зачем обратился, чудака-человек? Ты зачем сам к себе внимание привлек?

– Так я подумал... Она же к кому-то в наш город приехала? А если бы тот человек забеспокоился, искать стал? А она про меня успела рассказать – где остановилась и вообще... А я сижу и никаких признаков волнения не проявляю. Вот и решил. Превентивно, так сказать.

– Ах, превентивно, – хмыкнул Зубов. – Грамотные все такие стали, с ума бы не сойти.

В общем, дело они закрыли довольно быстро. Хотя внятных ответов на вопросы «Зачем жертве отрубили голову?» и «Как голова попала в лесопарк?» так и не получили.

– Ну, он же объяснил. Тело под балкон не влезало, отделил голову от

тела для удобства, – задумчиво сказал Зубов коллегам, когда они обсуждали это «преступление страсти».

– Нет, странно все равно, – не согласился старший товарищ Лавров. – Что-то в этом деле не так, печенкой чую.

Что именно «не так», выяснилось довольно быстро. Оказалось, нет в их городе никакой Екатерины Стрижовой. Просто-напросто не зарегистрировано. Нет, конечно, отыскиались полные тезки, но все эти женщины были живы и здоровы, и гражданина Шубейкина знать не знали. Да и по возрасту ни одна не подходила. Не удалось обнаружить и паспорт убитой Стрижовой, хотя прилетела она на самолете, куда без паспорта, как известно, не пускают. Убийца о судьбе документа то ли не знал, то ли не хотел говорить.

Полиция далекого северного города информацией тоже не помогла. Екатерина Стрижова, тридцати двух лет, действительно приехала туда по найму за три месяца до случившихся событий. Работала в библиотеке, жила в съемной квартире, где остались ее вещи. На работе отпросилась на неделю, планировала вернуться. Все. В отделе кадров отчего-то не нашлось ни одной фотографии молодой женщины, а в квартире, среди немногочисленных вещей, не удалось отыскать ни единого документа.

В общем, погибшая Екатерина Стрижова оказалась этакой женщиной-невидимкой, инопланетянкой, появившейся неизвестно откуда с единственной целью – быть зверски убитой Константином Шубейкиным, находившимся в состоянии аффекта и сильного алкогольного опьянения.

Поскольку характеризовался гражданин Шубейкин исключительно положительно, судимостей ранее не имел, в совершенном убийстве раскаивался, лил горькие слезы и объяснял всем, кто был готов слушать, что «Катю он любил», то суд, хоть и квалифицировал его действия по 105-й статье Уголовного кодекса Российской Федерации как убийство, то есть «умышленное причинение смерти другому человеку», но наказание назначил в виде восьми лет лишения свободы, с отбыванием в колонии общего режима.

Было это две недели назад, но сдавать дело в архив капитан Зубов не спешил, поскольку ему хотелось докопаться до истины и выяснить, откуда взялась гражданка Стрижова. Не с Марса же, в самом деле! Да и пропавший паспорт не давал покоя. Однако работы хватало и до удовлетворения собственного любопытства, за которое начальство хвалить не станет, руки все не доходили.

В конце концов, молодая женщина могла и соврать своему любовнику. Из каких-то своих соображений назвалась землячкой, а сама приехала на

Север из какого-то другого города. Россия, как известно, большая. Никто больше ее не искал, никого ее судьба не волновала. Вот и славно.

Помимо прочих документов, в папке хранилось и несколько очень любопытных фотографий. Полицейский фотограф старательно «отщелкал» картину, украшавшую жилище Шубейкина. Картина, пусть и оформленная в самую обычную дешевую рамку, резко контрастировала со всей остальной обстановкой и невольно привлекала внимание. Станный, сюрреалистический пейзаж: острый утес, обрыв, на самом краю которого на одной ножке балансирует стул, а на стуле сидит человек и самозабвенно играет на скрипке.

Чем привлекла его картина: необычностью сюжета, мастерством исполнения или тревожным настроением, Зубов и сам не знал. В живописи он не понимал ровным счетом ничего. Но этот пейзаж его прямо-таки манил, да так сильно, что капитан спросил у Шубейкина, откуда в его квартире такой арт-объект.

– Катюша подарила, – ответил тот, глядя на Зубова мутными от внутренней боли глазами (может, правда любил свою убитую подругу). – Она рисовать очень любила. Как только под руку попадетя клочок бумажки, так сразу и принималась черкать.

Была в уголовном деле и еще одна жутковатая подробность, хотя жутью история эта и так пропитана от начала и до конца. А все же! Рассказывая о своей возлюбленной, Шубейкин вспомнил, как женщина не раз и не два повторяла такую фразу: «Все равно не сносить мне головы». Учитывая способ, которым Екатерину убили, слова теперь приобретали зловещий, мистический смысл.

«Ну да, прямо «Аннушка уже пролила масло», – хмыкнул Сергей Лавров, когда услышал от Зубова эту историю. Роман «Мастер и Маргарита» Зубов когда-то прочел, но не понял. В литературе он разбирался примерно так же, как и в живописи, поэтому параллелей провести не сумел. Понял только – речь идет о мистике, а в мистику он не верил.

Судебный психиатр, дававший заключение относительно душевного здоровья Шубейкина, в мистику тоже не верил, а потому предположил, что, находясь в алкогольном делирии, иначе называемом «белой горячкой», Константин вполне мог вспомнить любимую присказку дамы сердца. И, руководствуясь, так сказать, прямыми указаниями возлюбленной, отрубил ей голову. Бред и галлюцинации – это дело такое, серьезное. За неимением других объяснений это было воспринято следствием, а позже судом, вполне благосклонно.

Перед тем как убрать папку в шкаф, Алексей достал фотографию картины и кнопкой прикрепил к стене рядом со своим рабочим столом. Человек, играющий на скрипке над обрывом, отчего-то был ему близок и понятен. Затем Зубов принялся сортировать остальные документы. Бегло пробежал бумаги глазами, какие-то рвал и отправлял в мусорное ведро, какие-то раскладывал по папкам, другие даже подшивал, кляня себя за то, что накопил такой ворох дел. Гора Кяпаз и не думала становиться хоть чуточку ниже, но судьбе было угодно спасти капитана от унылой перспективы разбирать бумажные завалы до позднего вечера. Спасение явилось в образе дежурного лейтенанта Славика, который, пуча глаза, ворвался в кабинет и возбужденно завопил:

– Леха! Зубов! Давай на выход! Убийство.

– Где? – спросил Алексей, сдергивая с вешалки куртку.

Хлопнув дверью, он краем глаза успел увидеть, как гора папок все-таки рухнула со стола и стайка белых листов плавно закружилась над ободраным линолеумом.

– В картинной галерее «Красный угол», – скороговоркой докладывал между тем Славик, топчущий «берцами» впереди Зубова. – Это на Набережной. Лавров позвонил – он уже выехал. Там это, Леха, не простое убийство.

– А какое? – спросил Зубов, чуть усмехаясь энтузиазму юного коллеги. Сам он уже давно вышел из этого возраста и утратил способность опасно восхищаться необычными преступлениями.

Славик остановился, повернулся к Алексею, еще больше вытаращил глаза и прошипел страшным шепотом:

– Ритуальное.

Глава 2

Перед зданием частной картинной галереи «Красный угол», фасадом выходившей на набережную Волги, уже стояло несколько полицейских машин и «Скорая помощь». Зубов, дожидаясь, пока из его автомобиля выберется немолодой эксперт, оглядел немногочисленных зевак, как по мановению волшебной палочки моментально собирающихся везде, где хоть что-то случилось. Зубову они напоминали воронье, слетевшееся на чужую беду.

Он потянул на себя тяжелую дверь, вошел внутрь и невольно присвистнул. Так уж получилось, что в этой галерее современного искусства Алексею ранее бывать не доводилось. Впрочем, как и в любой другой. От искусства он был далек. И от современного, и от классического. Поэтому увиденное впечатлило его гораздо сильнее, чем какого-нибудь

искушенного эстета.

В старинном особняке, снаружи казавшемся типичным образчиком купеческой архитектуры девятнадцатого века, было много света и воздуха – все внутренние стены и перекрытия ликвидировали, отчего внутреннее пространство казалось нескончаемым. В центре холла парила стеклянная лестница, ведущая на второй этаж, стойка гардероба была выполнена из неведомого материала, имитирующего стекло, а в простенках между глубокими окнами стояли стеклянные витрины, отражавшие бьющие из окон солнечные лучи. Солнце? Еще пять минут назад Зубов мог поклясться, что день сегодня пасмурный. Но *voilà!* Шедевр дизайнерской мысли меняет законы природы.

За гардеробной чудо-стойкой жались испуганные и заплаканные вахтерши. Или контролерши, бес их разберет. В воздухе чувствовался стойкий запах корвалола, отчего Алексей чихнул, как мартовский кот, а потом еще раз и еще. Дамы покосились на него и сплотились сильнее, как будто в нем, капитане Зубове, таилась какая-то угроза.

– Куда проходить? – спросил он, забыв поздороваться, и женщины синхронно кивнули в сторону лестницы.

Наверх Алексей поднимался с легкой опаской, потому что стеклянное сооружение отнюдь не выглядело надежным. У него было ощущение, будто он не просто идет по ступенькам, а возносится куда-то к небесам по тропинке, проложенной неизвестным волшебником прямо по воздуху. За спиной слышалось рассерженное пыхтение пожилого эксперта.

Мельком он оглядел один из выставочных залов с концептуально развешанными картинами и какой-то причудливой статуей. Статую немедленно захотелось рассмотреть получше, и Зубов выругал себя за не вовремя вспыхнувшую тягу к прекрасному.

На втором этаже взору его открылся новый зал, вполовину меньше первого, но тоже воздушный и светлый. По стенам были развешены картины в прекрасных, совсем не вычурных рамах и стояла загадочная фигура. «Инсталляция», – вспомнил Зубов нужное слово. Капитан прошел в смежный зал номер три, откуда доносился гомон голосов, и застыл в дверях. В этом зале тоже было много света, воздуха и картин. И инсталляция здесь тоже была, и от нее, жуткой и чудовищной, дыбом вставали волосы, и холодок бежал вдоль позвоночника, щекоча затылок.

В углу, у самого дальнего окна, практически под самым потолком, в позе парящего ангела висел обнаженный человек. Пожилой мужчина, скорее даже старик. Раздвинутые конечности веревками крепились к крюкам, вбитым в стены, голова с начинающей редеть, но все еще довольно

густой, совершенно белоснежной шевелюрой чуть запрокинута назад, подхваченная под шеей петлей, уходящей к потолку, рот разинут в безмолвном крике. К предплечьям каким-то образом крепились крылья, отчего мужчина был похож на успевшего состариться Икара, взлетевшего в небо и погибшего в полете.

Много чего повидавшего Зубова внезапно передернуло, поскольку от увиденного веяло не просто мрачной жутью, а безумием, глубоким и застарелым безумием, вселяющим ужас, как ничто другое, поскольку от него нельзя было спрятаться или застраховаться. Он заставил себя собраться, сглотнул и сделал шаг вперед, привлекая к себе внимание.

– Капитан Зубов, – представился он. – Коллега майора Лаврова. Серег, чего тут у нас?

– Да сам видишь, – с досадой ответил Лавров.

– Я-то вижу, но ты введи меня в курс дела.

Лавров кивнул, словно признавая справедливость подобного предложения.

– Сегодня тут планировалось предварительное открытие новой выставки. Картины и инсталляции современных мастеров на тему человека и его осознания себя в окружающем мире.

– Чего? – Зубов жалобно моргнул, поскольку из сказанного Сергеем не понял ровным счетом ничего. Все слова в отдельности воспринимались прекрасно, но общего смысла фраза обретать не желала.

– Давайте я поясню, – к ним приблизилась молодая женщина.

Невысокая, очень хрупкая, с огромными темными, почти черными глазами и короткой стильной стрижкой, она выглядела прелестно в обтягивающей бедра узкой кожаной юбке и огненно-красной блузке, отороченной пушистым мехом, щекочущим нежное тонкое горло. Зубову внезапно захотелось провести по нему пальцами, чтобы ощутить шелковистую нежность кожи. Он снова сглотнул.

– Вы кто? – хрипло спросил он.

– Я – куратор выставок. Работаю здесь, в галерее. И сегодняшнее мероприятие входит как раз в зону моей ответственности, – спокойно ответила она. – Меня зовут Анна Сергеевна Бердникова. Можно просто Анна.

Зубов кивнул, то ли соглашаясь, то ли позволяя ей начать рассказ. Анна, чуть бледная от пережитого волнения, но явно способная держать себя в руках, воспользовалась этим разрешением.

Выяснилось, что утром первой в галерее появилась гардеробщица Клавдия Васильевна (видимо, одна из пожилых дам, плачущих внизу, в

гардеробе). Именно она открыла парадную дверь. На второй этаж, впрочем, женщина не поднималась, поскольку уборку в галерее сделали вчера, когда закончились все приготовления к открытию вернисажа, и делать в залах Клавдии Васильевне было совершенно нечего. Ничего не подозревающая старушка успела раздеться в гардеробе и заварить чай в маленькой подсобке. В это время приехала Анна Бердникова. Кивнув гардеробщице, она отказалась от предложенной чашки чая и прошла в комнату для персонала, расположенную на втором этаже. Попасть в служебное помещение можно было через зал номер два.

– В зал номер три вы не заходили?

– Нет, туда я намеревалась заглянуть позже. – Анна пожалла безупречными плечами, мех вокруг горла заколыхался, по мягкому шелку блузки пошли волны, очерчивая высокую грудь, и Зубов снова сглотнул, досадливо поморщившись. Сам себе он напомнил восьмиклассника, глазеющего на первую красавицу школы.

Темноглазая Анна прошла в кабинет, повесила пальто в стенной шкаф, составила в ежедневнике план задач на сегодняшний день и сделала пару телефонных звонков, после чего появилась ее начальница, директор галереи Ольга Аполлинарьевна Бабурская.

Зубов оглядел столпившихся у окна людей, пытаясь без подсказки понять, о ком идет речь, но Анна коротко мотнула головой:

– Ольги Аполлинарьевны здесь нет. Она сейчас в кабинете, вместе с врачами «Скорой». Ей стало плохо, пришлось вызвать бригаду.

– Ей стало плохо, потому что она нашла тело?

В глазах Анны Бердниковой Зубов увидел нечто, похожее на презрение.

– Тело нашла я, – тоненьким голоском сказала она. – Когда Ольга Аполлинарьевна пришла и разделась, мы еще выпили кофе, а потом я решила включить свет в залах, с минуты на минуту уже должны были прийти журналисты.

При слове «журналисты» Зубов с Лавровым синхронно застонали. Вот только журналистов здесь сейчас и не хватало. Анна снова посмотрела на оперативников то ли презрительно, то ли снисходительно. Сразу и не поймешь.

– Ну, разумеется, я непустила сюда журналистов, – с достоинством заметила девушка. – Когда я увидела, что случилось, то, во-первых, сразу же дала команду запереть входную дверь и не пускать внутрь никого, кроме полиции и «Скорой», а во-вторых, постаралась сделать так, чтобы Ольга Аполлинарьевна не увидела этого ужаса. Но у меня не получилось. Она все

поняла и захотела увидеть своими глазами. Ей стало плохо, и с этого момента, конечно, началась сумятица. Господи, я даже представить себе не могу, как она это переживет, бедняжка.

– Что «это»? Убийство в галерее? – спросил Зубов, и теперь Анна посмотрела на него откровенно неприязненным взглядом. Как на убогого.

– Этот человек... – покосилась она в сторону висящего в углу тела, стараясь, впрочем, не поворачиваться к нему лицом. – Это Михаил Валентинович Бабурский, владелец галереи и муж Ольги Аполлинарьевны.

Зубов длинно присвистнул, уже не заботясь о собственном, и так изрядно подпорченном, имидже в глазах прекрасной дамы.

– А вы, простите, кто? – обратился он к бледным от ужаса сотрудникам галереи, жавшимся поближе к Анне.

– Я – галерейный фотограф, – прошелестел симпатичный паренек. – Я пришел, когда Анна уже нашла тело... я хочу сказать... Михаила Валентиновича. Она выскочила из зала и крикнула, чтобы я вызывал полицию и «Скорую». И побежала к Ольге Аполлинарьевне. Я ничего не понял и зашел в зал – узнать, что случилось. Я думал, галерею обокрали. Но увидел... Увидел...

Парень замолчал и судорожно задышал открытым ртом, словно отгоняя тошноту. В глубине души Зубов его очень даже понимал.

– Зовут-то тебя как, фотограф? – участливо спросил он. На вид парнишке было лет двадцать, не больше.

– Егор Ермолаев, – ответил тот еле слышно. – Я подрабатываю тут. Я вообще-то студент, в медицинском институте учусь.

– Учишься в медицинском, а подрабатываешь фотографом? – удивился Лавров.

– Ну, я фотографией с детства увлекаюсь. Это занятие больше для души. Я в нескольких местах подработку беру, нам с мамой деньги нужны. Она у меня кассир в магазине, тяжело ей меня учить, и я тоже стараюсь работать. Причем так, чтобы максимально с пользой. И для кошелька, и для учебы, и для души.

– Тут, значит, для души? – уточнил Зубов без всякой насмешки в голосе.

В любом вопросе он старался устранять любые неточности. Так его учили. Тот же Лавров, кстати.

– Ну да, – парень кивнул головой. – Я, кстати, как «Скорую» и полицию, вас то есть, вызвал, тут все зацелкал. На всякий случай. И если вам фотографии нужны, обращайтесь, я вам дам.

В зале уже всю работу сделала приехавшая вместе с Зубовым оперативно-

следственная бригада, в том числе и фотограф, но отказываться от предложения Ермолаева сыщики не спешили. В сложном деле любая мелочь может пригодиться, а в том, что дело будет сложным и запутанным, они оба отчего-то даже не сомневались.

– А вы? – обратился Зубов к пожилой даме, которая крепко держалась за локоть Егора, видимо, боясь упасть.

– Меня зовут Елена Кондратьева, я второй куратор в галерее, – ответила та. – За эту выставку отвечает Анечка, поэтому я сегодня пришла чуть позже. Входная дверь была уже заперта, мне пришлось звонить и стучать. К тому моменту, как Клавдия Васильевна мне открыла, подошла еще Мария Андреевна, наша смотрительница залов. Мы вошли и сразу все узнали. Мария Андреевна осталась с Клавдией Васильевной, а я поднялась наверх. Хотела спросить, могу ли я чем помочь. И вот... – Женщина развела руками, давая понять, мол, помочь не смогла, чем уж тут поможешь.

– Итак, – Лавров рубанул рукой воздух, словно подводя черту под всем услышанным. – К моменту обнаружения тела господина Бабурского в галерее находились три человека. Куратор Анна Бердникова, гардеробщица Клавдия Васильевна и жена покойного Ольга Аполлинарьевна Бабурская. Затем пришли еще трое. Вы, господин студент. Вы, госпожа Кондратьева. И смотрительница, которая наверх не поднималась. В галерее есть еще сотрудники? Кто-то по какой-то причине сегодня отсутствует на рабочем месте?

– Нет, – спокойно ответила Анна, раз уж все остальные безоговорочно признали ее старшинство. – У нас маленькая галерея. Мы с Леной отвечаем за текущие проекты. Ольга Аполлинарьевна ведет бухгалтерию и прочую отчетность, а также курирует работу со спонсорами. Есть еще вторая гардеробщица и вторая смотрительница залов, но они работают два дня через два, поэтому сегодня в галерее отсутствуют и вчера их тоже не было. Все, других сотрудников у нас нет.

– А часто ли приходил сюда господин Бабурский?

– Практически никогда. – Анна, похоже, удивилась. – Он же здесь не работал. Михаил Валентинович открыл галерею для жены. Он был основным меценатом, благодаря которому мы могли вести свою деятельность. Всегда приходил на вернисажи и крупные мероприятия, иногда вечерами встречал жену, но в целом галереей не занимался.

– Ему это было неинтересно?

– Не очень интересно, – согласилась Анна. – Да и человек он был уже пожилой. В последнее время у него обострились проблемы со здоровьем,

он вообще практически не выходил из дома. Ольга Аполлинарьевна так нежно и трогательно о нем заботилась.

– А вчера вечером? Кто последним уходил из галереи? Запирал двери? – спросил Зубов.

– Я, – с готовностью ответила девушка. – Я засиделась допоздна. Мне хотелось, чтобы все получилось идеально, и нужно было еще раз все проверить. Фирма, в которой мы всегда нанимаем подсобных рабочих, вчера помогла нам перевесить ряд работ и закрепить инсталляции. В том числе и эту.

– Эту? – Зубову показалось, что он ослышался.

– Нет! Не Михаила Валентиновича, конечно! – Молодая женщина изменилась в лице.

«Вспомнила, как увидела утром эту ужасную картину», – понял Зубов.

– Здесь в углу висела фигура Икара. Манекен, понимаете?

Лавров с Зубовым согласно кивнули.

– В общем, они все доделали и ушли. Я подождала, пока Клавдия Васильевна вымоет полы и тоже уйдет домой, перезвонила еще раз всем, кого мы пригласили на открытие, проверила, все ли привезли для фуршета, а потом закрыла галерею и ушла домой.

– Во сколько это было?

– Около девяти вечера.

– То есть, когда в девять вечера вы запирали галерею, все было в порядке, и под потолком этого зала висел пластиковый манекен? – Голос Сергея Лаврова звучал вкрадчиво и мягко. Из присутствующих только Зубов знал, какое коварство может прятаться за этой кажущейся мягкостью.

– Да, – кивнула Анна.

– Тогда как здесь оказался господин Бабурский? Который, как вы утверждаете, болел и практически не выходил из дома? И почему его отсутствие в постели не вызвало тревоги у его жены? По вашим же словам, такой нежной и заботливой.

– Я не знаю, – прошептала Анна и вдруг заплакала. Впервые за все это проклятое утро.

– Ладно, зададим эти вопросы самой Ольге Аполлинарьевне, – скрипучим голосом сказал Зубов, который отчего-то не мог видеть Анну Бердникову плачущей. Совсем не мог. – Серег, ты тут с ребятами останешься или со мной пойдешь?

– Ребята сами справятся, – буркнул Лавров и обернулся к сотрудникам галереи: – Вас всех я убедительно прошу не расходиться. Пройдите, пожалуйста, в соседний зал, чтобы здесь никому не мешать. А мы с

коллегой пойдём, побеседуем с вашим директором. Если «медицина» позволит, конечно.

* * *

Ольга Аполлинарьевна Бабурская оказалась дамой пожилой, но очень эффектной. Как говорили раньше, со следами былой красоты. В тщательно прокрашенных и уложенных волосах не было даже намека на седину. На лице макияж, на руках с идеальным маникюром эффектные кольца, одежда элегантная и в меру дорогая, «возрастную» шею прикрывает со вкусом подобранный шарфик. Женщина явно знала себе цену, причем цена эта была немалая. Даже сейчас, с заплаканными глазами и бледным лицом, она выглядела весьма достойно.

– Вы себя достаточно хорошо чувствуете? Сможете поговорить с нами? – на правах старшего по званию уточнил Лавров. – Мы сочувствуем вашему горю, но чем раньше мы сможем получить ответы на вопросы, тем быстрее поймем, что же здесь на самом деле случилось.

– Спрашивайте, я отвечу, – слабым голосом ответила Бабурская. – Я же все понимаю. Вам работать надо.

– Ольга Аполлинарьевна, как ваш муж оказался в галерее и почему пришел сюда ночью?

– Я не знаю. – Женщина закрыла лицо руками, но тут же отдернула их и посмотрела прямо на сыщиков. – Ему совершенно нечего было тут делать. Он крайне редко приходил в галерею вообще, и уж точно не было ни малейших причин делать это ночью.

– Как вы вообще могли не заметить, что вашего мужа нет дома? Почему не начали его искать?

– В последнее время он жил не в городской квартире, а в нашем загородном доме. Вернее, мы оба там жили. Обычно мы переезжали за город на лето, а осенью перебирались обратно в квартиру, но в этом году Михаил Валентинович принял решение остаться на даче. Вы же понимаете, это не просто дача, а полностью оборудованный и хорошо отапливаемый дом в сорока километрах от города. Там вполне можно жить круглый год.

– Тогда почему вы не жили там зимой раньше? Что изменилось?

Бабурская горько усмехнулась:

– Изменился возраст. И, как следствие, состояние здоровья, – устало сказала она. – За последний год Михаил Валентинович сильно сдал. Раньше он активно участвовал в общественной жизни – встречался с представителями бизнеса, политиками, давал консультации, читал лекции и работал с молодежью, ходил на вернисажи и очень любил театр. Именно

поэтому мы больше времени проводили в городе. Сейчас он лишился всех этих возможностей. Бывают дни, когда он настолько плохо себя чувствует, что вообще не встает с постели. В такой ситуации светская жизнь уже не имеет такого значения, как раньше, а за городом Михаилу Валентиновичу легче дышится. Дышалось.

Она замолчала, не в силах справиться с нахлынувшими эмоциями. В кабинет заглянула красавица Бердникова, глянула вопросительно и негромко спросила:

– Ольга Аполлинарьевна? Может, воды принести?

– Не надо, Анечка. Спасибо. – И добавила, обращаясь к двум сыщикам: – Я могу продолжать, спрашивайте.

– Итак. Если мы правильно поняли, этой зимой ваш муж остался жить в загородном доме. А вы? Переехали в город?

– Нет-нет! Как же я могла оставить его одного? Разумеется, я живу рядом со своим мужем. Вместе с нами в доме живет постоянная помощница по хозяйству. Когда надо, она исполняет функции сиделки. Моя работа не требует ежедневного присутствия в галерее. Девочки – Анечка и Леночка – вполне справляются со всем без меня. Я приезжаю сюда на пару часов два-три раза в неделю. Иногда у меня и другие дела в городе бывают.

– Какие дела? – уточнил дотошный Лавров.

– Ах, боже мой! Чисто женские: парикмахер, массажист, косметолог. Купить продукты и лекарства, пообщаться с подругами. Я не живу в «золотой клетке», мой муж всегда с пониманием относился к тому, что я уезжаю по делам. Просто свой распорядок дня я составляю сама и могу себе позволить ездить в город далеко не каждый день.

– Сегодня вы ночевали в городе? А ваш муж остался в загородном доме?

– Да. Вчера мы достаточно поздно освободились, сегодня утром ргепарту... вечеринка, фуршет перед официальным открытием выставки, – спохватившись, пояснила женщина. – Не имело смысла мотаться туда-обратно, и я осталась ночевать в городской квартире.

– Вы часто такое практиковали?

– Нет, не очень. Может быть, раз в месяц, иногда два. Я могла пойти в театр на премьеру или встретиться с подругами в ресторане, или, как вчера, задержаться на работе. В таких случаях я всегда предупреждала Михаила Валентиновича и нашу помощницу по хозяйству. Проблем не возникало.

– Простите меня за следующий вопрос, – мягко сказал Зубов, – но я все-таки вынужден его задать. Вы ночевали одна?

Дама надменно вскинула голову.

– Молодой человек, несмотря на то что мой муж был много старше меня, я никогда ему не изменяла, – сказала она с достоинством. – Разумеется, когда я оставалась в городской квартире ночевать, я была совершенно одна. И вчерашняя ночь не стала исключением.

– Когда вы в последний раз разговаривали со своим мужем? – поспешно спросил Лавров, сглаживая бестактность своего молодого коллеги, хотя заданный вопрос был абсолютно естественным и важным.

– Я приехала домой... в квартиру, около половины девятого вечера. Устала за день, поэтому есть не хотела, только выпила чаю. И, пока чайник закипал, позвонила Мише. Он сказал, что чувствует себя неплохо, с аппетитом поужинал и сейчас планирует посмотреть кинофильм, а потом лечь спать. Я пожелала ему спокойной ночи и пообещала позвонить утром, как только приду на работу.

– То есть Михаил Валентинович не собирался ехать в город?

– Разумеется, нет. Он не выезжал из Спасского-Луговина, это деревня, где находится наш дом, с середины сентября. Тогда я отвезила его на медицинское обследование, и больше он дом не покидал. Врачи, бывшие коллеги и друзья приезжали к нему сами.

Зубов задумчиво посмотрел в окно. В стекло настойчиво билась голая, иззябшая на ветру ветка ясеня, будто просила пустить ее внутрь, в тепло. Чуть дальше блестела река – гладкое перволедье в черных пятнах талой воды. В этом году Волга так и не «встала» полностью, но отважные рыбаки все равно сидели с удочками над проделанными лунками. Скверная в этом году наступила зима, скверная.

Как же так получилось? Невероятный ребус: давно не выезжающий в город пожилой больной человек заявил жене, что посмотрит кино, а потом ляжет спать, но вместо этого каким-то образом преодолел сорок километров и оказался в городе. Зачем? Да не просто в городе, а в запертой на ночь картинной галерее собственной жены, где и был убит с извращенной жестокостью.

– А с помощницей по дому вы разговаривали? Она что говорит? – спросил он у женщины, которая во время разговора как-то стремительно – прямо на глазах – постарела.

– Нет, я увидела Мишу, и мне стало плохо, – прошептала Бабурская. – Но вы правы. Конечно, надо спросить у Светланы, как так вышло.

– Если вы не возражаете, я сам с ней поговорю, – сказал Лавров. – Диктуйте номер.

Тут-то и выяснилось, почему помощница Светлана Калинина до сих пор не хватилась хозяина. Бабурский маялся бессонницей: засыпал лишь

под утро, а вставал в десять-одиннадцать часов утра. Поскольку час был еще ранний, женщина преспокойно занималась домашними делами. Узнав о кончине Михаила Валентиновича, Светлана ужаснулась, заплакала, выказала готовность немедленно ехать на помощь к Ольге Аполлинарьевне, но потом все-таки сумела взять себя в руки и довольно толково ответила на вопросы сыщиков.

Со слов Светланы Калининой, выходило так: вчера вечером она покормила Михаила Валентиновича ужином, вымыла посуду и пол в кухне, а часов около девяти зашла к нему в спальню, чтобы проверить, принял ли он лекарства и не нуждается ли в помощи. Бабурский, в бархатном домашнем халате, уже лежал в постели и смотрел какое-то кино – огромный телевизор в загородном доме был подключен к интернету, что давало возможность поистине бесконечного поиска самых разных фильмов. Выглядел хозяин хорошо, от помощи отказался и отпустил Светлану отдыхать.

– И что вы сделали?

– Ушла в свою комнату, позвонила своему другу, – всхлипнул голос в телефонной трубке. – Затем приняла душ, легла в кровать, тоже включила фильм – я каждый вечер смотрю по одной серии английского сериала «Корона», мне очень нравится, и взялась за вышивку. Часов в одиннадцать выключила свет и уснула.

– Вы ничего подозрительного не слышали? Как Бабурский мог покинуть дом, а вы ничего не заметили?

– Моя комната на другом этаже, – извиняющимся тоном сказала Калинина. – На тот случай, если Михаилу Валентиновичу что-то понадобится, есть тревожная кнопка, которой он может меня вызвать. Но он ею не воспользовался. Пока я еще прибиралась на кухне, я слышала, как ему кто-то звонил. Это он еще в кабинете был, не в спальне. Потом он разговаривал с Ольгой Аполлинарьевной – это я тоже слышала, а потом поднялась наверх, и все. Никаких подозрительных звуков не было.

– Ни шагов, ни хлопанья дверей, ни звука работающего двигателя?

Светлана Калинина помолчала, видимо, вспоминая.

– Нет, – наконец сказала она. – Я, конечно, не прислушивалась, да и телевизор у меня работал. К примеру, если бы Михаил Валентинович пошел в туалет или на кухню, да еще специально старался идти потише, то я бы не услышала его шагов. А до этого я была в душе. Если он ушел из дома в тот момент, то и звука открывающейся двери я бы не услышала тоже. А машина... Мне кажется, я слышала шум какой-то проезжающей машины, но точно не помню.

– А как Михаил Валентинович мог добраться до города?

– Не знаю, – искренне удивилась домработница. – Он уже давно сам не садился за руль. И в семье только одна машина. Та, на которой ездит Ольга Аполлинарьевна.

– Значит, либо Бабурский вызвал такси, либо его кто-то ждал за воротами, чтобы отвезти в город, – задумчиво подытожил Лавров. – Что ж, спасибо вам, Светлана. Один из наших сотрудников подъедет к вам, чтобы запротokolировать ваши показания. Да и дом надо осмотреть. С Ольгой Аполлинарьевной мы сейчас договоримся.

Бабурская разрешение побывать в ее загородном доме дала спокойно. Она вообще выглядела рассеянной, как будто думала о чем-то своем, и эти мысли не давали ей покоя.

– Странно... – Пожилая женщина провела ладонью по лбу и беспомощно посмотрела на сыщиков. – Это так странно...

– Что именно? – уточнил Зубов, во всем любивший ясность.

– Я вдруг вспомнила... Как-то мы разговаривали о смерти – Мишу больше расстраивала не сама неизбежность кончины, а тот неоспоримый факт, что смерть он встретит в своей постели.

– В смысле?

– Ну как вам объяснить... Миша всю жизнь был очень активным человеком. Директор крупного завода, большой бизнесмен, общественный деятель. Вокруг него всегда было много людей, жизнь кипела. А в последнее время немощь лишила его возможности жить в привычном ритме. Его это ужасно раздражало. Он считал унижительным скончаться в постели от старости и болезни. Говорил, что предпочел бы уйти из жизни в результате какого-то приключения. Конечно, в силу возраста и самочувствия на приключения ему рассчитывать уже не приходилось. Но он ошибся, как мы видим.

Бабурская снова закрыла лицо руками и горько расплакалась.

* * *

Вообще-то капитан Зубов никогда не считал себя особо скромным и свой интерес к женщинам проявлял легко и непринужденно, ровно в тот момент, как заинтересованность в нем возникала. Анна Бердникова с ее идеальным лицом, дерзкой стрижкой, вызывавшей холодок в области позвоночника, и бездонными темными глазами привлекала его безумно, но подойти к ней (не в качестве *капитана Зубова* – лица официального, а в качестве *просто Алексея Зубова*) он отчего-то стеснялся.

Доселе неведомая, робость напала, навесила по гире на каждую ногу,

сковала язык. Заканчивая необходимые оперативные действия, он томился и мучился, то и дело бросая на молодую женщину пламенные взгляды. На один из них она ответила, улыбнулась открыто и ясно, да еще провела острым язычком по красиво очерченной нижней губе, отчего у Зубова на секунду помутилось сознание. А затем сама направилась прямо к нему. Капитан стоял ни жив ни мертв.

– Мне кажется, или вы хотите попросить мой телефон? – спросила она едва слышно.

Он замотал головой, и это с одинаковой долей вероятности можно было расценить и как «да», и как «нет». Да, кажется. Да, хочу... Она понимающе засмеялась и протянула Зубову маленький плотный бумажный прямоугольник – визитку.

– Не знаю, во сколько я сегодня освобожусь... А уж во сколько освободитесь вы, тем более неизвестно... Но если захотите выпить кофе, позвоните. Приглашение действительно и в другие дни.

Туман рассеялся, красавица Анна отошла, а в душе у Зубова все пело, несмотря на явную гнусность окружающей обстановки. Предстоящий день оставался таким же бесконечным, но отнюдь не безрадостным, пусть общая картина по-прежнему не желала проясняться.

Как удалось выяснить сыщикам, на охрану галерею вчера никто не ставил. Точнее, не только вчера, но и последние пару месяцев, с момента окончания срока действия заключенного с частным охранным предприятием договора, продлить который никто не потрудился.

– За семь лет работы сюда ни разу никто не пытался влезть, – слабым голосом пояснила Ольга Бабурская. – Здесь нет материальных ценностей. Вернее, есть, но это не то, что выглядит привлекательным для обычных воров. Мы даже не деньги решили сэкономить, а просто сочли продление договора нецелесообразным. Подумали, имеющихся внутри и снаружи камер вполне достаточно.

Камеры в галерее действительно были, все происходящее внутри и снаружи записывалось на ноутбук, хранившийся в комнате персонала. Однако ноутбук, как выяснилось, пропал бесследно, вместе с манекеном, с помощью которого воссоздавалась сцена парения Икара, и место которого заняло тело Михаила Бабурского.

– О том, что договора на охрану нет, а записи сохраняются в ноутбуке, могли знать только свои, – задумчиво заметил Сергей Лавров.

– Ага, и рассказать про это в случайном разговоре кому угодно, – согласился Зубов.

Поиск свидетелей не увенчался успехом. Парадные двери особняка

выходили на пустынную ночью набережную. В доме справа никто не жил – владельцы давно перебрались на постоянное место жительства во Францию, слева был небольшой скверик, а «тылы» галереи прикрывал областной наркодиспансер, территория которого хоть и была обнесена забором с закрывающимися на ночь воротами, но хорошей охранной системой учреждение не могло похвастаться и даже камерами не обзавелось. К галерее могло подъехать несколько машин, могли входить и выходить люди, вносить тела и выносить манекены. Наблюдать за этим все равно было некому.

Возможно, что-то могло обнаружиться на камерах ГИБДД – от Спасского-Луговина до въезда в город их стояло несколько, но этот след еще следовало отработать, а дело это не быстрое. На всякий случай Зубов переписал марки и номера машин, на которых ездили сотрудники галереи. Машины, впрочем, имелись только у Ольги Бабурской и Анны Бердниковой: солидный «Мерседес» и маленькая юркая «Тойота».

По предварительному заключению эксперта Михаил Бабурский умер в результате удушения металлической петлей. Той самой петлей, которая позже стала основным элементом ужасной инсталляции. Однако установить, был ли Бабурский убит до помещения в эту конструкцию или живой человек сначала стал, так сказать, частью арт-объекта, а потом уже скончался от удушения, пока не представлялось возможным. Могло быть и так, и так. Лавров даже предположил, что пожилой мужчина мог сам принять столь неподобающее положение.

– Зачем бы он в здравом уме сам полез в эту штукину? – недоумевающе спросил Зубов. – Вроде человек был без психических отклонений, тем более старых взглядов. Не думаю, что он добровольно согласился раздеться до исподнего, нацепить крылья и взмыть к потолку.

– Но, если его сначала задушили, а потом все это проделали с телом... Какой силой должен был обладать преступник? Покойный весил не меньше восьмидесяти килограммов. – Лавров почесал в затылке. – Нестыковка получается.

– Нет никакой нестыковки. – Седой, щуплый, как будто вечно чем-то недовольный, эксперт подошел к сыщикам, сорвал с носа очки. – Все, тело можно забирать. Я закончил. Скажу я вам, в чем дело. На локтевом сгибе у него след от укола. Там и старых много – ему, похоже, курс капельниц назначали недавно, но один совсем свежий. Похоже, сначала сделали укол, он потерял сознание, его удавили и уже мертвое тело поднимали под потолок. Точнее после вскрытия скажу.

– Все равно силища нужна немалая, – пробормотал Зубов. – К

примеру, женщина вряд ли справится.

Он вспомнил тонкие, хрупкие в запястьях ручки Анны Бердниковой и даже приободрился. Вот уж кому точно не под силу совершить подобное. Даже про алиби не стоит спрашивать.

А алиби на время убийства, как на грех, было только у галерейного фотографа Егора. Студент вчера вечером домой вернулся рано – собирался готовиться к семинару. Весь вечер и всю ночь просидел за учебниками фактически на глазах у любящей мамы, которой не спалось и которая несколько раз заходила в комнату сына, чтобы принести ему свежего чая. Анна, Елена и пожилые дамы, как и хозяйка галереи, ночевали в одиночестве. Первый круг следствия заканчивался ровно там же, где и начался. На то он и круг!

К обеду оперативная группа покинула место происшествия, Анна увезла домой совсем обессиленную Ольгу Аполлинарьевну, кинув на прощание многозначительный взгляд на Зубова. Тот мысленно пообещал себе освободиться к семи вечера, чего бы это ни стоило.

Обещание, данное самому себе, сыщик сдержал, хотя это оказалось непросто. Странное убийство предгрозовой тучей висело над их отделом, омрачая будущие выходные, до которых оставался всего-то один рабочий день. Но настроение Алексею это не испортило. Без пяти семь он отложил папку с бумагами, кинул быстрое «Пока!» коллегам и устремился к выходу, на ходу набирая номер телефона, который уже успел выучить наизусть.

– Алло, – услышал он звонкий мелодичный голос и снова словно онемел на мгновение.

– Анна, добрый вечер! Это Алексей, то есть капитан Зубов, – скороговоркой произнес он, откашлявшись. – Вы мне утром дали свою визитку.

– Добрый вечер, Алексей, – голос журчал в трубке, как горный ручей, обволакивая приятной прохладой. – Вы созрели для кофе?

– Созрел. Тем более пообедать сегодня не удалось, – он даже засмеялся от того, как все вдруг стало легко. Никакого смущения, одна только ясная радость. – Может быть, мы встретимся в каком-нибудь кафе? Вам где удобнее? Я согласен на любой вариант.

– Раз вас устраивает любой вариант, тогда мне удобнее у меня дома, – тоже засмеялась она. – Сегодня не самый простой день в моей жизни, поэтому я как-то не расположена выходить на люди. Я уже успела и поплакать, и позлиться, и мне совсем не улыбается снова рисовать лицо и собирать себя в кучку. Но хороший кофе я сварить в состоянии. Записывайте адрес.

По дороге в респектабельный микрорайон «Изумрудный город», где несколько лет назад случилось убийство, наделавшее в городе немало шума^[1], Зубов заехал в цветочный магазин. И долго мялся у витрины, раздумывая, какие цветы могут понравиться Анне. Розы казались ему пошлыми, герберы дешевыми, а большие сборные букеты убого-аляповатыми.

Из служебного помещения вышла маленькая, худенькая, похожая на умную грустную птичку женщина в длинном черном платье. Аля – Александра Ковалева – совладелица магазина несколько лет назад стала жертвой преступления, пострадал и ее муж. Оба выжили просто чудом. Чудом же сохранили здоровье и смогли вернуться к работе, которая, как подозревал Зубов, их и спасла^[2]. Женщина звякнула тяжелыми браслетами, украшавшими ее запястья, и улыбнулась Зубову, как старому знакомому:

– Здравствуйте, Алексей. Что-то опять случилось?

Тревоги не было в ее голосе. После того, что она пережила, все тревоги казались пустыми и бессмысленными. Она и не тревожилась.

– Нет, я за цветами, – признался Зубов. – Вот, стою. Не знаю, какие лучше выбрать.

– Раз не знаете, значит, свидание первое? – понимающе усмехнулась Аля, а Зубов против воли покраснел. – Какая она, ваша девушка?

Алексей мечтательно поднял глаза к потолку, вспоминая Анну Бердникову: ее тоненькую фигурку, выступающую цепочку позвонков на спине, длинную гладкую шею, тонкие изящные пальцы, необычную стрижку с выбритыми висками, как у мальчика. Но ничего мальчишеского не было в ней. Наоборот, женственность Анны пленяла, манила в сети, забирала в плен, из которого, как уже догадывался Зубов, не было спасения. Аля терпеливо ждала.

– Она похожа на инопланетянку, – наконец сказал Алексей. – Земная и в то же время неземная. Она одновременно здесь и как будто не здесь. Это женщина из плоти и крови, но в ней есть что-то потустороннее. Она как противоречие, которое цепляет, и которое ты никак не в силах разгадать.

– Понятно, – кивнула головой Аля, хотя сам Зубов больше чувствовал, нежели понимал. – Да вы не волнуйтесь так, Алексей. Сейчас я все сделаю.

Она скрылась за стеклянными раздвижными дверями комнаты-холодильника, какое-то время ходила там между столами, уставленными корзинами, вазонами и горшками со всевозможными цветами. То и дело наклонялась, выпрямлялась, выбирала подходящие бутоны. Руки ловко сновали, собирая букет, подходящий, по ее разумению, описанной Зубовым

женщине. Если кто и владел языком цветов свободно, так это Александра Ковалева.

Собранный ею букет был прекрасен, хотя и состоял из неведомых капитану Зубову цветов. Он опознал лишь розы, да еще заметил в обрамлении основной композиции две высохшие маковые коробочки. Капитан замер и восхищенно смотрел на совершенную красоту в руках женщины-птицы. Аля засмеялась – изумление Алексея ей польстило.

– Чайная роза говорит о том, что красота всегда нова, – скороговоркой зачастила она. – Гибискус символизирует редкое изящество, цветы земляники – совершенное превосходство, камелия шепчет: ты неземное существо, и ей вторят подснежники: ты не такая, как все. А остальные цветы в букете говорят не о вашей девушке, а о вас, Алексей. Мелисса о симпатии, бальзамин о нетерпении, а в сухих коробочках мака кроется легкая шутка, снимающая пафос всего остального – они символ безумия. Если бы вы сейчас посмотрели в зеркало, то увидели бы умалишенного. Признайтесь в этом сумасбродстве своей девушке сразу и избежите полагающейся в таких случаях неловкости.

– Спасибо, – искренне поблагодарил Зубов, забрал волшебный букет, за который Александра наотрез отказалась взять деньги, и поспешил на свидание. Если и безумный, то совершенно точно счастливый.

Глава 3

На такое капитан Зубов даже не рассчитывал, но утром следующего дня он проснулся еще более счастливым, чем был накануне. Свидание с красавицей Анной оказалось прекраснее любых самых смелых грез. Для начала выяснилось, что его ждал ужин. А вовсе не тот самый кофе, на который он был приглашен и которого ждал с легким внутренним содроганием. Кофе капитан не любил, а на ночь старался и вовсе не пить, поскольку в итоге получал изжогу и учащенное сердцебиение.

У здоровяка Зубова, регулярно участвующего в легкоатлетических марафонах и никогда не болеющего даже гриппом, после кофе начиналась дикая тахикардия, которая его страшно раздражала. А чашка бодрящего напитка вечером обеспечивала полностью бессонную ночь, на протяжении которой капитан маялся на кровати, подпрыгивая от стука собственного сердца.

Впрочем, из рук Анны Бердниковой он принял бы, наверное, даже яд, не только кофе. Но Анна, восхитившись полученным букетом, проводила капитана на кухню, где его уже поджидала огромная тарелка жареной картошки и качественно прожаренный кусок мяса. Стейк был именно такой, как любил Зубов – прожарки «медиум», сочный, аппетитный, при

одном взгляде на который начиналось невольное слюноотделение.

– Я решила, вы весь день ничего не ели. Да вы и сказали, что голодны, – улыбнулась Анна, ставя тарелку перед Зубовым, пожиравшим кулинарные изыски помутившимся от вожделения взором. – А букет прекрасный, спасибо. Поверьте, я, как художник, могу это оценить.

– А вы художник? – промычал Зубов, не в силах оторваться от еды, так ему было вкусно. – Я думал, вы просто выставки курируете.

– Нет, я еще и пишу. – Она весело засмеялась. – Поверьте, я знаю, что талант мой очень скромн, но живопись дает мне две вещи: самореализацию творческого начала, которое, как мне кажется, есть в каждом человеке, и приличный довесок к зарплате. Мои работы, знаете ли, очень неплохо продаются, и я могу позволить себе то, что люблю больше всего на свете: путешествия и художественные альбомы с репродукциями картин моих любимых художников.

– А мне покажете ваши работы? – спросил Зубов. – Правда, я сразу предупреждаю: в искусстве практически ничего не смыслю и заранее прошу за это прощение.

– Немногие люди рискнут признать, что ничего не понимают в искусстве, – она рассмеялась. Легко, звонко, необидно. – Конечно, я буду рада показать вам свои работы. Студия у меня прямо здесь, в квартире. Небольшая, но мне хватает. В этом микрорайоне отличные квартиры свободной планировки, поэтому каждый может менять пространство «под себя». Вот это – кухня, – девушка обвела рукой просторную, светлую и со вкусом оформленную комнату, в которой было так приятно есть, пить (даже кофе, черт бы его побрал!) и просто проводить время. – Она же и гостиная – я живу достаточно замкнуто, и гости бывают у меня нечасто. В самой большой комнате я сделала спальню с гардеробной. Одежда – моя слабость. А в маленькой комнате у меня мастерская. По проекту там огромное французское окно во всю стену, свет падает великолепно. Там я и творю.

– Пока не видел, как вы рисуете, но готовите вы великолепно! – Голодный Алексей успел подесть все до крошечки и с трудом сдерживался, чтобы не вылизать тарелку.

– Спасибо, – снова засмеялась Анна. – Наверное, это наследственное. Я, конечно, этого не помню, но папа всегда рассказывал, как хорошо готовила мама. Он поэтому и влюбился в нее.

– А почему вы этого не помните? – спросил Алексей и тут же прикусил язык, осознав бестактность своего вопроса.

– Моя мама умерла, когда мне было три года, – просто пояснила Анна. – Да вы не переживайте так, Алеша. Я же маленькая была, мне это

вспоминать не больно. Маму я даже не помню.

Алешей Зубова называла только мама, а для всех остальных он был Алексеем, Лешей, Лехой. Домашнее имя из уст этой молодой и ослепительно красивой женщины звучало ласково и очень по-доброму. Зубову вдруг остро захотелось, чтобы она повторила снова: «Алеша». Но Анна лишь молча забрала пустую тарелку и поставила перед ним огромную пузатую кружку огненно-горячего чая. От кружки поднимался густой имбирный дух, и плавало ярко-желтое лимонное солнышко. Зубов отхлебнул и блаженно зажмурился.

– Почему-то я решила обойтись без кофе. Мне кажется, это не ваш напиток, – услышал он голос Анны и открыл глаза. Девушка стояла, опершись спиной о холодильник, и держала в руках такую же кружку.

– Кофе я не люблю, – признался Зубов.

– А я – кофеман с огромным стажем, но по вечерам люблю пить чай, – сказала она. – Ну, пойдете посмотреть студию и мои картины?

С ней он бы пошел куда угодно. В несколько глотков допив чай – оставить божественный имбирно-лимонный нектар недопитым Алексею показалось преступлением, – он послушно встал. Анна протянула ему руку, с готовностью принятую, и, как маленького, повела за собой по длинному, показавшемуся капитану нескончаемым, коридору.

Дверь в спальню была приоткрыта, и Зубов увидел огромную кровать, застеленную элегантным покрывалом. При виде кровати его неожиданно кинуло в сильный жар и на шее, под волосами, выступили капельки пота. Кровать вызвала у Зубова совершенно неприличные ассоциации, причем настолько яркие и образные, что от мыслей обо всех тех невероятных вещах, которые он бы сотворил с идущей впереди женщиной, Зубову сразу стали тесны брюки.

Теперь он точно чувствовал себя как школьник, который подглядывал за первой школьной красавицей и был застигнут на месте преступления. Жар залил щеки и лоб. Зубов мучительно понял, что краснеет, чего с ним не бывало никогда в жизни. К его непередаваемому облегчению, свет в коридоре отчего-то не горел, и Анна не замечала этих терзаний, удачно скрытых полумраком.

– Ну, вот мы и пришли, – сказала она, входя в комнату и щелкая выключателем.

Девушка отпустила руку, и Зубов смог перевести дыхание, как висельник, получивший небольшую отсрочку. Сделав вид, что разглядывает развешенные по стенам картины, он воспользовался возможностью и повернулся к Анне спиной, чтобы не выдать масштаба

постигшего его бедствия.

Картины были... красивые. Анна рисовала фрукты. В основном гранаты. Они выглядели как живые, как настоящие: сочные, крепкие, свежие, казалось, только-только снятые с дерева. Жизнь веяло от всех работ, так и хотелось протянуть руку, взять спелый плод, разломить, высыпать в ладонь горсть зерен и отправить их в рот, чтобы сладко-кислый сок брызнул из-под зубов, потек по подбородку. Образ, возникший в мозгу, казался абсолютно реальным и осязаемым. Зубову даже показалось, что в комнате запахло гранатовым соком.

– Нравится? – Анна подошла, встала рядом, положила тонкие изящные пальцы ему на предплечье, пониже закатанного рукава джемпера. По коже будто прошел разряд электрического тока. Зубов дернулся.

– Очень нравится, – хрипло прошептал он, не в силах больше сдерживаться. Притянул девушку к себе, прижал, обхватил руками и стиснул ее грудь, судорожно вздымающуюся под тонкой, очень элегантной шелковой блузкой.

Эта блузка была глубокого зеленого цвета, который, впрочем, шел ей так же, как утренний яркий красный. Ей вообще шли все яркие оттенки, подчеркивающие темные глаза и почти черные волосы. Ощувив его грубые пальцы на своей груди, Анна чуть слышно ахнула, поерзала, словно устраиваясь поудобнее в его крепких объятиях, накрыла его руки своими ладонями, прижимая сильнее, и сказала с глубоким стоном:

– Боже мой! Я с утра этого ждала.

Чего именно она ждала и почему с утра, Зубов не понял. Не при виде же висящего под потолком трупа незнакомый полицейский капитан вызвал у нее такое желание, но думать особо не стал, да и некогда ему было думать. Огненный вихрь промчался по венам и достиг мозга, отключая мыслительные способности напрочь. Он, чертыхаясь про себя, все же справился с маленькими юркими пуговками на ее блузке, затем ловкие умелые пальцы проникли под одежду, коснулись нежной, как будто тоже шелковой кожи, нащупали кружево лифчика и дерзко проникли под него.

Анна застонала, сделала неуловимое движение, прижавшись к Алексею всем своим хрупким, очень ладным телом, снова поерзала, будто лаская хрупкой попкой его измучившееся под наплывом чувств естество. Теперь застонал Алексей, понимая, что сейчас не существует в мире силы, которая могла бы его остановить, подхватил ее на руки и зашагал по коридору в сторону спальни, за дверь которой пряталась невообразимая кровать, поразившая его воображение несколькими минутами ранее.

– Да! – шептала Анна, свернувшись калачиком у него в руках. – Да –

да – да – да!

Когда Зубов то ли проснулся, то ли очнулся, часы показывали два. Он скосил глаза – рядом мирно посапывала Анна. Ее коротко стриженная голова покоилась на соседней подушке, и во сне она была похожа на беззащитного и словно кем-то обиженного ребенка. Нижняя губка у нее чуть оттопырилась, как бывает у детей в момент сильной обиды, и Зубову вдруг стало любопытно, кто или что могли ее обидеть.

В тот же момент ему стало нестерпимо стыдно. Утром лежащая рядом с ним женщина перенесла сильное потрясение. Именно она первой увидела вывешенный в галерее труп хозяина галереи, оказавшийся частью жуткой инсталляции. Она не упала в обморок, не устроила истерику. Она была спокойна и собрана, четко и толково отвечала на вопросы, поддерживала Ольгу Бабурскую в ее горе и даже отвезла хозяйку галереи домой. В том огне, в котором она так безудержно сгорала пару часов назад, была частица этого пережитого потрясения. Желание и готовность забыться, перестать думать о том ужасе, свидетелем которого она невольно стала.

От этой женщины исходил сильный внутренний свет. Она была как ангел, явившийся на землю. И картины ее были такими же: светлыми, ясными, радостными, полными жизни. Алексею вдруг захотелось увидеть их еще раз, посмотреть, уже не отвлекаясь на испытываемый им внутренний жар и связанную с этим неловкость.

Еще раз покосившись на спящую рядом женщину, он вылез из-под одеяла, спустил босые ноги на прохладный пол и тихонько, стараясь не разбудить Анну, вышел из комнаты. На ходу приглаживая взлохмаченные то ли со сна, то ли в любовной игре волосы, дошел до мастерской, щелкнул выключателем.

Яркий свет снова залил комнату, озаряя огненно-красное гранатовое изобилие. Зубов медленно пошел вдоль одной из стен, останавливаясь перед каждой картиной, будто пробуя ее на вкус. Кроме гранатов, которые он уже успел оценить, здесь были лимоны, от явственно ощущаемой кислинки которых начинало ломить зубы, сладкие апельсины, пропитывавшие комнату ароматом душистого масла, сочные груши, наполненные летним солнцем, виноград сорта «Изабелла», такой настоящий, что Зубов немедленно почувствовал во рту его чуть вязкую сладость.

Анна Бердникова действительно была прекрасной художницей, и Зубова совсем не удивляло, что ее картины хорошо раскупаются. Ей-богу, они того стоили!

Он дошел до противоположной стены и увидел несколько картин,

натянутых на подрамники, но еще не прошедших через багетную мастерскую. Зубову стало интересно, поэтому он протянул руку и повернул к себе первую картину. От увиденного кровь застыла у него в жилах.

Картина оказалась в высшей степени странной: из грязно-серого, почти черного пространства на него смотрели глаза. Больные, горящие исступлением глаза, в которых не было ничего человеческого, они словно прожигали в капитане Зубове большую дыру, края которой расползались все шире и шире. От холста веяло такой безысходной жутью, что Зубов почувствовал, как волосы у него на руках медленно поднимаются дыбом. Он даже не сразу смог облечь в слова свои впечатления от увиденного.

Алексей взялся за вторую картину и снова отпрянул. На этом полотне были изображены огромные тараканы, нарисованные с таким вниманием к деталям, что омерзительные твари казались совершенно живыми. Зубов даже отшатнулся, словно испугался копошащихся в пространстве картины гнусных насекомых.

– Что ты здесь делаешь?

Алексей невольно подскочил от неожиданности и выпустил из рук подрамники. В дверях, щурясь от яркого света, стояла Анна, обнаженная и прекрасная.

– Господи, ты меня напугала. – Зубов вытер выступившую на лбу испарину. – Да вот, проснулся ночью и решил завершить экскурсию. Извини, что без разрешения.

– Ну, вообще бродить ночью по чужой квартире и влезать туда, куда не просят, – вполне типичное поведение для мента, – с ангельской улыбкой сказала Анна, а Зубова покорило слово «мент», в ее нежных устах прозвучавшее как-то особенно оскорбительно. – Но я, пожалуй, не обижусь. Особенно если ты пообещаешь сейчас же вернуться в постель и повторить все те штуки, которые выделывал со мной вечером.

Звучащее в ее хрипловатом голосе желание вперемишку со злостью (а она, похоже, действительно сердилась) раздражило капитана почище любого афродизиака. Эта женщина действовала на него совершенно невообразимым образом.

– Все, что ты захочешь! Обещаю! – ответил Зубов и протянул руки к ее ослепительно прекрасному нагому телу без единого изъяна. Но все же не удержался и спросил: – Ань, а вот те картины... В углу... Это тоже ты рисовала?

Вместо ответа Анна поцеловала Зубова с такой страстью, что их зубы стукнулись друг о друга. Он снова подхватил ее на руки, тут же забыв про какие-то там картины. Не было сейчас на земле ничего более важного, чем

тело этой женщины, которым он мог и должен был срочно овладеть.

– Что? – прошептала она, сворачиваясь клубком у него в руках и легонько куснув его за грудь. – Картины? Нет, это не мои. Это моей сестры. Евы.

* * *

Ночью ей снова приснился кошмарный сон. Кошмар – всегда один и тот же – преследовал ее с детства: длинный, постоянно сужающийся коридор, по которому нужно было бежать, спасаясь от неведомой опасности. За спиной оставалось что-то, не имеющее названия, но очень страшное, впереди же ждала темнота и полная неизвестность.

Спотыкаясь, Липа брела по этому коридору, падала и поднималась, в ужасе чувствуя, как начинает задевать плечами стены, как становится все уже проход, понижается потолок, из-за чего приходится все ниже и ниже наклонять голову. Она чувствовала, как из носа у нее течет кровь, а из глаз слезы, но не останавливалась ни на мгновение, понимая, что иначе погибнет.

От чего именно она бежала, какая неведомая опасность гнала ее вперед, Липа не знала. Выматывающий ночной кошмар был ее проклятием, иногда исчезающим на время, а потом снова возобновляющимся с неочевидной периодичностью. Только однажды он оставил ее больше, чем на год, и она почти уже поверила, что навсегда избавилась от всеобъемлющего ужаса, от которого просыпалась в холодном поту, в насквозь промокшей футболке, но морок вернулся, и она сдалась на его милость, смирилась с тем, что останется в его липком плену навсегда.

В этот раз мрачный коридор в ее сне сузился больше обычного. Липа вынуждена была встать на четвереньки и ползти по грязному шершавому полу, стирая колени в кровь, но она все равно задевала головой неумолимо приближающийся потолок. С потолка сыпалось нечто, сначала ошибочно принятое Липой за простой мусор, но потом она с ужасом поняла – это пауки. Огромные жирные пауки с мохнатыми лапами. Они ползли по затылку, больно цеплялись за волосы, забирались за шиворот. Липа пыталась стряхнуть мерзких тварей, но пространства даже для такого простого маневра не хватало, а пауков становилось все больше и больше. Они пытались заползти в уши, в ноздри, в открытый в крике рот. Липа в ужасе понимала, что они уже пробрались под пижаму и вот-вот найдут новую лазейку, чтобы попасть внутрь ее организма. Она напряглась в бессмысленной попытке раздвинуть стены, закричала громко, отчаянно и проснулась, села в постели, тяжело дыша.

Огромная безразмерная футболка из секонд-хенда (Липа специально выискивала и покупала только такие – в них ей было удобнее всего спать) оказалась совершенно мокрой от пота. Хоть выжимай! Липа со школьных лет в любую погоду спала с открытым окном. В комнате и сейчас было холодно, она тут же начала замерзать. Дрожа от озноба, решительно откинула одеяло и спустила ноги с кровати. Нужно сходить в туалет, принять горячий душ и переодеться. Только так удастся избежать простуды, а заодно и успокоиться.

В коридоре послышался ровный, негромкий стук палки. Так! Ее крик разбудил маму, которая поспешила на помощь дочери, как делала всегда. Правда, слово «поспешила» теперь не вполне уместно. Нащупав тапочки, Липа выскочила в коридор.

– Мамочка! Зачем ты встала? – Она нежно обняла мать, довела ее до комнаты, помогла лечь и поудобнее устроиться на кровати, на специально купленном матрасе для лежачих больных.

Конечно, в последнее время Мария Ивановна Бердникова уже не проводила целый день в постели, да и вообще чувствовала себя гораздо лучше, но вскакивать посередине ночи от дочкиных криков, вызванных очередным кошмаром, ей было ни к чему.

– Опять страшный сон? – спросила мама, когда Олимпиада подоткнула одеяло со всех сторон. – Ничего, Липушка, это пройдет. Всегда проходит и в этот раз тоже. Снилось все то же?

– Да. – Содержание Липиных снов Мария Ивановна знала прекрасно, поэтому рассказывать не имело смысла.

– Ты дрожишь, – заметила Мария Ивановна и погладила дочь по голове. – Беги в душ, а то простынешь. И... Липушка! Один сон ничего не меняет, ты же понимаешь.

– Конечно! Не переживай, мамочка. – Липа поцеловала маму, вечную свою спасительницу от всех детских, да и взрослых тоже, страхов в теплую, мягкую щеку. Такую любимую, такую родную. – У меня все хорошо. Не волнуйся и спи. Хорошо?

Она выскользнула из комнаты, на пороге обернулась тихонько – просто убедиться, что у мамы все в порядке, и кинулась в ванную. Пустила горячую, очень горячую воду, какую только могла вытерпеть, постояла под колючими струями, щиплющими кожу почище несуществующих пауков из ее сна, но, в отличие от тех, совсем не страшных. Ей нужно было подумать, а ничто не освобождало разум лучше, чем горячая вода.

Случилось страшное. В этом Липа была уверена. То страшное, к чему она была подсознательно готова все эти годы, но мысли о чем гнала прочь,

тщетно уговаривая себя: мол, все хорошо, а остальное ей только кажется. Нет, ей не казалось. Олимпиаде Сергеевне Бердниковой – профессиональному психиатру с многолетним опытом работы, не могло привидеться безумие. Врачу вообще не может ничего казаться, он лишь видит и оценивает симптомы, из которых складывается клиническая картина, а затем диагностирует заболевание. Картину Липа видела, а что с ней делать, не знала.

– «Medice, cura te ipsum», – пробормотала она любимое латинское изречение. – Врач, исцелись сам. Господи, что же мне со всем этим делать?

Еще год назад Липа посоветовалась бы с мамой. Мария Ивановна тоже была врачом. Правда, не психиатром, а педиатром, детским доктором. Через ее руки прошла добрая половина жителей их города. А если и не половина, то четверть точно. Мама всегда была самым лучшим Липиным советчиком, самым верным другом, самым надежным союзником. Но сейчас она не поможет. Маму больше *нельзя беспокоить*, теперь о ней *можно* только *беспокоиться*.

Стас? На мгновение искушение обо всем рассказать Крушельницкому, переложить груз ответственности на чужие плечи, заставить вместо себя принять решение стало таким сильным, что Липа даже зажмурилась. Нет, нельзя. Он – чужой человек, которого нельзя обременять своими проблемами. Да и вообще, каким бы хорошим он ни был, он мужчина, а значит, ждать чего-то стоящего от него не приходится.

Ответ нашелся сам собой и был таким простым, что Липа даже засмеялась. Ну, конечно! Кроме мамы, есть только один человек, которому она могла все рассказать. Не боясь, не стесняясь и не переживая за последствия. Ее старый учитель – профессор Лагранж. Решено, завтра, а точнее уже сегодня, она обязательно съездит к старику в гости и посоветуется, расскажет обо всем, что сейчас волнует ее больше всего. К счастью, сегодня суббота, а значит, их встрече не помешают служебные дела. Липины служебные дела, разумеется.

Как всегда, когда решение уже принято и муки выбора остались позади, настроение у Липы резко улучшилось. Согревшись под горячим душем, она растерлась махровым полотенцем, вытащила из стоящего в ванной комнате шкафчика чистую футболку, натянула через голову и тихонько прокралась в свою комнату, стараясь не потревожить мать. По дороге заглянула в ее комнату и улыбнулась довольно: мама уже спала.

Что ж, нужно последовать ее примеру. Профессор Лагранж обязательно что-нибудь придумает, отгонит злых чудищ, поселившихся в Липиной голове, успокоит и утешит, как он умеет. А значит, беспокоиться

не о чем. Липа забралась под одеяло, перевернула другой стороной влажную после ночного кошмара подушку, укуталась в одеяло и закрыла глаза. Через мгновение она уже крепко спала, и никакие сновидения ее больше не тревожили.

В субботу, как следует выспавшись и переделав все домашние дела, она действительно отправилась к Лагранжу. Старый профессор обрадовался и ей, и купленному по дороге вафельному тортику. Засуетился, помогая Липе снять шубку, бросился на кухню ставить чайник и оттуда начал сокрушаться, что забыл предложить госте тапочки.

– Франц Яковлевич, я сама возьму! – прокричала в ответ Липа. Обдернула свитер, провела рукой по волосам, сунула ноги в меховые тапочки, сиротливо ждавшие под вешалкой гостей, и пошла по длинному коридору в кухню. После стольких лет знакомства, в этой квартире она могла ориентироваться даже с закрытыми глазами.

– Как сыновья? Как внуки?

Старший сын профессора уже много лет жил с семьей в Америке, имел собственную лабораторию по биофизике в университете в Нью-Йорке, а его взрослые дети, получив там образование, стали настоящими американцами. Раз в год Дмитрий Лагранж прилетал в гости к отцу и каждый раз уговаривал старика переехать к нему, но тот отказывался наотрез.

– Здесь у меня Родина, наука, ученики и могила Машеньки, – отвечал Франц Яковлевич на все вопросы, когда родственники слишком уж активно начинали недоумевать, как это можно отвергать такое заманчивое предложение.

Впрочем, старый профессор отказывался переезжать и к младшему сыну, который руководил солидным банком и выстроил отличный коттедж для всей семьи в Подмосковье. Свою независимость Лагранж ценил больше всего на свете и только с год назад позволил сыновьям оплачивать приходящую домработницу.

Но даже домработница была не чужой – она много лет проработала в отделении судебной психиатрии медсестрой под началом Лагранжа. Недавно вышла на пенсию и теперь с удовольствием три раза в неделю мыла своему бывшему начальнику полы, приносила продукты и готовила еду. Лагранжа все любили, да и дополнительные к пенсии деньги были вовсе нелишними и доставались без особых трудов. Характером старик обладал золотым, хлопот не доставлял, а еще был великолепным рассказчиком.

– Сыновья и внуки штатно, – загудел Лагранж бархатным баритоном.

Голос любимого учителя Липа узнала бы из тысячи. – Так, как и положено им по возрасту и жизненным предпочтениям. Все живы, все здоровы – это главное. И, предвосхищая твой следующий вопрос... у меня тоже все штатно и в полном соответствии с возрастом. Утром проснулся, оценил, где и с какой интенсивностью болит, порадовался – еще жив, а уж дальше, как получится.

– Новую статью дописали?

Профессор все еще занимался научной деятельностью, вот только глаза у него стали сдавать, и теперь он работал за компьютером не более получаса в день, из-за чего написание научных работ затягивалось, вводя старика в сильнейшее раздражение.

– Дописал, слава богу. И отредактировал даже. Два дня назад отправил в журнал. Прочитать хочешь?

– Конечно, хочу, – Липа засмеялась. – Вы же знаете мой главный принцип: хороший врач учится всю жизнь. А у кого мне еще учиться, как не у вас? На курсы повышения квалификации мы больше не ездим. А то, что сейчас у нас здесь организуют, так это не курсы, а профанация одна. И статью вашу, Франц Яковлевич, я прочитаю с удовольствием. Даже затаив дыхание. И если можно, то возьму распечатанный экземпляр еще и для Стаса.

– Конечно, можно. – Лагранж поставил перед Липой чашку с дымящимся чаем, подвинул вазочку с малиновым вареньем, ловко разрезал принесенный ею торт. Движения были четкими и уверенными, как у молодого. Липа невольно залюбовалась его руками. – А скажи-ка мне, душа моя: ты по-прежнему дурочку валяешь и не позволяешь Стасу доказать тебе, что ты достойна любви?

Внутри стало жарко. Очень жарко. Липе сначала даже показалось, что она сделала слишком большой глоток горячего чая и огненная жидкость сейчас прожигает нестерпимо лютым пламенем дорожку в пищеводе и желудке. Она судорожно вздохнула и закашлялась. Лагранж с доброй усмешкой смотрел на нее.

– Франц Яковлевич, – взмолилась Липа, не зная, куда ей деваться от его пронизательных, все понимающих глаз, – Франц Яковлевич, давайте не будем про это. Ладно? Мы со Стасом просто друзья, и меня это вполне устраивает.

– Тебя – да, его – нет. Но ты права, говорить про это действительно бесполезно, раз уж ты не готова пока слушать и слышать.

– Вы же все про меня знаете, – в голосе Липы прозвучали близкие слезы, и Лагранж успокаивающе похлопал ее по руке. – Меня нельзя

любить. Я – моральный урод, душевный инвалид с полностью искореженной психикой. И я тоже не могу любить. Я обещала себе больше никогда никого не любить, и я держу это обещание. Потому что второй раз я просто не выдержу. Вы же знаете.

– Знаю. – Лагранж тяжело вздохнул и встал из-за стола. – Ты, душа моя, пожалуй, самый большой мой врачебный провал. Каждый раз после проведенных сеансов мне кажется, что на этот раз я тебя излечил, но проходит время, и ты возвращаешься снова и снова. Почему? Отчего? Почему нанесенная тебе травма столь сильна? Я не знаю ответов, и это меня мучает. Я сам себе кажусь шарлатаном, – голос ученого звучал глухо.

– Какой же вы шарлатан, Франц Яковлевич, – Липа даже засмеялась от подобного самоуничижения. – Вы – прекрасный врач и просто самый мудрый человек на земле. Если бы не вы, меня бы, наверное, просто уже не было. Но я пришла поговорить не об этом. И уж точно не о Стасе.

– А о чем? Тебе становится хуже? – помолчав, спросил старый доктор. Вернулся за стол, сел напротив Липы, подпер свою крупную, очень красивую голову с длинными белоснежными волосами рукой и приготовился слушать.

– Я не знаю, – тихо ответила Липа. – Я давно ее не видела. Вы же понимаете... после всего случившегося мы не общаемся. Но мой внутренний камертон очень чутко настроен на то, что она делает. Как-то так вышло. И Борис... – голос дрогнул, но она все же договорила: – Борис тут ни при чем. Так всегда было. С самого детства. И сейчас я просто кожей чувствую: происходит что-то страшное. Этот ужас в галерее...

– Ты считаешь, Ева имеет к этому отношение?

Липа дернулась, как от удара. Так происходило всегда, когда она слышала это имя, лишившее ее надежд на личное счастье и сделавшее инвалидом маму. Впрочем, какая глупость, разве имя может быть в чем-то виновато.

– Я не знаю, – сказала она и вдруг заплакала. – Я не знаю, Франц Яковлевич. Правда. Но Анна работает именно в этой галерее. Анна отвечала за выставку. Мне кажется, это преступление... не случайно произошло именно там. И как это произошло...

Она замолчала.

– Ты считаешь, убийство совершил психически нестабильный человек, – кивнул Лагранж. – Что ж, я вынужден с тобой согласиться, хотя и не видел материалов дела. Лишь читал разные спекуляции в социальных сетях.

– Вы интересуетесь социальными сетями? – Липа недоверчиво

воззрившись на своего старого учителя.

– А почему бы и нет, скажи на милость? – строго спросил он. – Я же не старый дурак, который не может освоить интернет?

– Нет, конечно, нет! – Она смутилась, но тут же успокоилась, потому что профессор Лагранж способен был отличить обидные слова от просто неловкой фразы. – Франц Яковлевич, мне кажется, очень важно иметь возможность получать информацию о расследовании не из интернета. Но тут без вас мне не справиться. Вы можете позвонить Лиле?

Лиля была второй любимой ученицей старого профессора. Правда, в отличие от Липы, училась она не в медицинской академии, а в университете на юридическом факультете. Лагранж читал там курс судебной психиатрии. Работала Лиля помощником начальника следственного управления. И хотя сейчас она сидела дома с маленьким ребенком, но связи свои наверняка сохранила и информацию добыть могла. Кроме того, новый муж Лили работал в полиции, а значит, информацию она могла черпать сразу из двух источников.

– Веревки из меня вьешь, – хмуро сказал Лагранж. – Ты же знаешь Лилю – из нее лишнего словечка не вытащишь, тем более в ущерб следствию. Ну ладно, ладно. – Он снова похлопал Липу по руке, заметив ее отчаяние. – Поговорю я с ней, обещаю. А может, ты просто на воду дуешь?

– Мне очень нужно знать о ходе расследования! Франц Яковлевич, миленький! – взмолилась Липа.

Липа чувствовала себя ужасно – будто вместо позвоночника в нее вогнали осиновый кол, и это было вернейшим признаком нервного перенапряжения. От ответа Лагранжа зависела вся Липина жизнь.

– Я же сказал, выясню! – повысил голос профессор. – Я хотя бы раз в жизни тебя обманул? А пока пей чай и ешь варенье. Я тебе сейчас расскажу, какую я новую книжку написал.

Помимо научных статей профессор Лагранж писал еще и художественные произведения. Короткие повести в разных жанрах: смешные воспоминания детства, интересные истории из врачебной практики, психологические зарисовки – наблюдения за людьми и человеческой природой. Липин учитель был великолепным стилистом, умел придумывать занимательные сюжеты и обладал особым чутьем на детали. В общем, читались повести Лагранжа на одном дыхании.

Олимпиада Бердникова послушно отхлебнула уже изрядно остывший чай и приготовилась слушать. Цели своего визита она уже добилась – Лагранж пообещал ей помочь.

* * *

Зубов уже давно не чувствовал себя таким счастливым, как в последний месяц. Дни он проводил на работе, но мысли его уносились далеко-далеко, в уютную квартирку в элитном микрорайоне на окраине, куда он спешил после работы, чтобы увидеть Анну.

Их свидания, конечно, не могли быть ежедневными. Галерея «Красный угол» вернулась к привычному для сотрудников и посетителей режиму работы. Выставку Анна все-таки сумела открыть, пусть и чуть позже. Естественно, вернисаж пользовался ошеломительным успехом – благодаря мрачной ауре недавнего жуткого убийства. Впрочем, Анна и ее коллега Елена спокойно задерживались в галерее допоздна, ни на что не жалуясь. Несчастную Ольгу Бабурскую они старались не тревожить и возникающие каждодневные проблемы решали сами, но хозяйка все равно приезжала в галерею каждый день, уверяя, что на людях ей гораздо легче, чем в одиночестве.

Не мог свободно распоряжаться собственным временем и Зубов: то суточное дежурство выпадет, а если и нет, иногда к вечеру он не мог даже шевелиться от усталости и отправлялся не к Анне, а домой, чтобы свалиться в постель и просто выспаться. Но если работа позволяла, они встречались в каком-нибудь маленьком ресторанчике в центре, а потом ехали к Анне, где их ждала ее роскошная кровать. Иногда Зубов отправлялся к возлюбленной прямо с работы, и тогда Анна сама готовила ужин, незатейливый, но вкусный и сытный, и всегда именно те блюда, которые любил Алексей.

Он видел, что их ставшие регулярными свидания доставляют радость не только ему. Анна тоже была искренне рада его видеть, уже в прихожей обвивала шею руками, целовала горячо, страстно. Иногда она была настроена нежно и тогда тащила Зубова на кухню – накормить, напоить чаем, выспросить, как прошел трудный день, обнять, прижав его голову к ложбинке между грудями. На этом месте нежность кончалась, потому что Зубов тут же вспыхивал, как порох, и не мог остановиться до тех пор, пока окончательно не сгорал в ее огне.

Иногда она накидывалась на него прямо в прихожей, у порога, как голодная дикая кошка. Срывала одежду, стонала, яростно предлагая себя всю, без остатка, прямо здесь и сейчас. Алексей с удовольствием включался в игру, осознавая, что такой страстной женщины у него до этого не было. И каждый раз возносил хвалу небесам за случай, пусть даже и такой печальный, соединивший их с Анной судьбы.

В последнее время она, правда, стала как-то спокойнее. Тихие, почти

семейные вечера теперь случались у них гораздо чаще, чем полные страсти ночи. Алексей боялся, что новизна чувств прошла, и он потихоньку начинает надоедать Анне. Такой красивой, такой яркой, такой утонченной. Он знал, что не подходит ей, вторгается в созданное ею для себя одной жизненное пространство, нарушает гармонию. Знание это тяготило Алексея – он боялся, что наваждение пройдет, и Анна его бросит.

Ему казалось, что она послушно уступает его чувствам и желаниям, но пока он упивается ее созданным для любви телом, мыслями где-то далеко, не с ним, Зубовым. В последние два раза Анна и вовсе просила его не оставаться у нее на ночь, сославшись на желание выспаться. И Зубов, разочарованный и несчастный, чуть очумевший от занятий любовью, ехал домой, отчаянно страдая.

Господи, как же он боялся ее потерять! И как же он обрадовался вчера вечером, когда она опять напрыгнула на него с порога, обвила руками и ногами, припала к его губам, раздвигая их кончиком языка, заелозила, вызывая к жизни и активным действиям самую чувствительную часть зубовского тела. Его реакция не заставила долго ждать, и Алексей собрался уже отнести ее в спальню, даже не сняв куртки и ботинок, но она не дала ему сделать и шагу.

Они оба дрожали так, словно внутри их началось землетрясение. Анна скользнула вниз, увлекая Алексея за собой, и они упали на пол, прямо в прихожей, и как-то очень быстро оказались без одежды, а все случившееся дальше можно было оценить в десять баллов по шкале Рихтера, а может быть и в двенадцать. То есть окончательно выбрать между сильным землетрясением регионального масштаба и катастрофическим, масштаба планетарного, Зубов никак не мог. Ибо для этого нужно было как минимум подумать, а мыслей в голове не было ни одной.

– Ты – потрясающая женщина! – отдышавшись, сказал он. – Аня, я тебя люблю!

Они лежали на полу на его куртке, и некий предмет, возможно ботинок, упирался Зубову в спину. Но ему было совершенно все равно.

– Мне тоже с тобой хорошо, – чуть лениво ответила она. После занятий любовью на Анну Бердникову всегда нападала истома.

Зубов не мог не заметить: она не сказала слова «люблю».

– У тебя же был кто-то? – спросил он, ругая себя последними словами, потому что не должен был спрашивать.

– Был, – так же лениво сказала она. – Гриша.

– Гриша – это кто? Муж?

– Нет, у меня никогда не было мужа. – Она рассмеялась, перевернулась

на живот и игриво куснула Зубова в плечо. – У меня был любовник, его звали Григорий, и мы встречались примерно три года или около того.

– А почему перестали? – Зубов не мог остановиться, хотя и понимал ошибочность своих действий.

– Просто я перестала его хотеть, – спокойно ответила Анна. – Зачем встречаться с мужчиной, к которому не испытываешь плотского желания? Сначала он стал мне безразличен, а потом противен. Поэтому я его прогнала.

– А если я тебе тоже стану противен? – спросил Алексей, внутренне корчась от страха перед возможным ответом.

– Ну, значит, тебя я тоже прогоню. Раз пропадет основа наших взаимоотношений. – Она говорила совершенно серьезно, Зубов это видел. – Я по характеру одиночка, у меня есть своя привычная жизнь, и мне никто не нужен. Поэтому рядом со мной удерживаются только те люди, которые соглашаются играть по моим правилам. Извини, наверное, тебе неприятно это слышать, но зато я поступаю честно. Сейчас мне с тобой очень хорошо, поэтому мы вместе. Но даже сейчас мне иногда нужно оставаться в одиночестве. Рисовать, читать, слушать музыку... Одиночество – питательная среда для творчества и саморазвития. Понимаешь?

Зубов понимал не очень.

– Неужели тебе никогда не хотелось иметь семью? Детей? – спросил он, страшась ее рассердить. Кто он такой, чтобы задавать ей настолько личные вопросы?

Впрочем, Анна, похоже, вовсе не сердилась.

– Нет, – она заправила за ухо непослушную прядь, – мне никогда не хотелось ни семьи, ни детей. Потому что я с детства знаю: семья и дети – это разрушающее человека зло.

Она снова куснула Алексея за плечо, затем наклонилась и проложила дорожку горячих поцелуев по его груди. Зубов тут же почувствовал желание, вспыхнувшее будто яркими неоновыми огоньками, а Анна хрипло спросила:

– Тебя это пугает?

Сейчас напугать Зубова могло только исчезновение пылкой любовницы, а потому он пробормотал «Нет!» и закрыл глаза, отдавшись на волю ее губ.

Он и сейчас, вспоминая все безумства минувшей ночи, которую ему милостиво было позволено провести в Аниной постели и там же встретить утро, невольно начинал глубоко дышать. Как же хороша была Анна, как же неумоима, как отзывчива. Нет, никогда-никогда не встречал он подобной

женщины и ради обладания ею был готов на любые сделки с дьяволом. Не хочет она замуж? Так и ради бога. Еще месяц назад и сам Алексей вовсе не собирался жениться, а все намеки матери на желание понянчить внуков заставляли его внутренне содрогаться. Вот и славно! Значит, они и в этом «два сапога пара». Хорошо, просто отлично.

Хлопнула дверь кабинета, ворвался Серега Лавров. В прошлом они здорово не ладили. Это было тогда, когда Зубов подозревал Лаврова в причастности к серийным убийствам^[3]. Время выдалось для Лаврова тяжелое: бросила жена, он начал пить, вылетел с работы, тусовался в частной охране, и жизнь его была бы совсем пропащей, если бы не помощник начальника следственного управления Лилия Ветлицкая. В той давней жизни Ветлицкую Зубов не любил тоже, но потом поумнел и во всем разобрался. Оказалось, классные ребята, Лилька и Серега.

– Чего сидим? Кого ждем? – спросил Лавров цитатой из какой-то забытой рекламы. – Убийство у нас, друг мой ситный.

– Где? – в отчаянии простонал Зубов. Новое убийство сулило новые неприятности и новую работу, а они и со старыми еще не разобрались.

Убийство в картинной галерее до сих пор не раскрыли, и даже ни малейшей зацепки у следствия не было. Не удалось даже отыскать автомобиль, на котором Михаил Бабурский прибыл к месту своей смерти. Просмотрели записи с камер видеонаблюдения, установленных на трассе, получили номера нескольких десятков машин, ехавших по трассе в нужное время в сторону города. Полицейские не поленились установить собственников всех этих транспортных средств, однако ни один человек не имел никакого отношения к галерее или ее сотрудникам. Никто ничего не видел, никто ничего не слышал, на месте преступления не нашли никаких следов. Следователь, ведущий дело, ходил мрачнее тучи и регулярно «спускал собак» на оперативную группу, но ситуации это не меняло. И вот – на тебе! – новое дело.

– За городом, в лесополосе, примыкающей к парку рядом с «Изумрудным городом», – ответил на вопрос Лавров, и Алексей вздрогнул. Разумеется, из-за названия микрорайона, то есть из-за Анны.

– А почему опять нам? – сварливо спросил он, вставая со стула и надевая куртку.

Сварливость была больше игрой, чем настоящей эмоцией.

– Потому что труп как раз в нашем духе, то есть очень непонятный, – серьезно сказал Лавров. – В аккурат в нашу коллекцию: в пару к Бабурскому.

– В смысле? – Зубов остановился в коридоре, ожидая, пока товарищ

запрет дверь. Волоски на руках у него встали дыбом от нехорошего предчувствия. – Он тоже подвешен за крылья?

– Нет, крыльев нет. Но тоже мужчина, полностью голый, привязан к дереву, старательно и неоднократно облит водой и заморожен. Будем надеяться, не заживо.

– Серега, – у Зубова сел голос, и он теперь говорил хриплым шепотом, – что все это значит?

– А это, друг мой ситный, с вероятностью в 90 процентов означает «серию», – озвучил его не оформившиеся пока страхи Лавров. – И сдается мне, этот труп – не последний. Маньяк у нас завелся, как пить дать.

Глава 4

Стас Крушельницкий злился. Все его сегодняшние планы летели в тартарары, к чертям собачьим летели, из-за заведующего соседним отделением Игоря Зябликова, который изволил не прийти на работу. Если быть совсем точным, то Зябликов не явился на прием в местное отделение медико-социальной экспертизы, где они с Крушельницким подрабатывали по очереди, вынося вердикты об инвалидности на основании психиатрического диагноза.

Сегодня была очередь Зябликова, но в бюро МСЭК он не появился. Стас был вынужден бросить все свои дела, поскольку на выдачу справок о признании их родственников недееспособными сегодня было записано восемь человек. Не заставляя же людей ждать. Получение инвалидности и так процесс не быстрый, а уж затягивать его по причине халатности врача и вообще никуда не годится.

Освободился он только к двум часам дня и в весьма мрачном расположении духа сразу же вернулся в областную психиатрическую лечебницу. Даже не пообедав, потому что обедать было решительно некогда.

Во дворе больницы стояла полицейская машина, и это могло означать только одно – ему предстоит новая работа, теперь уже в качестве эксперта в области судебной психиатрии. Он даже застонал легонько: у него и своей работы «вагон и маленькая тележка», плюс еще чуть-чуть, а тут незапланированный выезд.

В кармане зазвонил телефон, Крушельницкий глянул на экран и улыбнулся. Звонила Липа. Это случалось нечасто – когда она выступала инициатором разговоров. Обычно звонил первым он, поэтому сейчас с легким трепетом нажал на зеленую кнопку, предвкушая, как услышит ее голос.

– Привет, – тепло сказал он, вызывая в памяти образ Олимпиады

Бердниковой. Олимпиада виделась ему высокой, довольно крепко сложенной, с тяжелым узлом светлых волос, уложенных на затылке, и в обязательной белой врачебной шапочке.

С точки зрения Стаса, она была очень красивой, и портил ее только отблеск внутренней боли, запрятанный в глубине глаз. Очень далеко – и не разберешь, если не знаешь, но Стас Крушельницкий знал.

– Стас, ты скоро вернешься? – Голос ее звучал вроде бы совершенно как обычно, но Стас слышал внутреннее напряжение. Липа была взволнована.

– Я вернулся уже. Во дворе стою, – ответил он. – У тебя что-то случилось?

– У нас у всех случилось, – непонятно ответила она, – иди сразу к главному врачу. Мы тут.

– Мы – это кто? – уточнил Стас. – Ты не волнуйся, я уже иду.

– Мы – это заведующие отделениями. Только тебя не хватает.

Входя в основное здание лечебницы и взбегая по лестнице на второй этаж, где находились кабинеты начальства, Крушельницкий уже понимал: случилось что-то серьезное. Черт, вдруг сбежал кто-то... Прикидывая последствия возможного побега, он даже зажмурился и затряс головой. С год назад из отделения для буйных умудрились выбраться два пациента. Новость попала в СМИ, два дня город трясло, как в лихорадке, а поймали беглецов таки с топорами в руках. Скандал случился знатный, чуть не стоивший главврачу места. Крушельницкий начальнику сочувствовал: главный врач был отличным специалистом, да и мужиком неплохим, и его вины в случившемся не было.

Стас стрелой взлетел на второй этаж, по пути стягивая куртку, ворвался в приемную, где кое-как приладил куртку на вешалку и коротко кивнул секретарше Верочке. Верочка на неженатого Крушельницкого всегда смотрела с изрядной долей лукавства, но он не обращал внимания. Что еще за ерунда, право слово.

В кабинете главного врача собрались почти все заведующие. Почти, потому что отделений, за исключением приемного покоя, в психиатрической больнице было пятнадцать, а руководителей присутствовало тринадцать. Не хватало только заведующей детским отделением (хотя она, как было известно Стасу, находилась в отпуске) и того самого Игоря Зябликова, на которого Крушельницкий так сильно злился с утра, числившегося заведующим общепсихиатрическим мужским отделением номер 1.

В кабинете, помимо главного врача, находились двое незнакомых

мужчин в штатском. Однако легко можно было догадаться, что именно они приехали на том самом полицейском автомобиле, стоявшем во дворе. Стас тихонько подобрался поближе к стоящей у окна Липе, взял ее за руку, прошептал на ухо:

– Что случилось?

– Игорь погиб, – так же тихо ответила Липа. Глаза ее странно блестели. Наверное, от слез, хотя Стас не был полностью в этом уверен.

– Игорь? – Крушельницкий все еще не понимал, хотя сознание подавало отчаянные сигналы, пытаюсь пробиться через возведенные оградительные стены. В непонимании всегда есть свои прелести.

– Игорь. Зябликов. Его нашли в лесу за городом. Кто-то привязал его к дереву и обливал водой до тех пор, пока он не замерз. Его убили, Стас.

Крушельницкому внезапно стало холодно. Так холодно, что просто зуб на зуб не попадал. Его затрясло в сильнейшем ознобе, хотя в больнице хорошо топили, да и людей собралось немало. Липа тихонько высвободила свою руку из его ледяных пальцев.

Приехавшие полицейские тем временем продолжили опрос коллег погибшего.

– Он жил один? – спросил первый штатский, повыше и постарше. – У него была семья?

– Игорь Павлович был в разводе, – ответила высокая полная женщина, возглавляющая соматогериатрическое отделение. – Причем давно. Родители у него умерли, он жил один.

– Тогда понятно, почему его не сразу хватились, – мрачно сказал второй полицейский, моложе и не такой суровый, чем-то даже похожий на нахохлившегося воробья. – А почему никто не отреагировал, когда Зябликов сегодня не вышел на работу?

– Я отреагировал, – со своего места у окна негромко отозвался Стас. – Я был вынужден отправиться вместо него на комиссию МСЭК. Злился страшно. Игорь не пришел, оттуда начали звонить, и мне срочно пришлось ехать.

– Почему не попытались выяснить, где он и что с ним?

Крушельницкий пожал плечами:

– Я позвонил, но телефон был выключен. Времени особо не было, я просто сел в машину и поехал.

– И больше ему не звонили?

– Нет.

– И вы не удивились? Игорь Павлович ранее прогуливал работу без предупреждения? Он не пил?

– Нет, конечно. – Главный врач нервно поправил очки в тонкой оправе. – Пьющий психиатр – это нонсенс, знаете ли. Зябликов всегда был очень ответственным человеком. Поэтому, во-первых, решили, что отсутствует он по уважительной причине. Ну, мало ли. Заболел, высокая температура или срочно куда-то уехал. А во-вторых, ждали его звонка с объяснениями. Конечно, если бы до конца дня он не дал о себе знать, мы бы начали его искать.

– Искать его не надо. Мы его уже нашли, – мрачно сказал молодой полицейский. – И обстоятельства его смерти кажутся нам крайне странными. У кого-нибудь из вас есть предположения? Может, этот ваш Зябликов входил в секту? Или, наоборот, в кружок любителей здорового образа жизни?

– Вы шутите? – спросила одна из заведующих. – Вы считаете, человек может добровольно захотеть заморозить себя живьем?

На этих словах Липа вдруг вздрогнула, да так сильно, будто по ее телу прошла судорога. Стас изумленно посмотрел на нее.

– Извините, – сказала Липа громко, и все присутствующие тут же посмотрели в ее сторону. – Извините, я не запомнила, как вас зовут.

– Я – майор Лавров, – тут же повторно представился тот, который постарше и повыше. – А это капитан Зубов. А к вам как обращаться?

– Я Олимпиада Сергеевна Бердникова, заведующая девятым отделением, – представилась Липа. – Мне кажется, я обладаю важной для следствия информацией. Но я бы хотела поговорить с вами лично. Не при всех, если это возможно.

И тут Стас заметил, как на лице капитана Зубова вдруг возникло выражение неподдельного интереса к происходящему. Любопытно! Очень даже любопытно!

– У вас были с Зябликовым личные отношения? – спросил Лавров.

– Нет. – Теперь уже Липа выглядела удивленной. – У меня не было с ним никаких отношений, кроме сугубо служебных. Я не об этом. Просто мне кажется, что я знаю нечто важное.

– Хорошо. – Майор Лавров, похоже, принял решение. – Давайте отпустим ваших коллег. За исключением главврача, хотя бы потому, что это его кабинет. Или вы хотите поговорить наедине?

– Нет, конечно. Я не против присутствия Олега Николаевича. В моем сообщении нет ничего конфиденциального, просто я не считаю нужным распространять слухи максимально широко. – Олимпиада Бердникова обладала решительным характером. – И еще я бы хотела, чтобы остался доктор Крушельницкий.

– Я возглавляю отделение судебной психиатрии, – устало пояснил Стас. Происходящее ему не нравилось настолько, что у него начала болеть голова. – И да, я бы хотел остаться.

Он видел, как старший полицейский – Сергей Лавров наконец-то его узнал. Несколько лет назад они общались, когда Стас по поручению Лагранжа проводил экспертизу вменяемости одной женщины, совершившей несколько убийств. Убийца пыталась симулировать безумие, выдавая свои действия за серийные убийства. Но Крушельницкий составил заключение, в котором признавал женщину полностью вменяемой и во всей полноте осознающей собственные действия.

Коллеги разошлись, тихонько переговариваясь между собой. Было ясно, что страшная смерть Игоря Зябликова произвела на врачей психбольницы тягостное впечатление. В кабинете остались полицейские, взволнованный главный врач, Липа и он, Стас.

– И что вы хотите нам рассказать? – Сергей Лавров отодвинул стул и сел, жестом предложив и остальным устраиваться за столом. Липа села, поскольку ее не держали ноги.

Стас видел, как она волнуется. Смертельно волнуется. И это его пугало. Обычно Олимпиада Бердникова держала свои эмоции под мощным контролем. Таким мощным, что бушующее в ней пламя выжигало ее изнутри. Сейчас Олимпиада была бледна, смертельно бледна, как старинная восковая кукла.

– У Игоря была идея-фикс, – сказала она, сцепив лежащие на коленях руки. Ногти впились в кожу, оставляя отметины – белые полумесяцы. – Он тяжело болел – у него был рассеянный склероз. Он особо никому не рассказывал. Он вообще был довольно закрытым человеком. Знали немногие, но мы со Стасом знали. – Она покосилась на Крушельницкого, но тот молчал. – В общем, Игорь был уверен, что в будущем, лет через пятьдесят или даже сто, его болезнь научатся лечить. Не вызывать ремиссию, а излечивать полностью. И он на полном серьезе рассматривал для себя возможность заключить контракт на крионирование.

– Чего? – Этого Стас никак не ожидал. – Липа, ты серьезно?

Она кивнула:

– Абсолютно. Эта идея захватила Игоря целиком и полностью. Он прочитал все материалы о крионике в интернете. В следующий отпуск собирался съездить в Москву, осмотреть хранилище и почитать договор. Он начал собирать деньги.

– А можно полюбопытствовать, о чем вы сейчас говорите? – уточнил Зубов. – Я понимаю, между собой вы общаетесь на понятном вам

медицинском языке, но нам все-таки тоже хотелось бы быть в курсе, уж коли вы решили об этом поведать.

Олимпиада Бердникова вздохнула и начала рассказывать.

Еще в шестидесятых годах прошлого века ученые впервые доказали, что глубокая заморозка не приводит к смерти мозга. В 1966 году была проведена серия опытов, в ходе которых мозг восстанавливал свою электрическую активность после заморозки до минус двадцати градусов. А спустя восемь лет провели эксперимент, в ходе которого серое вещество частично восстановило свою активность даже после семи часов хранения при глубоких минусовых температурах.

Прошло десять лет, и в мире крионики случился новый прорыв. Выяснилось, что после заморозки свою структуру не изменяет не только мозг, но и большинство крупных органов, и крупных млекопитающих можно вернуть к жизни, даже если они три часа пробудут в состоянии клинической смерти, охлажденные до температуры всего в минус три градуса.

В 2002 году оказалось, что мозг сохраняет память, даже если он охлажден до минус десяти градусов, а еще через два года была проведена первая в мире пересадка почки, которая хранилась при температуре минус сорок пять градусов, а перед операцией была разморожена путем прогревания.

Так возникла идея крионическими методами замораживать тела людей, имеющих неизлечимые сегодня заболевания. В надежде, что через сто или пятьдесят лет медицина сделает рывок вперед, и люди, тела которых тогда можно будет разморозить, смогут излечиться. Крионические компании стали появляться по всему миру. В том числе и в России. В 2006 году появилась организация, предоставляющая услуги по крионированию тел с их последующим хранением.

– К тому моменту, как Игорь про это узнал (примерно с год назад), у компании уже было заключено 250 договоров. И заморожено более пятидесяти тел, – рассказывала Олимпиада напряженно слушающим собеседникам. – Тела, оказывается, можно замораживать как целиком, так и по частям. «Уверовавшие» в крионику граждане полагают, что в будущем из отдельной части тела можно будет воссоздать заново весь организм, а хранить замороженные части гораздо дешевле, чем все тело целиком.

– Это же бред какой-то, – не выдержал капитан Зубов.

– Ну почему бред? – устало улыбнулась Олимпиада. – Мы просто привыкли считать бредом все непонятное и пугающее. Все эти эксперименты действительно проводились и давали такой результат, как я

описала. К примеру, в 2015 году ученым и вовсе удалось разморозить и оживить животное, подвергнутое глубокой заморозке. Как выяснилось, оно не утратило памяти и навыков, все прошло идеально.

Она решила подробно рассказать об эксперименте, благодаря которому Игорь Зябликов окончательно укрепился в своем решении.

Процедура криозаморозки сложна и не слишком приятна. Сначала тело человека, заключившего договор, готовят к заморозке. Для этого проводят сложную медицинскую процедуру, называемую перфузией. Это сложная операция, проводимая в течение двенадцати часов. Для ее успеха необходима слаженная работа почти десятка врачей и медсестер. Медики, поддерживая определенную температуру тела, вливают в него несколько растворов – криопротекторов, которые защищают органы и ткани организма от образования в них при заморозке кристалликов льда. Именно лед может повредить сосуды и внутренние органы, а этого допустить нельзя. Растворы для крионирования доводились до совершенства в течение сорока лет, и сейчас абсолютно безопасны.

– И вы хотите сказать, все это абсолютно законно? – усомнился Зубов. – Там же людей фактически убивают.

– Да нет же. – Олимпиада Бердникова была само терпение. – Крионирование производят только в том случае, если человек умер от естественных причин. Главная задача – доставить тело в лабораторию как можно быстрее. А потом уже подготовленное надлежащим образом тело помещают в специальные камеры с жидким азотом. Это такие герметичные ванны, в которых тела могут храниться сколь угодно долго. В Америке, правда, одна из крионических фирм недавно разорилась, но они смогли договориться с конкурентами и передали тела на хранение уже туда.

– Мы не в Америке, – мрачно сказал Сергей Лавров. – Уж и не знаю даже, к сожалению или к счастью. Вы меня простите... – он покосился на бейджик, приколотый к ее халату, – ...Олимпиада Сергеевна. Но как Зябликов собирался осуществить свою затею? Он же был жив, и его заболевание никак не предусматривало скорой смерти. Ну, съездил бы он в Подмоскovie, заключил договор с крионической компанией. А дальше?

– Он собирался назначить душеприказчика, ответственного за все манипуляции с его телом, из числа сотрудников компании. Я это знаю, потому что он именно меня попросил в случае его смерти позвонить тому человеку.

– Но откуда он знал, когда умрет? – воскликнул Зубов.

– Он собирался оформить все бумаги, навести порядок в делах, продать квартиру, чтобы заплатить за крионирование, а потом покончить с

собой, – тихо сказала Олимпиада.

В кабинете воцарилась гробовая тишина. Первым нарушил молчание Сергей Лавров:

– И вы так спокойно об этом говорите? Вы знали, что ваш коллега собирается свести счеты с жизнью, и ничего не предприняли?

– Вы не понимаете. – Липин голос звучал совсем устало. – Я – психиатр, поэтому я... да и все мы... понимаем, что мысли и идеи не могут быть опасны, пока они находятся в голове. Был такой американский врач Джеймс Роджерс. Он излечивал паранойю у своих пациентов, доводя до максимума их бредовые состояния. Каждый новый виток исправлял предыдущий. Роджерс говорил: «Неважно, какими призраками вы населяете ваш мир. Пока вы в них верите, они существуют. Пока вы с ними не сражаетесь, они не опасны». Игорь не предпринимал попыток покончить с собой, понимаете? Он в течение года читал сайты в интернете, изучал крионику, строил планы. Он собирался съездить в Подмоскowie и посмотреть на все своими глазами, потом вернуться и еще раз подумать. На данном этапе ситуация не требовала вмешательства. Каждый сходит с ума по-своему, и врачи-психиатры не исключение.

– И тем не менее Игоря Зябликова нашли замороженным в лесу.

– Вот именно, – в голосе Липы Стас Крушельницкий расслышал первые нотки нетерпения. – Важнее всего, где его нашли. В лесу. Замороженного варварским способом, не имеющим к крионике никакого отношения. У него все ткани, сосуды и внутренние органы поражены кристаллами льда. Конечно, никто не может гарантировать людям, заключившим договор на крионирование после смерти, что их когда-нибудь оживят, но у них хотя бы есть шанс. А Игоря такого шанса лишили. Его убили.

– Олимпиада Сергеевна, мы с коллегой очень признательны вам за ваш рассказ, – сказал Лавров. – Но мне интересно другое: а лично вам что кажется в этой истории самым важным?

– То, что Игорь собирался подвергнуть свое тело заморозке, и убийца его именно заморозил, – быстро сказала она. – Получается, убить его мог только тот, кто знал об его идее-фикс, а таких людей немного.

– И кто, по-вашему, об этом знал?

– Мне трудно судить, – Бердникова пожалала плечами. – Я могу говорить только о том, что об этом знала я. Но я никогда об этом ни с кем не говорила. Только с самим Игорем.

Она вдруг запнулась, и это не ускользнуло от внимательного майора Лаврова.

– Что? – спросил он. – Вы что-то вспомнили?

– Нет, ничего. – Олимпиада порывисто встала со стула. – Я могу идти? Я рассказала все, что знала, и меня ждут больные.

– Да, конечно, – согласился Лавров. Его глаза внимательно ощупывали ее бледное, но совершенно спокойное лицо.

– Можно еще только один вопрос? – спросил Зубов.

Взявшаяся за ручку двери Олимпиада остановилась и повернулась к нему:

– Да, конечно.

– Скажите, пожалуйста, Анна Бердникова, куратор выставок в галерее «Красный угол», имеет к вам какое-то отношение?

– Да. – Лицо Олимпиады оставалось совершенно неподвижным.

«Как маска», – снова подумал Крушельницкий. Поведение Липы волновало его все больше и больше. Он хорошо ее знал, и никогда еще она не вела себя так странно.

– Да, – снова повторила Липа. – Она моя сестра.

– Сестра? – Зубов выглядел немного озадаченным. – Мне она про вас ничего не говорила. Упомянула лишь сестру Еву.

– И Ева тоже сестра. – Олимпиада Бердникова вышла из кабинета, бесшумно притворив за собой дверь.

* * *

Зубов налил себе чаю и примостился на подоконнике, грея о чашку руки. В город наконец-то пришли зимние холода. Не сказать, чтоб сильно страшные, но все же намекающие: мол, Новый год совсем скоро. С праздниками все было непонятно. Согласится ли Анна провести новогоднюю ночь с ним? Если да, то надо ли куда-то идти? Или можно остаться в ее квартирке, сесть на пушистый ковер перед французским окном, пить шампанское, смотреть на городские огни, целоваться, неспешно заниматься любовью и снова смотреть в окно. Вместе, вдвоем. С точки зрения Зубова, идеальная новогодняя ночь должна выглядеть именно так.

Но, может быть, у Анны другие планы? Может, она захочет встретить Новый год с сестрами или с семьей, о которой Зубов до сих пор ничего не знал? Открытая, раскрепощенная, совершенно бесстыдная в сексе, Анна наглухо закрывалась, как только заходила речь о ее жизни. Вернее, она охотно рассказывала о работе и выставках, о своих картинах, о городах, где побывала, и людях, с которыми познакомилась, но тема семьи... Это было настоящее табу. А Зубову отчего-то казалось очень важным пробить

именно эту стену. Он хотел знать об Анне все.

Вечером того дня, когда они с Лавровым побывали в психиатрической клинике, он спросил у Анны про Олимпиаду Бердникову. Девушка скорчила недовольную рожицу. Было видно, что старшую сестру она не жалуется.

– Ой, Липа такая зануда! С детства такая была, – пояснила она. – Все у нее всегда по полочкам, по правилам. Чистый трамвай, который ездит исключительно по рельсам. У нее и мать такая. Правильная до жути. И еще в них обеих заложена тяга к страданию. Этакая внутренняя программа, заставляющая находить повод для страданий во всем. Это вечно кислое выражение лица и неспособность просто радоваться всегда меня раздражали. Я предпочитаю с ними не общаться. Как только стала самостоятельной, так и распрощалась.

Зубов вспомнил Олимпиаду и был вынужден согласиться с возлюбленной: выражение лица доктор Бердникова действительно имела на редкость «кислое». Впрочем, в словах Анны его зацепило совсем другое.

– Ее мать? – уточнил он. – У вас разные матери?

– Ну да. И отцы на самом деле тоже разные. – Анну, казалось, раздосадовала его непонятливость. – Липина мать – Мария Ивановна вышла замуж за моего отца после смерти моей мамы. Когда они появились, Липе было девять лет, а мне три. У Липы другой отец, а мой папа ее усыновил. Поэтому у нее мое отчество и фамилия.

– А Еве? – спросил Зубов. – Ева – чья дочь?

Теперь на прекрасном лице Анны читалась не просто досада, а откровенная злость. Разговор ее раздражал, и скрывать свои эмоции она не собиралась. Становилось ясно, почему раньше она не пускалась в откровения.

– А Ева – тоже дочь моего отца, – сухо сообщила она. – Мы с ней близнецы. Ты что хочешь на ужин – жареную картошку или цветную капусту?

Зубов понял, что разговор Анне откровенно неприятен, и предпочел благоразумно заметить выставленные «красные флажки».

– Картошку, – сказал он, и Анна как ни в чем не бывало мило ему улыбнулась.

Сейчас Зубов отхлебнул из своей кружки и улыбнулся. Губы сами собой невольно растягивались, когда он думал об этой удивительной женщине, с которой ему так несказанно повезло.

– И что мы с тобой имеем, скажи на милость? – В его размышления бесцеремонно ворвался Лавров. Мгновенно уничтожил состояние

сладостной безмятежности и злодейски вернул в реальную жизнь. – Я чувю, в самое ближайшее время следаки примут решение объединить два дела по убийствам в одно.

– Все к тому идет, – согласился Зубов.

– Итак! Два человека: богатенький пенсионер-меценат и врач-психиатр средних лет убиты с разницей в месяц. Один найден задушенным и подвешенным к потолку в картинной галерее, второй – замороженным и привязанным к дереву в лесу. Оба непосредственно в момент убийства находились в бессознательном состоянии после введенного им внутривенно медицинского препарата. Препарат специального действия, используется для анестезии при хирургических операциях. Один убитый женат, другой разведен. И оба рассуждали о том, как им хотелось бы умереть. Первый страшился смерти в своей постели и мечтал покинуть мир, пережив некое приключение, а второй всерьез собирался подвергнуть свое тело глубокой заморозке. В общем виде именно желаемое с ними произошло. Получается, убийца был отлично осведомлен о фантазиях этих мужчин. Но как? Они же никак не связаны между собой. Или связаны? И именно эту связь нам и предстоит отыскать? Ау, Леха, ты меня слышишь? Как думаешь, много общего у наших жертв было?

Зубов продолжал молчать, полностью погрузившись в свои мысли. Там царяло и кусалось какое-то воспоминание, каким-то образом связанное с рассуждениями Лаврова. Кто-то еще, совсем недавно, предсказывал свою смерть. И смертью всё и закончилось. В полном соответствии с предсказанием. Но кто? Не было у них в отделе никаких дел с ритуальными убийствами. Эти, слава богу, первые.

– Леха-а-а-а... Ау, отвисни. – Лавров подошел к коллеге, помахал перед его глазами растопыренной пятерней. Зубов послушно моргнул. – Я говорю, надо искать связь между двумя потерпевшими. Есть такая связь, не может ее не быть.

– Конечно! – кивнул Зубов. – Взять хотя бы ту машину.

«Той машиной» они называли старый, выдавший виды «Фольксваген», зафиксированный камерами видеонаблюдения на загородной трассе в ночь убийства Бабурского. Тогда машину засекли в направлении от Спасского-Луговиново к городу. А в ночь, когда, по мнению экспертов, был убит Игорь Зябликов, та же самая машина выезжала из города в сторону лесопаркового массива. Хотя, конечно, это могло быть и простым совпадением.

Владельца подозрительной машины установили сразу же. Им оказался семидесятилетний пенсионер, проживающий в настоящее время у дочери в

Германии. Уехал он два года назад, после смерти жены. Квартиру «законсервировал» – на случай, если жизнь за границей не придется ему по нраву, а машину продал, чтобы не сгнил «железный конь» за время его отсутствия. Вот только покупать развалюху долгое время никто желанием не горел. Покупатель нашелся в самый последний момент, возиться со снятием машины с учета и оформлением договора купли-продажи пенсионеру было некогда, и он просто выписал своему покупателю генеральную доверенность.

Доверенность могли оформить нотариально, и тогда нового владельца все-таки можно было найти, обойдя всех нотариусов города и подняв их реестры двухгодичной давности, а могли и не оформлять. И тогда весь этот титанический труд оказался бы напрасным. Решили пока с обходом нотариальных контор обождать – мало ли машин ездит по ночным трассам, совпадения бывают и более невероятные.

А вот собеседников покойных, которым были ведомы их необычные фантазии об идеальном способе смерти, нужно было обязательно установить. Ведь могли найтись и другие фантазеры-оригиналы, тоже поделившиеся с окружающими своими идеями. И этим людям грозила нешуточная опасность!

Было решено зайти сразу с двух сторон. То есть Лавров поехал заново опрашивать сотрудников галереи, включая вдову убитого Бабурского, а Зубов – в психиатрическую больницу, еще раз поговорить с коллегами Игоря Зябликова. Конечно, Алексей предпочел бы обратную схему, но такого шанса ему Лавров не предоставил.

– Леха! Личное отношение страшно мешает незамутненности взгляда! – назидательно произнес начальник. – Это вообще не дело... Эти твои шуры-муры с этой Анной. Но сердцу не прикажешь, я понимаю. Вот только вести там опросы ты не будешь, лишнее это уже.

В логике старшему товарищу нельзя было отказать, поэтому Зубову оставалось лишь с унылым видом согласиться. До больницы он добирался на рейсовом автобусе, поэтому изрядно продрог. За кованым железным забором лежал чистый снег, такой ослепительно-белый, то резало глаза. Зубову показалось, будто на него кто-то смотрит. Он просто физически ощущал на себе взгляд, а точнее, взгляды. Поднял голову и увидел несколько десятков лиц, прильнувших к оконным стеклам. На него смотрели больные.

Алексею стало не по себе. Психического нездоровья он страшился, как всегда боятся того, чего не понимают. Какие чудовища скрывались в глубинах психики этих людей, что могло выпустить их на свободу, где

тихое безумие переходило в агрессию и чем может все закончиться, он не знал.

Желание развернуться и уйти было на редкость сильным. Он даже остановился и нерешительно затоптался на месте, но тут же ускорил шаг, кляня себя за малодушие. Зубов заранее договорился о встрече со Стасом Крушельницким, сочтя доктора наиболее полезным в качестве информанта. Во-первых, Крушельницкий возглавлял отделение судебной психиатрии, а значит, знал о преступниках больше других. Во-вторых, именно его отчето-то оставила в кабинете главврача, как свидетеля своего рассказа, Олимпиада Бердникова. Единственного свидетеля, и этот факт отчето-то царапал Зубова изнутри.

Когда он вошел в кабинет Крушельницкого (сильно при этом удивившись: ни ворота больницы, ни входные двери, ни дверь кабинета не были заперты), врач встал из-за стола, протянул руку, коротко бросил: «Можешь звать меня просто Стас». Рукопожатие у него было крепкое, сухое, энергичное. Хорошее рукопожатие, мужское, Зубов оценил и подачу перейти на «ты» принял.

– Слушай! Мы установили связь между двумя делами, которые сейчас у нас в производстве. Я сейчас тебе все расскажу, а ты уж покумекай, чем может быть вызвано стремление убивать таким способом. Я уверен – это дело рук какого-то шизофреника. Нормальный человек так поступать не будет. Тут и способ убийства выбран заковыристый, и само действие тщательно подготовлено, и улики уничтожены грамотно.

– Ну, насчет шизофреника ты зря. Медицинскими терминами кидаться – последнее дело, – усмехнулся Стас. – Впрочем, для непрофессионала это нормально. Ты вряд ли знаешь, но наукой установлено, что только четыре процента серийных убийц были больны шизофренией и в ходе экспертиз были признаны невменяемыми. Остальные четко осознавали свои поступки.

– Ты хочешь сказать, серийный убийца может быть психически здоровым? – недоверчиво спросил Зубов.

– Этого я не говорил. Просто «шизофреник» и «психопат» – вещи разные. Давай, выкладывай обстоятельства дела, постараюсь помочь.

Зубов коротко, но понятно рассказал об убийствах и даже фотографии показал. Хотя это, в общем-то, было нарушением профессионального кодекса. Но Крушельницкий мог ему помочь, а для пользы дела все средства хороши.

– Да! У вашего убийцы явно выраженное расстройство личности, сомнению не подлежит. Какое именно, я тебе пока сказать не могу.

Материала для анализа маловато. Но клиент однозначно наш. Если тебе повезет его поймать, я на него с интересом посмотрю. Пока же запомни: психопат, страдая от болезненных свойств своей личности, тем не менее способен руководить своими поступками. В отличие от больных шизофренией. Психопат не дезориентирован, не лишен чувства реальности, не страдает бредом и галлюцинациями. Скорее всего тот, кто это сделал, мыслит вполне рационально и осознает, что и зачем он творит. Его поступки – результат осмысленного действия.

Зубов поежился.

– А я привык бояться людей, которые ходят по улице и разговаривают сами с собой, – признался он.

– Ты – жертва стереотипа. Таких вот тихих помешанных принято бояться, хотя они совершенно безвредны. А серийные убийцы, которые часто измываются над своими жертвами, истязают их, при этом, как правило, находятся вполне в здравом уме. С позиции современных юридических и психиатрических стандартов стремление причинять страдания не является психическим заболеванием, поэтому в ходе экспертизы таких убийц не признают невменяемыми и не освобождают от уголовной ответственности.

Зубов слушал внимательно, но по его лицу было видно, что понимает он не до конца.

– Если убийство совершает шизофреник по велению «голоса свыше», то он признается невменяемым и отправляется на принудительное лечение. У меня тут, – он кивнул куда-то в сторону потолка, – как раз такие и находятся. Если хочешь, могу познакомить.

Алексей отчаянно замотал головой.

– Но если подобное преступление совершает психопат, – продолжал Крушельницкий, – то он, как человек психически здоровый, отправляется на пожизненку. И его никто не лечит.

– Получается, серийных убийц, страдающих психическими заболеваниями, на самом деле немного? И что все маньяки – психи, это просто расхожее заблуждение? Миф?

Крушельницкий кивнул:

– Да, к сожалению. Большинство маньяков полностью вменяемы и вполне осознанно совершают свои бесчеловечные преступления. Такие, например, как эти, – он кивнул в сторону лежащих на столе фотографий. – Как говорил один из знаменитых американских маньяков Тед Банди: «Многие насильники вовсе не являются больными людьми. Они просто верят, что могут безнаказанно навязать другим свою волю».

– Хорошо, тогда еще один вопрос. Если тот, кто убил Зябликова, знал про его фантазии о крионике, значит, это близкий ему человек? Кому еще, кроме Олимпиады Бердниковой, мог ваш доктор про это рассказать?

– Если честно, я поражен Липиной осведомленностью, – ответил Стас. – Я-то с Игорем близко не общался, но вообще он был достаточно открытым человеком, так что знать могли многие. Надо у него в отделении поспрашивать.

– В прошлый раз Олимпиада Сергеевна показалась не вполне искренней... – осторожно начал Зубов, – ... не все она рассказала, что сама знает.

– Ну, значит, надо спросить у нее еще раз. – Крушельницкий растер крепкой ладонью затылок, как будто у него внезапно начала болеть голова. – Олимпиада Сергеевна – человек непростой и не очень счастливый. Это из детства идет. Ей приходится гораздо сложнее, чем большинству людей, потому что она живет практически без кожи. Такая особенность. Но при этом она хороший человек, добрый и честный. И помочь в расследовании не откажется.

– А мы можем сейчас с ней поговорить? – спросил Зубов, которому вовсе не улыбалось тащиться в эту унылую, населенную безумцами Тмутаракань еще раз.

– Да ради бога. – Крушельницкий встал и начал решительно натягивать куртку. – Нам только нужно перейти в другое здание. Отделение, которым заведует Липа, находится не здесь.

Они вышли на улицу, и Зубов всей грудью вдохнул холодный воздух. Он только сейчас понял, как тяжело ему дышалось внутри «отделения номер 21 судебно-психиатрической экспертизы для подстражных испытуемых с палатами для нестражных испытуемых», как сообщала табличка на дверях здания.

Крушельницкий еле заметно усмехнулся. Но понимающе, без издевки.

– В отделении, которым заведует Олимпиада Сергеевна, есть палаты для принудительного лечения, – негромко сказал он. – Если у вас тонкая душевная организация, то приготовьтесь. Там можно много чего услышать, а иногда и увидеть.

Зубов только вздохнул. Они обогнули здание и свернули на протоптанную среди сугробов тропинку. Снег начал падать совсем недавно, но зима лихо наверстывала упущенное, и сугробы, старательно сметанные дворником, достигли уже вполне приличных размеров. Тропинка вела к другому двухэтажному зданию, довольно облезлому. Перед входом располагалась небольшая автомобильная парковка. Видимо, для персонала.

На ней стояли красные «Жигули» седьмой модели, маленькая, юркая, кислотно-зеленая «Шевроле Спарк» и – Зубов даже глазам своим не поверил – старый темно-серый «Фольксваген», судя по номерам, тот самый, который был зафиксирован камерами видеонаблюдения и чей владелец сейчас спокойно жил в Германии.

Увидеть здесь эту машину было просто невероятно неожиданно. Зубов даже споткнулся, как внезапно пойманная лассо лошадь, и встал как вкопанный. Идущий впереди Стас остановился, поджидая его, посмотрел недоуменно.

– А ты знаешь, чьи это машины? – спросил он, собрав остатки профессионализма, чтобы не привлечь внимание Крушельницкого именно к серому «Фольксвагену».

Тот пожал плечами.

– Знаю. «Жигуль» – завхоза нашего. Он за все отделения отвечает, но машину тут оставляет, а не у административного корпуса, потому что здесь встать проще, особенно днем. «Спарк» – одной из медсестер, ей родители на день рождения подарили. А «Фольксваген» – Липин.

– Вот этот вот «Фольксваген» принадлежит Олимпиаде Сергеевне Бердниковой? – зачем-то уточнил Зубов, хотя и так все было понятно.

– Ну да, – Крушельницкий выглядел озадаченным. – А что тебя так удивляет?

– Нет-нет, ничего. Просто не женская машина, – невпопад ответил Зубов. – Ладно, пошли внутрь, а то холодно.

У капитана было стойкое ощущение только что сделанного важного открытия. Но какого именно? Над этим следовало еще подумать.

* * *

Следствие опять зашло в тупик. Думая об этом, капитан Зубов бесился, как запертый в клетку тигр. Не успел он обрадоваться найденной «подозрительной» машине, как след пришлось признать ложным. В ночи убийств Олимпиада Бердникова никак не могла за рулем данного транспортного средства перемещаться по городу. Именно в те даты у доктора Бердниковой стояли ночные дежурства в клинике: с 19 часов, когда она заступала на смену, и до восьми утра она безвылазно находилась в отделении.

Объяснить, как ее машина в это время оказывалась на трассе за пределами городской черты, она не могла.

– Из окон ординаторской, где мы спим ночью, стоянки не видно, – сказала она. – Вы же сами видите... Машина такая старая, вряд ли кто-то

на нее покусятся. Угона я не боюсь, эта рухлядь даром никому не нужна. Я вообще часто бросаю ее на стоянке на несколько дней. Она ведь то и дело ломается. Иногда меня кто-то из коллег подвозит домой, и тогда на следующее утро я добираюсь на работу на такси. Может ли машину кто-то взять на время, а потом вернуть? Теоретически, да. А практически я не очень понимаю, кому это нужно.

Последние слова она произнесла с гораздо меньшей долей уверенности. Но, как ни бился Зубов, а потом следователь, раскрывать свои секреты Олимпиада не собиралась. Михаила Бабурского она знать не знала, хотя, конечно, слышала о нем. А кто не слышал о бизнесмене, меценате и почетном гражданине? Наверное, любой житель города знал, кто такой Михаил Бабурский. Но все это ни на шаг не приближало следствие к разгадке причин его убийства и связи с доктором Зябликовым.

Беседы в художественной галерее к особому результату тоже не привели. Ни Ольга Бабурская, ни Анна Бердникова, ни Елена Кондратьева, ни гардеробщицы, уборщицы и смотрительницы залов никогда в жизни не пересекались с заведующим одним из отделений психиатрической лечебницы Игорем Зябликовым. И по фотографии его не опознала ни одна из женщин.

– Может быть, Егор... – неуверенно предположила Ольга Бабурская. – Мне кажется, он – именно тот, кто может вам помочь.

– Ермолаев? – уточнил майор Лавров. – Ваш фотограф?

– Ну да, он же подрабатывал не только у нас. Мы услуги фотографа заказываем нечасто, не каждый же день мы выставки открываем, а мальчику очень нужны деньги. Поэтому он на полставки оформлен санитаром, как раз в психиатрической больнице.

Это была важная информация, и оперативники бросились отрабатывать этот след, кляня себя за то, что сразу не выяснили, где еще работает улыбчивый студент-фотограф. Он был единственным звеном, связывающим галерею и больницу, а значит, и обе жертвы – Бабурского и Зябликова. Но парня, как на грех, не оказалось в городе. Вместе с друзьями он уехал в Москву встречать Новый год.

– Егорка целый год деньги на эту поездку копил, – рассказала мать Ермолаева. – Поехали они с ребятами к однокласснику их бывшему, тот в Москве учится, квартиру снимает. Они, когда ездят, всегда у него останавливаются. Дешево, на гостиницу тратиться не надо.

По словам матери, вернуться в город Егор должен был третьего января, потому что четвертого у него стояло дежурство в больнице, а пятого начиналась сессия.

– Вообще-то этот «перец» вполне мог взять на стоянке машину Бердниковой, совершить преступление, одно и второе, вернуть машину на место, и этого никто не заметил. Так-то там бардак, если вдуматься. Психиатрическая клиника, несколько отделений с буйными психами, а ворота стоят круглые сутки нараспашку и ни одной камеры. У них два года назад пациенты сбежали, так ведь все равно никто даже бровью не повел. И порядок не навел, – задумчиво сказал Зубов.

– Так-то он не похож на убийцу, – в голосе Лаврова звучало сомнение, – хлипкий слишком, да и правильный.

– Ты сторонник теории Ломброзо? – усмехнулся Зубов. – Если бы преступников можно было определять по внешнему виду, мы с тобой быстро бы остались безработными. И если так рассуждать, в галерее вообще крепышей и силачей, подходящих на роль убийцы, нет. Только этот пацан, да кучка женщин.

– Ладно, приедет, поговорим, – вздохнул Лавров, – не объявлять же этого парнишку во всероссийский розыск. А по телефону ему звонить, так только напугаем. Если в чем виноват, сорвется с места, и ищи его потом, свищи.

Незаметно наступил Новый год, который Зубов встретил именно так, как ему и мечталось. На его вопрос, не собирается ли она отмечать с родными, Анна только засмеялась. Протянув руку с длинными, тонкими, очень красивыми и бесконечно нежными пальцами, она погладила Алексея по щеке.

– У меня нет семьи, – мягко сказала она. – Мама умерла, отец тоже. Остались совершенно чужие люди, которые не вызывают у меня ничего, кроме раздражения. Я не собираюсь ничего с ними праздновать. Больше всего на свете я хочу вообще никогда их не видеть.

– Я слышал, Мария Ивановна болеет, – осторожно сказал Зубов. Он уже понял, что на любые упоминания о родственницах Анна реагирует крайне болезненно. Но ее приёмная мать и родная мать Олимпиады действительно оправлялась после тяжелого инсульта, и Алексея удивляло равнодушие его возлюбленной к беде женщины, которая ее вырастила. Если не искренняя привязанность, то хотя бы элементарное чувство долга.

– У Марии Ивановны есть дочь. – Сегодня Анна не собиралась ни раздражаться, ни сердиться. Она вообще в последнее время была какая-то вялая и пассивная, в том числе и в сексе. Наверное, устала. – Алешенька, дорогой, я никогда не совершаю поступков, навязанных общественным мнением. Все, что я делаю, вызывается исключительно внутренней потребностью. Мария Ивановна – хороший человек, она относилась ко мне

так, как считала нужным, искренне полагала, что защищает мои интересы. Однако она мне не мать. Я ее никогда не любила и не собираюсь притворяться. У них с Липой своя жизнь, у меня своя.

– А у Евы? – Зубов разозлился и никак не мог остановиться.

– А у Евы тем более, – спокойно ответила Анна, положила руку ему на затылок, поцеловала в губы. Долго-долго, вкусно-вкусно. У Зубова тут же помутилось в голове и стало тесно в штанах.

В общем, Новый год они встретили вдвоем, и именно так, как загадал Зубов. Анна накрыла стол, они выпили шампанского, послушали Президента, чокнулись бокалами под бой курантов, а потом, прихватив с собой свечи и бутылку красного вина, ушли в мастерскую, где на полу лежал мохнатый ковер. Сидели, глядя в большое окно, и думали, каждый о своем, и целовались, и занимались любовью. В один прекрасный момент Анна уснула прямо в его объятиях. Алексей, боясь ее разбудить, сидел не шевелясь и, невзирая на боль в затекшей спине, любовался прекрасным лицом возлюбленной. Думал, что если примет «как Новый год встретишь, так его и проведешь» правдива, то его ждет самый волшебный год в его жизни.

В постель они перебрались уже под утро, и, проснувшись к четырем часам дня первого января, Зубов уныло сообщил, что должен все-таки съездить поздравить маму. Уезжать не хотелось, но Анна только зевнула и посоветовала катиться на все четыре стороны, а она пока отмокнет в ванне, почистит перышки и, может быть, порисует, если будет настроение.

– Мне сегодня не возвращаться? – глупо спросил Зубов.

– И завтра тоже. – Она снова зевнула. – Мы договорились с Ольгой Аполлинарьевной, я второго января поеду к ней в гости. Думаю, за городом и переночую. И вообще, может быть, останусь на пару дней. После смерти Михаила Валентиновича ей так одиноко. Она подумывает дом продавать, а я ее отговариваю. В общем, Алешенька, давай с тобой встретимся числа четвертого-пятого, ладно?

Расстроенному Зубову ничего не оставалось, как согласиться. По дороге домой он клял себя за нерешительность на чем свет стоит. Надо сказать Анне, как сильно ее любит, как начинает скучать через минуту после расставания, и как эта скука переходит в глухую тоску, когда ее нет рядом больше одного дня. Произнести это вслух, глядя в ее темные, почти черные глаза, было совершенно невозможно. А будучи невысказанными, слова жгли душу.

Болтаться несколько дней без дела и возможности увидеть Анну было выше его сил. Поэтому для приличия провалявшись второго января с

книжкой перед телевизором, вечером он уже звонил Лаврову. Счастливому многодетному отцу, в семействе которого сейчас было аж четверо детей: три сына и дочка.

– Серега, давай завтра к Ермолаеву сгоняем, – предложил он, мучаясь, впрочем, чувством вины за изъятие друга из семьи, – мать сказала, он третьего возвращается. Давай не будем из-за праздников время терять. Сроки идут, следак звереет. Поехали, а? Ну я печенкой чую, многое он сможет нам рассказать.

– Напрасно ты так разволновался! – засмеялся Сергей. – Давай, я же не против. Мне и самому интересно.

– А Лиля тебя ругать не будет?

– Лилия? – Лавров снова засмеялся, и было в его смехе что-то такое, отчего Зубов вдруг испытал жгучую зависть к благополучной и счастливой Серегиной семейной жизни. А потом загадал и себе с Анной такую же благодать. – Лилия никогда меня не ругает, во-первых, и отлично понимает, что такое сыщицкий азарт, во-вторых. Ты-то чего такой кислый? С кралей своей поругался?

– Нет, – Зубов вздохнул. – Просто сказка имеет тенденцию заканчиваться. Мы провели прекрасную новогоднюю ночь, а сейчас она выполняет долг по отношению к своей начальнице. Утешает Бабурскую в ее загородном доме. Так что, как говаривал Пятачок, «до пятницы я абсолютно свободен».

– А без дела ты сидеть не умеешь. – Похоже, сегодня Лавров бил все рекорды высмеивания младшего товарища. – Ладно, Алеха! Завтра мальчишек на елку свожу, и после обеда поедem к Ермолаеву. Жди, я тебя заберу.

И общение свое сдержал. Студент Егор отдыхал после веселых каникул. Открывшая дверь мать кивком пригласила сыщиков на кухню.

– Пойду, разбужу, – сказала она. – Так-то он и часа еще не спит. Вернулся и уснул. Там все дни гуляли. С утра два часа за рулем, устал.

– Ничего, его дело молодое, – безжалостно сказал Зубов. – Успеет выспаться.

При виде оперативников Ермолаев совершенно не испугался, почесал через майку худосочное пузо, подтянул спортивные штаны, сел на табуретку, просительно посмотрел на мать:

– Мам, а чаю можно?

– Да только заварила, сыночек. – Женщина засуетилась у плиты, начала суетливо накрывать на стол: поставила чашки с нарядными блюдцами, сахарницу, плетенку с нарезанным батоном, баночку сгущенки,

вытащила из холодильника, видимо, оставшуюся с Нового года селедку «под шубой».

Жили здесь небогато – это видно невооруженным глазом. Обои дешевые, но чистые, видимо, недавно поклеенные, на подоконнике кружевная, очень белая салфетка, второй такой же покрыт холодильник. Мебель самая простая, но в безупречном состоянии. Видно было, как Ермолаевы любят свой дом и заботятся о нем.

– Что-то еще случилось? – спросил Егор, намазывая сгущенку на булку.

Откусил, зажмурился от удовольствия, как кот, дорвавшийся до сметаны. Все-таки совсем мальчишка он еще, этот самый Егор Ермолаев.

– Скажи, Егор, а ты лично знал Бабурского? – Лавров предпочел игнорировать вопрос и задать свой.

– Да, но я его всего пару раз видел. – Парень дожеввал бутерброд и тут же принялся намазывать новый. – Он же уже старенький был, в галерею почти не приезжал. Пару раз на открытии выставок был, я его там фотографировал даже. А что?

– Как давно ты работаешь в галерее?

– Я не работаю, а подрабатываю. Год, наверное. Ну да, я в прошлом январе пришел. Получается, ровно год.

– А в психбольнице?

– Со второго курса. Увидел объявление, что нужны санитары, и пошел. Я не могу у мамы на шее сидеть. Ей тяжело бы совсем было, если бы я не работал. Кстати, галерея-то не для заработка, а больше для души. Я ж фотографией увлекаюсь, больше как хобби. Там нечасто фотограф нужен, на этом много не заработаешь

– Скажи, Егор, а доктора Зябликова ты знал?

– Конечно, – парень выглядел удивленным, – мы же в одной больнице работали, хоть и на разных отделениях. Он добрый был, хотя и странноватый немного. Крионикой увлекался. Так про это рассказывал интересно. Для кого другого, может, это и жутко, но я-то в медицинском учусь, мне страшно не было.

– И про его идею с крионированием ты знал?

– Знал. Нам на дежурствах спать нельзя, поэтому я иногда в соседнее отделение хожу в шахматы играть. У меня там друг работает, тоже санитаром. У медсестры дежурной только отпроситься надо, и она, если что, вызовет. Начальство не против, понимают, как тяжело всю ночь не спать. В общем, когда у нас с другом дежурства совпадали, я к нему ходил. В отделение Зябликова как раз, там спокойнее – там буйных нет. Ну, и

иногда Игорь Павлович к нам присоединялся. Играли, а он про криониование рассказывал.

– Так, Егор, давай еще раз. – Лавров подался вперед, как делал всегда, когда происходило что-то важное. – На втором курсе института ты увидел объявление о найме санитаров и устроился работать в клинику. Кто твой заведующий отделением?

– Олимпиада Сергеевна.

– Так, ты работаешь в отделении номер 9, но играть в шахматы во время ночных дежурств периодически ходишь в отделение номер 1, которым заведовал Игорь Зябликов. Тот иногда присоединялся к тебе и твоему другу, и из разговоров с ним ты узнал о желании Зябликова заключить договор на заморозку своего тела, чтобы быть размороженным через сто лет и вылечиться от имеющегося у него заболевания. Все правильно?

– Да, только про свою болезнь он нам не говорил. Я думал, ему просто интересно посмотреть, как тут все через сто лет будет.

Лавров кивнул. Слова студента Егора совпадали со сказанным Олимпиадой Бердниковой. Действительно, о своем заболевании Зябликов предпочитал не распространяться. Пока все сходилось.

– Так, около года назад ты устроился еще на одну подработку, фотографом в художественную галерею. Как ты туда попал? Тоже по объявлению?

– Нет, мне знакомая подсказала. Сказала, в такую-то галерею ищут фотографа, и велела мне сходить и предложить свои услуги. Даже работы помогла отобрать для портфолио, отобрала мои самые выигрышные снимки.

– Хорошо. Идем дальше. Ты начал работать в галерее. Скажи, ты когда-нибудь рассказывал там или где-нибудь еще про криониование?

Ермолаев на мгновение задумался. Было видно, что он действительно вспоминает, а не пытается придумать, как половчее соврать. Неожиданно лицо его просветлело.

– Ну да, – уверенно сказал он. – Это было вскоре после того, как я начал там работать. Был вернисаж, целый день толпы народа, устали в тот день ужасно и вечером решили отметить событие. Меня отправили торт купить и фрукты, ну и вина, конечно. Мы собрались в кабинете Ольги Аполлинарьевны. Так душевно все было, и так разговаривать интересно. Вот в том разговоре я и рассказал.

– А с чего это вдруг речь зашла о глубокой заморозке человеческих тел? – Зубов теперь тоже слушал очень внимательно. Рассказ этого парня

был необычайно важен.

– Так это... Это само собой получилось, в тему. Я тогда в первый раз видел Михаила Валентиновича. Он приезжал на открытие и сидел с нами. Правда, быстро устал, и Ольга Аполлинарьевна его потом домой отвезла. Они раньше всех ушли.

– Ты понятнее можешь рассказывать? – рассердился Зубов, у которого от нетерпения уже ныли все зубы. – Что ты тянешь кота за хвост?

– Да ничего я не тяну. Михаил Валентинович устал, они начали спорить о том, пора ли домой. Он выглядел очень огорченным. Ему претила собственная немощь. Ольга Аполлинарьевна уговаривала, и тогда он сказал, что хочет умереть при каких-то приятных обстоятельствах – на открытии выставки или за дружеским столом в приятной компании, хоть какое-то, да приключение. А жена, мол, делает все для того, чтобы он тихо помер в своей постели, а ему этого как раз больше всего и не хочется.

– Та-а-ак, уже горячее.

– Ольга Аполлинарьевна рассердилась на него, назвала старым дураком. Мол, болтает невесть что, и люди не могут сами распоряжаться тем, как им лучше умереть. Мне не понравился этот скандал, и я, чтобы перевести разговор, рассказал про врача со своей работы, который точно знает, как он хотел бы умереть. И рассказал про Игоря Павловича и крионирование.

– Очень хорошо, просто замечательно, – воскликнул Зубов и потер руки. Нет, не зря он именно сегодня решил поговорить с этим парнем, да еще Лаврова из дома выдернул. – А дальше что было?

– Дальше Ольга Аполлинарьевна задумалась и сказала, что лично она предпочла бы умереть во сне, и в этом они с мужем точно не сходятся, и все-таки заставила его одеться и пойти домой. А мы остались, еще примерно с час посидели.

– Мы – это кто?

– Ну, все мы. – Егор почесал лохматую голову и начал перечислять, загибая пальцы: – Я, Анна, Елена, Клавдия Васильевна, журналистка из газеты «Курьер», Анастасия Романова, кажется, ее звали. Она культурный обозреватель, поэтому часто к нам на мероприятия ходит, и все. А, да, в тот день еще Ева была.

– Ева?

Лавров покосился на Зубова, не понимая, отчего его так взволновало это имя. Он смутно вспомнил, как Алексей спрашивал про какую-то Еву и у Олимпиады Бердниковой.

– Ну да, Ева. Это сестра Анны. Они, если честно, не сильно дружат, но

Ева Анну любит очень, поэтому периодически пытается навести мосты дружбы. Вот и в тот день пришла. Анна скуксилась, конечно, но прогнать не стала. Ева – она хорошая.

– А ты ее откуда знаешь?

– Так в больнице познакомились. – Парень снова почесал пузо через майку. – Она обследование проходила. Ее Олимпиада Сергеевна заставила. Лежала у нас неделю, а потом сбежала. Сердилась. Ей надоело, что ее с раннего детства за психичку держат. Это как раз год назад было. В общем, мы не то чтобы подружились, но немного общались. Ей было интересно, как я живу, фотографии она мои смотрела. Она сама рисует, поэтому композицию сразу оценивала, с лету. Это она меня сосватала в галерею фотографом. Только велела Анне не говорить, а то с Евиной рекомендацией меня бы не взяли. Такие у них «терки» были.

У Зубова голова шла кругом.

– То есть ты в психбольнице познакомился с Евой Бердниковой, она отправила тебя работать в галерею, и она присутствовала при разговоре о крионике и слышала слова старика Бабурского о желании умереть не в своей постели? – уточнил он.

– Ну да. А в чем дело?

– И больше ты эту самую Еву не видел?

– Видел один раз. Спустя неделю или две после тех посиделок в галерее. Она к Олимпиаде Сергеевне приезжала зачем-то. И они очень поспорили. Поругались даже.

– На предмет?

– Я не знаю. Я слышал голоса из кабинета. Олимпиада Сергеевна кричала: «Ты сбежала из больницы, а теперь пытаешься свалить с больной головы на здоровую». Мне было неудобно подслушивать, и я ушел. У меня смена закончилась, но я подождал Еву на улице. Она выбежала очень расстроенная, глаза у нее были заплаканные. Я предложил ее подвезти, мне же все равно было надо в город, но она отказалась, погладила меня по щеке и убежала. Больше я ее не видел.

– И она тебе ничего не сказала?

– Нет, она больше бормотала себе под нос. Хотела из города уехать, якобы другого выхода у нее нет. Она выглядела какой-то то ли испуганной, то ли нервной, я не понял.

– А скажи мне, Егор, – Лавров покосился на дверь, не возвращается ли вышедшая на время разговора из кухни мать парня, – в ходе того разговора кто-нибудь еще из присутствующих рассуждал на тему своей предпочтительной смерти?

Ермолаев сначала озадачился, потому что не понял вопроса. Потом лицо его просветлело:

– Ну, я согласился с Михаилом Валентиновичем. Смерть во сне – это же действительно очень скучно. Мол, я бы предпочел умереть, как и живу, на большой скорости. Старик еще перед уходом посмотрел на меня одобрительно и поднял вверх большой палец. А потом Лена велела прекратить этот идиотский разговор, и мы больше про это не говорили.

– Понятно, – вздохнул Лавров. – И, знаешь, парень, – хорошо, что ты вернулся из своей Москвы и в ближайшее время на трассу больше не выедешь.

– Почему хорошо? – не понял Ермолаев.

– Видишь ли, все происходящее мне нравится все меньше и меньше.

– А Анна, – страшно волнуясь, спросил Зубов, – Анна говорила о том, как бы предпочла умереть она?

– Нет, мы же перестали это обсуждать, – покачал головой Егор. – Она заявила, что умирать не хочет и не собирается, но, если ставить вопрос ребром, то предпочла бы лишь, чтобы это произошло мгновенно.

Внутренний холод сковал позвоночник Зубова. Не в силах вымолвить ни слова, он стоял и смотрел на тощего студента, только что разметавшего в прах его внутреннее спокойствие.

Глава 5

Расследование двух убийств, объединенных в одно дело, по-прежнему не желало сдвигаться с мертвой точки. Непреложно установленных фактов в деле было только три. Во-первых, в те ночи, когда были совершены оба убийства, неподалеку от места преступления бесстрастными камерами видеонаблюдения была зафиксирована машина, на которой ездила врач-психиатр Олимпиада Сергеевна Бердникова. При этом сама Бердникова оба раза дежурила в больнице в ночную смену и с работы не отлучалась. Машина ее стояла в больничном дворе, и, по большому счету, воспользоваться ею мог любой желающий.

Во-вторых, в начале прошлого года в художественной галерее состоялся дурацкий разговор на тему, кто какой смертью хотел бы умереть, в котором принимали участие восемь человек. Один из них, Михаил Бабурский, стал жертвой первого убийства, вторым погибшим оказался человек, о котором в ходе разговора упомянул студент Ермолаев.

В-третьих, связующим звеном между галереей и психиатрической клиникой был не только вышеупомянутый студент, но и молодая женщина по имени Ева, родная сестра Анны и сводная сестра Олимпиады Бердниковой. Она присутствовала при злосчастном разговоре, а значит,

знала и про страх Бабурского умереть в своей постели, и про мечту Зябликова быть замороженным после смерти. Она приезжала в психиатрическую больницу, поскольку проходила там обследование, и вполне могла знать, что во время ночных дежурств Олимпиада оставляет свою машину без присмотра.

– Маловато для того, чтобы быть заподозренной в убийстве. – Сергей Лавров почесал затылок и с сомнением посмотрел на младшего коллегу. – В конце концов, Анна тоже присутствовала при разговоре и тоже знакома с Олимпиадой. Почему считаешь именно эту Еву потенциальной убийцей?

– Я же видел ее рисунки, – мрачно сказал Зубов, – они хранятся у Анны дома. И, хотя я ни разу не врач, но *это* рисовал явно психически больной человек. Здоровый такое не нарисует. И, кроме того, она же лежала на обследовании, ее туда определила Олимпиада, а потом сбежала. Старшая Бердникова, в отличие от меня, врач с приличным стажем, и именно она подозревала Еву в безумии, иначе не настаивала бы на ее госпитализации.

– Ладно, Олимпиаду Сергеевну мы обязательно расспросим, ее мнение относительно состояния сестры для нас тоже важно, но пока я предлагаю познакомиться с самой Евой и посмотреть на нее, так сказать, незамутненным взглядом. Ты знаешь, где она работает и где живет?

Зубов признался, что нет, но пообещал выяснить. К Анне в этот вечер он ехал в отвратительном настроении. Он соскучился по своей возлюбленной, мечтал прижаться к ее телу, вдохнуть поглубже запах ее кожи, но заранее страшился всплеска ее гнева при упоминании Евы. За время знакомства с Анной он успел понять, что про сестер она говорить не любит.

Зубов дорого бы дал, чтобы узнать, какая семейная тайна лежит в основе этого конфликта, но одновременно и боялся узнать нечто, способное навсегда изменить его отношение к Анне. Впрочем, вопреки всем его страхам, к расспросам о Еве Анна отнеслась спокойно.

– Так она же уехала, – удивленно сказала Анна, наливая Зубову тарелку борща, очень горячего, очень красного и очень душистого. Кулинарные способности Анны ничуть не уступали ее красоте и таланту любовницы. Готовила она – пальчики оближешь.

– Куда уехала, – не понял Зубов, – в отпуск?

– Почему в отпуск, насовсем. Переехала из нашего города в другой. Жить.

– Давно?

– Скоро год.

– А почему она уехала?

– Ой, если бы ты знал Еву, ты бы не задал такой дурацкий вопрос, – Анна заливисто рассмеялась. – Ее поступки никогда не поддавались никакой логике. Она же шепутная всегда была, просто ужас. Папа и Мария Ивановна так с ней мучились. Их даже школьные учителя жалели. Никогда было нельзя предугадать, что Ева выкинет в следующий раз. В школе училась отвратительно, вечно прогуливала, «художку» бросила, в институт поступать наотрез отказалась.

– Как же она жила? С того момента, как вы окончили школу и она не стала поступать в институт.

– Работала где-то, – Анна снова пожала плечами. – Она могла оформиться на стройку маляром, два месяца пахать в две смены без выходных, питаясь хлебом и молоком, а потом уволиться и на заработанные деньги махнуть автостопом на Камчатку. Или пару раз на зиму в Индию уезжала, поскольку там тепло. Ходила босиком, чтобы получить энергию от земли, питалась одними финиками, встречала рассвет на берегу океана, а спустя три месяца возвращалась. Худючая, загорелая дочерна, веселая, и устраивалась страховым агентом. И снова с утра до вечера бегала в поисках клиентуры, деньги заколачивала. У нее вообще нет никаких стопоров в голове касательно работы. Она, к примеру, фотографом на свадьбах работала, а когда заказов не было, легко устраивалась подьезды мыть. Не парило ее это.

– И куда именно она уехала?

– Так я не знаю, – Анна снова как будто удивилась зубовской непонятливости. – Она же не докладывается. Могла снова на Камчатку махнуть или в Крым, или во Вьетнам, к примеру. Это же Ева.

Возможно, с точки зрения Анны, фраза «это же Ева» многое объясняла, но с точки зрения Зубова, она лишь напускала в происходящее еще больше тумана. Если Евы Бердниковой не было в городе с прошлой зимы, значит, совершить преступления она вряд ли могла.

– Скажи, а когда Ева возвращается из своих поездок, она сообщает тебе о своем возвращении? – спросил он Анну. Ответ был очень важен, и Алексей напряженно ждал. Анна задумчиво молчала.

– Ну, слово «сообщает» тут, конечно, не подходит, – наконец сказала она. – Но она появляется, да. Может, не сразу после приезда, но в течение пары дней или недели. Забегала, приносила сувениры какие-то дурацкие.

– Но в этот раз ты ее с прошлой зимы не видела?

Анна снова подумала.

– Ну да, в конце февраля она позвонила, сообщила о своем отъезде. То

есть не исчезла без предупреждения. Да, точно. Где-то после двадцать третьего: выходные кончились, и я уже вышла на работу. Я спросила, куда она на этот раз, но она не стала рассказывать. Мол, мне не нужно этого знать. И все. Больше я ее не видела.

– И за все это время она тебе ни разу не звонила? – уточнил Зубов.

– Нет. – Анна, нахмурившись, забрала тарелку, которую за разговором успел опустошить Зубов, и поставила другую – с мясом и картошкой, сдобренной какими-то ароматными травами. – Алешенька, ты пойми, во многом именно благодаря Еве мы не очень нормальная семья. В наших отношениях много уродливого и непонятного. Так кажется со стороны. Но поверь, ее поступки для нее самой совершенно естественны и нормальны. Так было всегда. Ева приходит и уходит, появляется и исчезает, когда считает это необходимым. Она, как ветер, который невозможно поймать, как бы ты этого ни хотел. Ловишь его, а он все равно ускользает между ладошками.

– А если она, к примеру, умерла? Как ты про это узнаешь? – настаивал Зубов.

Анна рассмеялась. Громко, заливисто, будто он сказал что-то невесть какое смешное.

– Господи, Алешенька! Какой же ты, оказывается, дурачок! – нараспев сказала она и звонко поцеловала Зубова в щеку. – Как я могу не узнать, если я ее близнец! Как бы мы ни относились друг к другу, какой бы странной и временами невыносимой она ни была, Ева – моя сестра, и я всегда чувствую ее незримое присутствие, внутреннюю связь. Поэтому я уверена, с ней все хорошо. Я это просто знаю, и все.

Она снова поцеловала Зубова, но теперь поцелуй стал другим, не ласковым и насмешливым, а настойчивым и требовательным. Не откликнуться на него было невозможно, Зубов и откликнулся, со всем жаром, на который был только способен, и перестал думать обо всем остальном.

Результатами его изысканий Лавров назавтра был весьма недоволен.

– Леха, ты чего, не в себе? – с подозрением спросил старший товарищ. – У тебя на почве любви в голове помутнение? Ты почему ни адреса этой самой Евы не взял, ни фотографии? Мало ли, что твоя Анна считает. Вернется ее сестра в город, так обязательно ей позвонит... Если у них такие странные отношения, то она вполне могла и не уведомлять о своих перемещениях. Прикинь, если она в городе и мочит всех направо и налево...

Зубову снова стало страшно. Очень страшно. Он моментально

покрылся холодным потом. Он прекрасно помнил рассказ фотографа Егора о странной беседе в галерее. Потому как Анна, его Анна, была там и тоже упомянула, пусть и вскользь, как предпочла бы умереть. А значит, и ей грозила опасность.

– Знаешь, – хрипло сказал он Лаврову, – пробей адрес этой Евы через базу и вообще проверь, есть ли у нас на нее хоть что-то. А я в психбольницу смотаюсь, поговорю с Олимпиадой Сергеевной про ее сводную сестричку, которую она пыталась принудительно лечить. Пусть расскажет, от чего именно.

В конце дня сыщики снова собрались в отделе, чтобы обменяться полученной информацией. Лавров ничего нового не узнал. По месту прописки гражданки Бердниковой Евы Сергеевны не обнаружилось. По словам соседей, квартира стояла пустой больше года. Там никто не появлялся, и никаких звуков оттуда не доносилось.

Старушка-соседка, живущая с Евой на одном этаже, заверила майора, что Ева уехала надолго, причем собиралась и уезжала в спешке. По крайней мере, она перенесла в квартиру к соседке свои комнатные цветы, чтобы та их поливала. Домашних животных молодая женщина не держала, потому что частенько подолгу путешествовала, а вот цветы в горшках любила. В прошлые свои отъезды она просто давала старенькой соседке ключ, чтобы та ухаживала за растениями и заодно проверяла квартиру, все ли в порядке, а в этот раз попросила разрешения перетащить горшки и ключей не оставила.

– Она объяснила почему? – спросил Лавров.

– Нет. – Благообразная седая старушка с аккуратно уложенными буклями, бедненько, но чисто одетая, покачала головой и мелко перекрестилась. – Сказала только, чтоб я не обижалась, но в квартиру заходить не надо. Если ей не надо, так мне и тем более.

Искушение осмотреть квартиру Евы Бердниковой было сильным, но Лавров понимал, что санкции на это никто не даст – подозревали Еву они постольку-поскольку, а улики у них вовсе никаких не было. Хотя, может быть, улики скрывались именно за этой обитой коричневым дешевым дерматином дверью. Черт, как попасть внутрь? Немного потоптавшись перед дверью, он набрал номер Зубова.

– Леха, а ты можешь позвонить своей крале? Вдруг у нее есть ключи от квартиры сестры?

Алексей ответил без энтузиазма, но поставленную задачу все-таки выполнил и спустя пять минут перезвонил.

– Нет у нее ключей от квартиры Евы, – сухо сообщил он. – У них это

не принято – совать нос в чужую жизнь и чужую квартиру. Я уж заодно и про фотографию спросил, раз раньше облажался. Фотографии у нее, конечно, есть, хотя и не очень свежие. Вечером пообещала показать. И я отберу нужную.

– И то хлеб, – сказал Лавров, еще раз задумчиво посмотрел на запертую дверь, явно скрывающую какую-то тайну, и, вздохнув, отправился восвояси.

О своем неудачном визите на квартиру единственной подозреваемой он и рассказывал сейчас Зубову, злясь как на отсутствие какой бы то ни было путной информации, так и на себя самого. У него был необходимый любому уважающему себя сыщику набор отмычек, и вскрыть немудреный замок на Евиной двери было раз плюнуть. Но он так и не смог преступить через себя, решив действовать правильно и по закону.

– А ты что узнал? – спросил он, стараясь отвлечься от чувства острого недовольства собой. – У этой психической докторши?

– Докторша-то явно не в себе, – согласился Зубов. – Она для врача-психиатра какая-то слишком дерганая. Нервная система у нее ни к черту, и она явно что-то скрывает. Такое у меня сложилось впечатление. Причем еще тогда, в первый раз. Но поведала она мне действительно массу интересного. Я сейчас тебе расскажу, а ты делай выводы, потом сопоставим, проанализируем информацию вместе.

* * *

Начало трагической истории сестер Бердниковых было положено двадцать девять лет назад. Шофер-дальнобойщик Сергей Бердников был вполне доволен своей жизнью, в которой была красавица-жена, две дочери-двойняшки, километры бескрайних дорог, которые послушно наматывались на колеса его большегруза, много света, воздуха, разных городов и новых людей, хорошая и стабильная зарплата. Самыми любимыми моментами в этой жизни были минуты возвращения домой из рейса, когда он входил в свою квартиру, большой, дочерна загорелый, подпирал головой потолок, подхватывал на руки повисших на нем дочерей, вручал немудреные, но вызывающие искреннюю радость подарки: то новую куклу, то шоколадки, то мягкого плюшевого медведя.

Его девочки никогда не спорили из-за игрушек. Они вообще никогда ни из-за чего не спорили, поскольку, как это часто бывает с близнецами, казались единым целым. Хотя при этом они были очень разными, его девочки. Серьезная Аня могла часами играть с одной игрушкой и все время шевелила губами, ведя с игрушкой одной ей понятный внутренний диалог.

Активная Ева любила велосипед и качели, с хохотом носилась по квартире, ловко уворачиваясь от рук матери. Да, они были разными, но при этом всегда вместе. Внутренне вместе. У них одновременно повышалась температура и резались зубы, если Ева падала и расшибала коленку, то Аня плакала и потирала ушибленное место, на котором даже вспухал синяк.

Возвращаясь из своих командировок, Сергей обнимал девчонок, вдыхал запах их макушек (одна темная, другая светлая, почти белая), и не было для него ничего ближе этого запаха, ничего роднее. Потом, когда девочки убегали разворачивать подарки, он делал еще шаг и прижимал к широкой груди жену Лялю, худенькую, почти прозрачную, со светлыми волосами, как у Евы, и темными глазами, как у Ани. Ляля всегда, с первых минут знакомства, напоминала ему инопланетянку. Даже в те минуты, когда она была с ним, настолько с ним, что ближе некуда, она имела отсутствующий вид. Ее мысли витали так далеко, и Сергею казалось, что он никогда не сможет их догнать, прочитать, расшифровать.

Ее глаза казались всегда наполненными непрошеными слезами, и, глядя на жену, Сергей Бердников, который, несмотря на свою очень земную профессию, был человеком начитанным, вспоминал одно место из полюбившейся ему книжки «Маленький принц».

«Как позвать, чтобы он услышал, как догнать его душу, ускользающую от меня... Ведь она такая таинственная и неизведанная, эта страна слез». Именно эти строки подходили его жене, как никакие другие. Своей непонятностью, неуловимостью, «нездешностью» Ляля и привлекала его больше всего. Когда-то вызванный ею жар в крови не утихал с годами, и Сергей любил свою жену так же страстно, как в день свадьбы, с которой минуло уже пять лет.

На одной с ними лестничной площадке жила мать-одиночка, воспитывающая дочку. Мария Ивановна, по счастливой случайности, работала педиатром на том самом участке детской поликлиники, который обслуживал их дом. Это было удобно, потому что, когда заболели девочки, именно к Марии Ивановне можно было обратиться за советом, а ее девятилетняя дочка Липа частенько соглашалась присмотреть за близнецами на детской площадке, когда Ляле нужно было отойти в магазин или заняться стиркой.

Именно Мария Ивановна первой обратила внимание Сергея на странности в поведении Ляли. Молодая женщина перестала готовить еду и гулять с детьми, делать хотя бы минимальную уборку в квартире и застилать постель. Она могла часами сидеть на кровати в ночной рубашке, смотреть невидящими глазами в одну точку и что-то бормотать,

раскачиваясь взад и вперед.

Когда это случилось впервые, маленькая Аня сбегала за Марией Ивановной. К счастью, двери в их квартирах в течение дня практически никогда не запирались: подъезд был дружный, жильцы добропорядочные, входная дверь с кодовым замком, так что чужие здесь не ходили, а своих не боялись. В один далеко не прекрасный день трехлетняя девочка возникла на пороге кухни Марии Ивановны и сказала, что мама не разговаривает, а они с Евой голодные. Мария Ивановна поспешила на помощь и пришла в ужас.

Чудовищно загаженную квартиру она к приезду Сергея отмыла, еды наготовила, детей искупала, кляня себя, что не заходила к соседям дней десять и допустила подобное. В день возвращения соседа она дождалась, пока он поздоровается с дочерьми, выждала время, чтобы мужик поел и отдохнул, а потом заглянула на «огонек».

Повеселевшая и похорошевшая Ляля выглядела как обычно. Порхала от плиты к столу, что-то щебетала. Мария Ивановна отметила лишь лихорадочный блеск ее глаз и повышенную суетливость движений. Обычно Ляля была медлительной, даже вялой. Улучив момент, Мария Ивановна шепнула Сергею, чтобы он зашел к ней поговорить. И тот появился в квартире напротив всего через час, не больше.

– Вы что-то хотите мне рассказать? – Обычно невозмутимый, Бердников выглядел нервным, у него даже руки тряслись.

Мария Ивановна решила, что он тоже заметил странности в поведении жены, и это существенно облегчало ее задачу.

– Сережа, это касается Ляли, – медленно начала она, тщательно подбирая слова, чтобы не обидеть, не напугать. – Ты прости меня, если тебе кажется, будто я лезу не в свое дело, но вы мне не чужие, много лет живем бок о бок.

Бердников напрягся еще сильнее, по мощной шее пошли неровные красные пятна.

– Слушаю, – сказал он, и Мария Ивановна каким-то седьмым чувством поняла, как тяжело дается ему это показное спокойствие.

– Сережа, я, конечно, не специалист этого профиля, я всего лишь педиатр, но я хорошо училась в институте и готова ручаться за свои слова. Мне кажется, нет, я уверена: ты должен показать Лялю врачу.

По лицу Бердникова прошла тень. Он растер щеки и лоб крепкой рукой, шумно выдохнул.

– Господи, Маша, не пугай ты меня так, я уж думал, ты ее на измене поймала, – сказал он и даже засмеялся от облегчения.

– На измене? – Мария Ивановна все еще не понимала, а потом вдруг ход его мыслей стал для нее очевиден, и теперь уже она застыла, не понимая, как реагировать.

– Сережа, – голос ее стал еще более тихим, вкрадчивым. – Если то, что мне кажется, правда, то лучше бы Ляля действительно тебе изменяла. Это было бы больно, обидно, но не страшно.

– Ты думаешь, у нее рак? – Теперь в голосе Бердникова зазвучала тревога. – Какому врачу я должен ее показать?

– Нет, что ты. Мне кажется, Ляля совершенно здорова, но ее нужно показать психиатру.

– Кому? – В голосе Сергея звучало такое неприкрытое изумление, что Мария Ивановна вдруг отчаялась достучаться до него, объяснить всю серьезность ситуации. – Ты хочешь сказать, Ляля ненормальная?

– Я врач и такими терминами не оперирую. Но я вижу у Ляли признаки душевного недуга. Если уж быть совсем точной, симптомы шизофрении. Но еще раз повторю, я – не психиатр и могу ошибаться. Нужно, чтобы ее осмотрел специалист.

– Да чушь это все. – Сергей поднялся со стула, давая понять, что разговор окончен. – Ляля такая же нормальная, как ты или я. Просто ей скучно. Она ж не работает, сидит целый день дома, одна с детьми, я в отъезде, ей даже словом перекинуться не с кем. А у нее натура такая, легковозбудимая, творческая. Она же балетом увлекалась, танцевала, а потом за меня замуж вышла и засела дома. Вот и чудит.

Мария Ивановна понимала, что цели своей не достигла, но настаивать дальше не стала. В конце концов, ей могло и показаться, а психиатрический диагноз не шутка, чтобы разбрасываться им направо и налево. Самой себе она дала слово за соседкой присматривать, но та вела себя как обычно, готовила еду, прибирала квартиру, вместе с Сергеем водила девчонок на прогулку. Из глаз ее исчез лихорадочный блеск, так испугавший Марию Ивановну, и она уже начала успокаиваться, считая случившееся вообще плодом своего воображения. «Тебя бы, матушка, доктору показать, а не Лялю», – строго выговорила она себе и выкинула дурные мысли из головы.

Второй приступ случился у Ляли Бердниковой опять в отсутствие мужа. За Марией Ивановной снова прибежала маленькая Аня, которая тянула соседку в квартиру, объясняя, как мама с кем-то разговаривает, хотя в комнате никого нет. А их с Евой в комнату не пускает. Пospешившая на зов Мария Ивановна убедилась, что Ляля заперлась в их с Сергеем спальне и за дверью ведет с кем-то страстный диалог. Голос ее был испуганным, поэтому Мария Ивановна, будучи женщиной решительной, сбегала домой,

принесла стамеску и вскрыла дверь.

Ляля, как и в прошлый раз, сидела на кровати. Только сейчас она не раскачивалась, а разговаривала с кем-то невидимым, размахивая руками и словно отгоняя невидимого собеседника.

– Не подходи ко мне, – взвизгнула она, и Мария Ивановна решила, что Ляля обращается к ней, но нет.

Соседку женщина не замечала, предпочитая вести диалог с собеседником, живущим в ее воображении. В какой-то момент она завизжала, страшно, на высокой надрывной ноте, упала навзничь на кровати, начала отмахиваться руками и ногами, словно отгоняя остававшегося невидимым врага. Марии Ивановне ничего не оставалось, как вызвать «Скорую».

Приехавшая психиатрическая бригада сделала укол, после которого Ляля практически сразу уснула.

– Она вам родственница? – хмуро спросил мрачный, смертельно уставший врач, заполняя необходимые бумаги.

– Нет, соседка.

– А родственники есть?

– Да, конечно, муж. Но он сейчас в командировке.

Сказав это, Мария Ивановна вдруг вспомнила про Еву и Аню, которых в суматохе упустила из виду. Бросилась их искать и нашла трехлетних девочек на кухне. Сестры сидели, забившись в угол между кухонным столом и стеной. В сползших, не очень чистых колготках, в жутко грязных футболках, они испуганно жались друг к дружке и держались за руки. Разорвать кольцо их рук Марии Ивановне удалось не сразу.

Вместе с детьми она вернулась в спальню, где на кровати лежала укрытая одеялом Ляля.

– Мама умерла? – шепотом спросила у нее Аня.

– Нет, что ты. – Мария Ивановна наклонилась и быстро поцеловала девочку. – Она спит, и вас я сейчас тоже уложу спать, у меня дома, в комнате Липы. Хорошо?

– В общем, эту женщину нужно срочно показать врачу, – сообщил хмурый врач, вставая. – Думаю, ей показана госпитализация, но это не мне решать. Обсудите это с ее мужем, когда он вернется.

От одной мысли о предстоящем разговоре с Сергеем Марии Ивановне становилось нехорошо. Но она была женщиной не из робкого десятка и не отворачивалась от проблем в надежде, что они рассосутся сами собой. К приезду Сергея Ляля уже полностью оправилась от случившегося с ней инцидента, о котором, к слову, совершенно не помнила. Однако Мария

Ивановна вновь вызвала соседа к себе и рассказала о случившемся.

– Маша, я тебе не верю, – сказал он. – Нет, я не обвиняю тебя во лжи. Лгать ты не можешь, это я понимаю, но ты просто преувеличиваешь. Подтягиваешь факты под существующую у тебя теорию. Каждый человек может устать и на этом фоне стать немножко неадекватным. Ляле тяжело без меня с девочками. Она устала, и все. Но я вернулся, она отдохнет, и все ее недомогания как рукой снимет.

Следующий приступ случился у Ляли Бердниковой уже в присутствии мужа. Увиденное его испугало настолько, что он примирился с необходимостью показать жену специалисту. Врач-психиатр предложил немедленную госпитализацию, от которой и Ляля, и Сергей, разумеется, отказались.

– Ты пойми, это же клеймо на всю жизнь. Все будут пальцами показывать: вот она в психушке лежала! А девочкам каково придется? Да и как она в больницу ляжет, если мне через три дня опять в рейс? – объяснил Сергей свою позицию Марии Ивановне.

Та, как могла, уговаривала пройти курс лечения, обещала присмотреть за детьми, но супруги были непреклонны. В больницу Ляля не ляжет, и это даже не обсуждается. В следующие разы, когда Сергея не было дома, Мария Ивановна следила за своей соседкой как могла. Приступы буйства не повторялись, но Ляля все чаще заводила с Марией Ивановной разговоры о смерти. Ее страшно мучила неопределенность и внезапность смерти. Ведь большинство людей не способны выбрать способ, которым они хотели бы уйти из жизни. Вот эта тема – осознанного выбора – занимала все ее мысли, и она снова и снова пыталась убедить свою соседку в праве каждого человека на такой выбор.

Встревоженная Мария Ивановна опять попыталась убедить вернувшегося из рейса Сергея в необходимости срочной госпитализации Ляли, но снова безрезультатно. Правда, сосед оформил отпуск, чтобы побыть рядом с женой и детьми. Однако это не помогло. В воскресенье вся семья съездила в зоопарк, где провела день, гуляя между вольерами, кормя животных и обедаясь мороженым. Ляля была веселой и оживленной, много смеялась и шутила, без устали целовала дочек и обнимала Сергея. Глядя на жену, он был убежден, что болезнь отступила, и все у них будет хорошо. В понедельник Сергей Бердников уехал на рынок за фермерскими продуктами. Его не было дома полтора часа, и этого времени хватило, чтобы Ляля выбросилась из окна девятого этажа, причем не одна, а прижимая к себе одну из дочерей. Вторую нашли забившейся в стиральную машину.

Нашла, разумеется, Мария Ивановна. В тот день у нее была вторая смена, и, услышав шум и визг у подъезда, она, не дожидаясь лифта, бросилась на улицу. Увидела тело разбившейся насмерть Ляли, поняла, что маленькая Ева жива, хоть и без сознания, трогать девочку не стала, вдруг сломан позвоночник, крикнула соседям, чтобы вызывали «Скорую», и помчалась наверх, в квартиру Бердниковых, где и обнаружила спрятавшуюся Аню. Глаза девочки были полны ужаса. К тому моменту, как Сергей Бердников вернулся домой, Еву уже увезли в больницу, а тело Ляли, дожидаясь приезда второй «Скорой», накрыли простыней.

К счастью, физически Ева быстро смогла восстановиться после пережитой трагедии. Многочисленные переломы не угрожали жизни, позвоночник не был поврежден, поэтому после трехмесячного лечения девочка вернулась домой, к отцу. Его отпуск к тому моменту уже давно закончился, и на время его рейсов девочек забирала к себе Мария Ивановна. Спустя еще три месяца Сергей сделал ей предложение.

– Все равно фактически одной семьей живем, – сказал он глухо, глядя почему-то в стол. – Ты одна девчонку поднимаешь, я теперь вдовец с двумя малыши на руках. Давай вместе жить. Ты не думай, муж я хороший, хозяйственный, ласковый, не пьющий. Опять же зарабатываю хорошо, да и дома меня частенько нет.

Немного подумав, Мария Ивановна согласилась. Сергей настоял на том, чтобы официально удочерить ее дочь, и теперь Липа, Аня и Ева носили общую фамилию – Бердниковы.

– Ничего себе история, – присвистнул Лавров, выслушав рассказ Зубова. – Это какое потрясение девчонки в детстве испытали! Ты спросил у этой Олимпиады, как именно, по ее мнению, случился на психике Евы этот инцидент? Ее в трехлетнем возрасте мать выбросила из окна, может же быть всякое.

– Конечно, спросил, – обиженно ответил Зубов. – Но хочу заметить, Анне тоже досталось. На ее глазах мать убила себя и чуть не забрала с собой на тот свет сестру. Да и Олимпиада тоже, кажется, с детства не совсем в себе.

Он приготовился рассказывать дальше, но их разговор был прерван ворвавшимся в кабинет дежурным.

– Лавров, Зубов, – гаркнул он. – Давайте быстрее. Крупная авария на выезде из города. Одна из машин всмятку.

– А мы тут при чем? – удивился Зубов. – Этим же отродясь «гайцы» занимаются.

– Там потерпевший по вашему делу свидетелем проходит. Эксперт это

заметил и велел вам позвонить.

– И кто там потерпевший? – уточнил Зубов, которому страсть как не хотелось снова выходить на мороз после долгого и тяжелого рабочего дня. То есть выходить-то хотелось, вот только ехать он был склонен к Анне, а не на место происшествия.

– Некий Егор Ермолаев, – ответил дежурный, и Зубов с Лавровым как по команде вскочили со своих мест и, накинув куртки, опрометью метнулись к двери.

* * *

Экспертиза показала, что у автомобиля Егора были подрезаны тормозные шланги. Утром он приехал в больницу на дневное дежурство, то есть на тот момент автомобиль еще не был выведен из строя. А вечером, сдав смену, поехал домой. Как сказали коллеги, парень очень спешил – на утро следующего дня у Ермолаева был назначен экзамен, и парень собирался всю ночь готовиться.

Тормоза отказали, когда он выехал за пределы поселка, в котором располагалась психбольница. С одной стороны, дорога там уже была широкой, и это позволило развить приличную скорость, а с другой – имелся крутой поворот, и именно перед этим поворотом Егор нажал на педаль тормоза слишком резко.

Тормозные шланги лопнули, машина не останавливалась, парень растерялся, а впереди маячил железнодорожный переезд, закрытый перед проходящим поездом. Чтобы избежать столкновения, как с поездом, так и с другими машинами, Ермолаев вывернул руль и направил машину в кювет. Однако из-за наледи на обочине дороги ее понесло. Автомобиль врезался в бетонную стену, которая тянулась вдоль дороги, и практически сложился пополам. Чтобы достать Егора, пришлось разрезать машину автогенном.

Правда, по счастливой случайности парень был еще жив, хотя и лежал сейчас в реанимации областной клинической больницы в состоянии комы. Допросить его было невозможно.

– Примем за данность, что шланги перерезали днем, когда он был на дежурстве. Точнее, при свете дня на это вряд ли кто-то решился, а вот между пятью часами вечера, когда большинство персонала уходит домой, и двадцатью часами, когда закончилась смена самого Ермолаева, уже достаточно темно для того, чтобы разобраться с машиной, особо не привлекая ничего внимания. Помнишь, нам Олимпиада Бердникова рассказывала, что из окон отделения парковку не видно. Да и не освещается она, – задумчиво сказал Лавров, когда на следующий после аварии день

они с Зубовым сидели в своем кабинете и кисло смотрели на все распухшую папку с уголовным делом, которое полнилось потерпевшими, но все еще было крайне далеко от разгадки.

– Ну, и кто это сделал? Может быть, эта самая Олимпиада? – Зубов был мрачен, проклятое дело уже сидело у него в печенках.

– Технически могла, – согласился Лавров. – Вот только остается вопрос, зачем?

– Зачем... В том разговоре Ермолаев заявил о своей любви к машинам и скорости и смерть свою связывал со скоростью. Именно это с ним и произошло. То есть он, конечно, не умер, но только чудом, да и вообще еще ничего не ясно. Получается, тот, кто перерезал шланги, воплотил в жизнь пожелание третьего человека, которые присутствовали в тот вечер в галерее. Бабурскому обеспечил предсмертное приключение, Зябликова заморозил, в случае Ермолаева позаботился о том, чтобы парень не смог затормозить. Черт...

– Но Олимпиады при том разговоре не было, – напомнил Лавров.

– Не было. Но была неуловимая Ева. Тут вариантов, знаешь ли, два. Либо она на самом деле никуда не уехала и прячется от сестер где-то в городе. Либо до того, как действительно уехать, она рассказала о разговоре, свидетелем которого стала, кому-то еще.

– Кому? А главное – зачем?

– Да той же Олимпиаде, – буркнул Зубов, которому доктор Бердникова отчаянно не нравилась. – Помнишь, Егор рассказывал, как вскоре после того вечера встретил Еву в больнице. И они с сестрой сильно ссорились, а потом, когда Ева уходила, она была расстроена чем-то. Вот тогда и могла рассказать.

– Могла, – согласился Лавров. – Но с тем же успехом в список подозреваемых нужно включать и всех остальных, кто был свидетелем разговора. Жену Бабурского, Елену Кондратьеву, журналистку из «Курьера», Романову, кажется. Ну и твою Анну тоже, ты уж извини.

На скулах Зубова заходили желваки. Мысль о причастности Анны к преступлению казалась невозможной, но он был достаточно профессионалом для того, чтобы не сбрасывать ее со счетов. Личные пристрастия в их работе не могли ничего объяснить и ни от ничего избавить. В глазах Лаврова он читал жалость, и это было совсем невыносимо.

– Понимаю, не маленький, – буркнул он. – И если она в чем-то виновата, то я это приму, ты не думай, Серега.

– Ладно, проехали. – Лавров хлопнул товарища по плечу и оседлал

стул, показывая, что готов слушать. – Ты мне лучше расскажи, что тебе вчера еще Олимпиада рассказала. Про семейство Бердниковых.

После того как мать выбросилась вместе с ней из окна, трехлетняя Ева Бердникова провела в больнице три месяца. Однако и за такой недолгий срок отношение сестер друг к другу коренным образом изменилось. Если до трагедии они были «неразлейвода», то теперь едва терпели друг друга. Более тихая и молчаливая Анна старалась как можно больше времени проводить в одиночестве в дальней комнате. Казалось, ее тяготит как общество Липы, с которой девочки теперь жили в одной квартире, так и чрезмерное внимание Евы.

Казалось, за три месяца разлуки девочка как будто смирилась с тем, что сестры у нее больше нет, и возвращение Евы в свою повседневную жизнь воспринимала с трудом.

– Когда случилась трагедия, она в первые дни совсем не спала, все время искала Еву. Именно Еву, не мать, – рассказывала Олимпиада Зубову. – Мама была вынуждена начать поить ее успокаивающей микстурой, бромом. Постепенно сон наладился, и, хотя последствия перенесенного шока все-таки, как говорит мама, были налицо, Аня стала гораздо спокойнее. Потом, когда Ева вернулась домой, Аня никак не хотела с ней играть, делиться игрушками. Она не отталкивала сестру, нет. Просто старалась уединиться при любой возможности. Моя мама, детский врач, считала, что ребенку надо дать время побыть наедине с самим собой, поэтому частенько просила меня отвлечь Еву, занять ее, чтобы та не приставала к Ане, давала той побыть одной.

По словам Олимпиады, если Аня после трагедии стала тихой и погруженной в себя, то в Еву, наоборот, будто бес вселился. Она орала, визжала, каталась по полу, чтобы привлечь внимание сестры. Когда это не помогало, она начинала ломать ее игрушки, щипаться и даже бросаться на свою близняшку с кулаками.

Воспитательница в детском саду, куда ходили сестренки Бердниковы, частенько жаловалась на агрессию Евы по отношению и к другим детям. Она дралась отчаянно, как будто от этого зависела ее жизнь, кусалась, а однажды даже ударила одного из мальчиков ножницами. К счастью, те были детскими, предназначенными для резки бумаги, и особого ущерба не нанесли, но Еву стали бояться и старались обходить стороной. Но больше всего от нее доставалось Анне.

Ева могла вылить на нее утренний стакан молока или горячий чай. Мария Ивановна постоянно была начеку, чтобы не произошло беды. Она ужасно уставала, тем более все Евины проделки ей приходилось

«разгребать» одной. Ее муж все так же часто уходил в дальние рейсы, и, хотя Мария Ивановна и Липа впервые за многие годы не знали материальных проблем, морально им жилось тяжело. Молчаливая Анна, неукротимая Ева и постоянная война между ними. Таким запомнила Олимпиада Бердникова свое детство.

– Перед тем как отдать девочек в школу, мама настояла на том, чтобы показать Еву детскому психиатру, – рассказывала Олимпиада. – Ее врачебный опыт в этой сфере был очень скромным, но все-таки именно она была тем человеком, который первым заметил душевное нездоровье Ляли, и теперь она боялась, что болезнь могла передаваться по наследству Еве.

Перенесенный Евой стресс и полученный серьезный ушиб головы могли послужить катализатором душевного расстройства. Для Марии Ивановны Бердниковой это было очевидно. Она страшилась сказать о своих подозрениях мужу, зная, как долго он отказывался признавать психическое заболевание первой жены. Ей не хотелось, чтобы он тревожился из-за Евы понапрасну. И врачебная комиссия перед школой оказалась прекрасным поводом для того, чтобы все-таки обратиться к специалисту. Сергею Мария Ивановна ничего не сказала. Он знал, что жена с девочками ходит по врачам, для него этого было достаточно.

– И что сказал врач? – На этом месте рассказа Зубов даже дыхание затаил.

– Ничего. – Олимпиада пожала плечами. – Он осмотрел Еву, поговорил с ней и вынес заключение: она – здорова. Правда, выявил у Евы детский невроз, но это нормально для ребенка, потерявшего мать, да еще при таких страшных обстоятельствах. И был уверен, что вызывающее поведение девочки вызвано лишь отчаянным желанием привлечь к себе внимание. Ева чувствовала себя нелюбимым ребенком и старалась таким способом снова завоевать сестру, близости которой ей так не хватало.

– А дальше?

– Да ничего, – Олимпиада устало вздохнула, – все осталось, как было. Этот кошмар, постоянным источником которого была Ева, длился годами. Аня отлично училась, ходила в художественную школу, Ева безбожно прогуливала, хотя тоже отлично рисовала, но ее было не заставить делать уроки. В десять лет она начала курить, все время сидела с мальчишками в каких-то гаражах, но хотя бы перестала третировать Анну. Теперь сестры жили совершенно независимо друг от друга, стараясь даже не разговаривать.

А через полгода после десятилетия двойняшек Сергей Бердников погиб в автокатастрофе. Когда Анне сказали о смерти отца, она заплакала, а

Ева, наоборот, рассмеялась. И этот смех, жуткий, нечеловеческий, пробудил в Марии Ивановне новые подозрения относительно психического здоровья девочки.

– Понимаете, в медицине есть такой термин «аффективная неадекватность». Это как раз тот случай, когда человек, больной шизофренией, проявляет неадекватную реакцию, например, смеется при сообщении о трагическом событии. Кроме того, Ева могла увлеченно что-то рассказывать и вдруг оборвать свою речь на полуслове, замолчать, глядя куда-то внутрь себя, а потом засмеяться и убежать. Она частенько бывала раздражительной, а иногда сыпала какими-то суперидеями. К примеру, как-то три дня не выходила из своей комнаты, потому что придумывала сверхстойкую краску для своих картин. Иногда, кстати, она могла рисовать сутки напролет, не отвлекаясь на еду и даже не выходя в туалет, а потом месяцами не подходила к своему альбому для рисования.

Мария Ивановна, оплакав мужа, к которому относилась тепло и нежно, хотя по-настоящему и не любила, осталась один на один с этой проблемой. С Евой. После похорон отца Ева будто окончательно сошла с ума. Она кричала во сне, в кровь расцарапывала себе руки, ноги, шею. От нее постоянно пахло сигаретами, а иногда еще и алкоголем, который чуткий нос Марии Ивановны улавливал в малейшей концентрации, хотя девочка не призналась ни разу. Спустя пару месяцев Мария Ивановна фактически силой во второй раз в жизни отвела ее на прием к психиатру. Но тот снова ничего подозрительного не обнаружил.

– Ребенок уже второй раз в жизни переживает ужасный стресс, – сказал врач. – Девочка, похоже, искренне любила отца. Сейчас она чувствует себя совсем одинокой, раз уж вынуждена жить с вами. Вы же ей не родная мать, и кроме нее у вас еще двое детей. Поэтому девочка и бунтует. Это всего-навсего механизм, который позволяет ей справляться с ее горем и одиночеством. Постарайтесь с ней не бороться. Постарайтесь не видеть в ней больного ребенка, постарайтесь разглядеть в ней личность.

– И ваша мама?..

– Мама старалась как могла. А я... Я очень хотела ей помочь. И поэтому после школы поступила в медицинский институт. Я осознанно решила стать психиатром. Я мечтала понять, что происходит с Евой, мечтала вылечить ее, если она больна, и вернуть покой в нашу семью.

– И как, получилось? – Зубов очень старался, чтобы в его голосе не звучало слишком много сарказма, но, видимо, ему это не удалось.

– Нет, – тихо ответила Олимпиада Бердникова и отвернулась к окну, прикусив губу.

Глава 6

Этой ночью она опять не выспалась. Бывало, крепко проспав всю ночь, она просыпалась утром разбитой, как будто прикорнула на час-другой, не больше. Анна нажала на кнопку кофемашины, услышала бодрящее жужжание, втянула носом приятный кофейный аромат, дающий силы жить дальше, и нахмурилась. В последнее время эти выматывающие ночи случались все чаще, и она силилась понять, что было тому причиной.

Неужели происходящие вокруг преступления? Ей было жаль старого Бабурского, потому что Анна очень уважала Ольгу Аполлинарьевну, да и к самому старику относилась с симпатией. Он был немного пыльным, чуток устаревшим, но добрым и нежадным, а эти качества Анна ценила в людях больше остальных.

Она сделала первый глоток кофе, маленький, аккуратный, будто примеривающийся. Позволила вкусовым рецепторам вострепнуться, посылая сигнал в мозг. Все хорошо, все правильно, новый день можно считать открытым. Рецепторы послушно откликнулись, и, немного выждав, Анна глотнула еще и еще, позволив себе вслед за этим снова нырнуть в мысли, как под спасительное одеяло, отчего-то больше не приносящее отдохновения.

Ее новый любовник был таким же, как Бабурский. Нет, конечно, у него не было таких денег, и положения в обществе тоже не было, но он тоже казался добрым и нежадным. Анна просто физически ощущала, что ради нее капитан полиции Алексей Зубов готов буквально на все. Вот только вопрос, а на что ей надо, чтобы он был готов?

Так уж сложилась жизнь, что никогда-никогда Анна Бердникова не хотела замуж. Ужас перед семейной жизнью угнездился в ее голове еще в детстве, и с учетом истории их семьи, ничего удивительного в этом не было. Ей хотелось чувствовать себя любимой, хотелось иногда, но, упаси господи, не каждый день, кормить вкусным ужином своего мужчину и по настроению ложиться с ним в постель.

Анна умела быть страстной, нежной, чуткой, иногда разнузданной в сексе. Но знала, что периоды сексуального голода необъяснимо чередуются у нее с внезапной холодностью и даже отвращением к постельным утехам. Из-за этого она расходилась со своими предыдущими мужчинами, которые неожиданно становились ей неинтересны. Последний, Гриша, и вовсе пытался настаивать на близости, после чего был с позором изгнан из постели Анны и из ее жизни. Она присматривалась к Алексею, боясь, что история повторится, но он был чутким и понятливым. Соответствовал ее буйным периодам, когда Анне того хотелось, и покорно оставлял в покое,

когда она чувствовала, что ей необходимо побыть одной. В постели, в первую очередь.

Кроме того, его работа предусматривала частые отлучки. Он дежурил по ночам, частенько срывался на выезды даже тогда, когда не дежурил, а затем нуждался в отдыхе и забирался в постель, чтобы просто отоспаться. Спать он предпочитал в своей квартире, а не в ее, и за это Анна была ему благодарна.

С самого детства она была «кошкой, гуляющей сама по себе». От этого всегда страдала Ева, наверное, страдали Липа и Мария Ивановна, но Анна была не в силах переделать собственную природу. Она была по натуре замкнутым человеком, одиночкой, оберегающей свой внутренний мир от поползновений даже самых близких людей, и менять ничего не хотела. Зубов пока и не требовал ничего менять, но жизненный опыт подсказывал Анне, что это ненадолго.

Она налила вторую чашку кофе и мимолетно улыбнулась, вспомнив свое первое настоящее бунтарство. Тогда ей было четырнадцать, и, получая паспорт, она первым делом меняла собственное имя.

Анна была уверена, что ее отец, царствие ему небесное, долгие годы жил в вымышленном мире, утратив всякую связь с реальностью. Иначе он не мог бы не заподозрить свою первую жену в сумасшествии еще тогда, когда она дала родившимся у нее близнецам одинаковые имена. Отец ушел в рейс на следующий день после того, как жену с малышами выписали из роддома, и зарегистрировать дочерей она отправилась без него.

Да уж, легко можно представить себе удивление работниц ЗАГСа, когда эта женщина решила назвать дочерей одинаково: Евангелиной. Чиновницы наверняка убеждали и отговаривали, но сделать ничего не могли, потому что юридического запрета называть детей одним именем не существовало ни в советских, ни в российских законах. Так и получились две Евангелины. Дома одну девочку звали Евой, а вторую Анной, но в свидетельстве о рождении у обеих было написано одно и то же: Евангелина Сергеевна Бердникова.

В четырнадцать лет Анна меняла имя, поставив Марию Ивановну перед свершившимся фактом, хотя той и было все равно. А Ева только пожалала плечами и свое имя оставила, хотя из-за решения сестры и плакала украдкой. В ее патологической тяге к единению с Анной всегда был элемент безумия. Именно поэтому Ева болезненно перенесла тот факт, что их теперь зовут по-разному.

Анна, несмотря на то что в детстве ей частенько доставалось от Евы, которая могла кусаться, щипаться и резать на мелкие клочки ее любимые

платья, всегда была убеждена в том, что сестра не способна причинить ей настоящий вред. С ее точки зрения, от Евы нужно было защищать в первую очередь саму Еву.

Она поставила чашку в раковину и широко зевнула. Нет, ну почему она периодически чувствует такую усталость по утрам, будто не спала всю ночь? И почему она не может лечь обратно в постель и выспаться всласть, ведь сегодня суббота? Хотя тут-то как раз все ясно. По субботам в художественной галерее бывает больше всего посетителей, поэтому по выходным они всегда работали, отдыхая в понедельник и вторник, как и практически все музеи мира.

Контрастный душ прогнал остатки ночной усталости. Анна тщательно выбрала одежду, которая соответствовала бы ее сегодняшнему внутреннему настроению, прислушалась к себе и решительно набрала телефонный номер.

– Я соскучилась, – сказала она, когда Алексей Zubov снял трубку. – Ты можешь сегодня вечером ко мне приехать и остаться на ночь?

Восторженный голос в трубке вызвал у нее легкую улыбку. Будучи сама холодной и спокойной, она ценила в других людях страстность. Перед тем как уйти из дома, она выпила третью чашку кофе и теперь чувствовала себя окончательно взбодрившейся. День она как-нибудь продержится, потом проведет вечер с влюбленным в нее мужчиной, а затем как следует выспится. К своему изумлению, Анна замечала, что в те ночи, которые она проводила на плече у Алексея, она спала гораздо лучше и утром чувствовала себя отдохнувшей.

Предвкушение сегодняшнего вечера заставило ее весь день порхать в приподнятом настроении. По дороге домой она заехала в супермаркет купить что-нибудь особенное на ужин. Сегодня ей хотелось побаловать Zubova чем-нибудь изысканным. Анна купила упаковку мраморных стейков, которые прекрасно запекала на электрогриле, баклажан, кабачок, упаковку помидоров на ветке, лимон и бутылку сухого красного вина.

К семи часам вечера все было готово, а приехавший Zubov – голодный и соскучившийся – не обманул ее ожиданий, прямо в коридоре подхватив Анну на руки и закружив от переизбытка чувств. В его глазах она видела столько любви, и у нее сладко замерло сердце.

Они ели огненное мясо и запеченные овощи, пили прекрасное вино и периодически целовались. Над круглым стеклянным столом мягким светом горела лампа. За окном густела январская темнота. Огни большого города были где-то вдалеке, сияя и переливаясь в холодной ночной тьме. Только белые мухи густого снега, настойчиво бьющиеся в стекла, нарушали

уединение пары. От снегопада отчего-то становилось совсем уютно, как будто сидели они не на просторной кухне в городской квартире, а в загородном доме с потрескивающим камином.

– Давай кино какое-нибудь посмотрим хорошее? – предложила Анна, составив пустые тарелки в раковину. – Я так люблю снежным зимним вечером валяться в постели и смотреть что-нибудь легкое. «Один дома», например.

– Давай, – согласился Зубов. Он вообще был готов соглашаться на любые ее предложения. – Только мы можем сначала посмотреть ваши семейные фотографии?

– Зачем? – изумилась Анна.

Он замялся.

– Понимаешь, мне нужно знать, как выглядит твоя сестра.

– Но она же уехала. – Удивление в голосе Анны становилось все сильнее. – Скоро год уже. Я же тебе говорила.

– Да, я помню. Но поверь, мне нужно знать, как она выглядит. Я не могу тебе всего рассказать, но это важно. Да ты же и обещала дать мне ее фото, просто я закрутился и забыл взять.

Анна, естественно, тут же встревожилась.

– Это опасно? – спросила она. – Еве что-то угрожает?

– Я не знаю, – признался Зубов. – Просто в тех делах, которые мы расследуем, есть много непонятного. Единственным связующим звеном между всеми случаями остается твоя сестра Ева.

– Глупости. – Анна сердито повела плечиком. – Она у нас, конечно, всегда была сорвиголова, но не до такой степени, чтобы вляпаться в криминал. Но если надо, то фотографию я тебе, конечно, дам. Только пообещай ни в коем случае не причинять Еве зла.

– Анюта, я не могу тебе этого обещать, – покаянно сказал Зубов. – Если она совершила преступление и нам станет об этом известно... То я не смогу сделать вид, будто ничего не произошло, понимаешь.

Анна грустно улыбнулась и погладила Зубова по щеке.

– Конечно, понимаю, милый, – мягко сказала она. – Я вовсе не прошу, чтобы ты ради Евы или даже ради меня шел на должностное преступление. Я просто прошу тебя быть объективным и не жестоким. Это же ты можешь мне обещать?

– Это могу, – с облегчением согласился Зубов.

Они прошли в спальню, и Анна вытащила из комода большой старомодный фотоальбом.

– Вообще-то я не люблю его смотреть, – сказала она. Глаза у нее были

грустные, как у собаки, которую бросил хозяин. – Там есть фотографии, на которых мы все, когда еще мама была жива. А потом мы уже без мамы, но с папой. А потом уже и совсем одни.

– Почему одни? – Зубов бережно перелистывал тяжелые страницы, с умилением рассматривая черно-белые изображения счастливого мужчины и женщины с глазами доверчивого оленя.

Вот они на собственной свадьбе, чокаются бокалами с шампанским. Вот стоят на берегу реки, обнявшись. Вот женщина уже беременная, а мужчина смотрит на нее с такой любовью, что даже неудобно, как будто подглядываешь за чужим счастьем. А вот уже на руках у них две очаровательные кнопки, одетые в одинаковые ситцевые платяшки.

Он листал страницы дальше, не обращая внимания, что Анна отвернулась и перебирает какие-то украшения в стоявшей на комодике шкатулке. Ну да, она же сказала, ей неприятно смотреть этот альбом.

Зубов перевернул страницу, на которой уже не было женщины с оленьими глазами. Девочки-двойняшки здесь были уже постарше, лет по пять. В одной из них угадывалась Анна, а у второй... были выколоты глаза.

Алексей перевернул еще одну страницу, и еще одну, и еще. Шло время, девушки на фотографиях становились старше. Они были сняты вместе и порознь, дома, на школьном дворе, в каком-то парке. Анна везде была узнаваема, взрослея, она становилась все пленительнее, в ней появлялась женская манкость, так сильно зацепившая капитана. А у второй сестры на всех фотографиях зияли рваные дыры на месте глаз. Зубов не поленился досмотреть альбом до конца. Там стопкой хранились самые последние фотографии, сделанные пару лет назад. Видимо, Анна не успела, или, скорее, не захотела вклеить эти фото в альбом. Эти фотографии ничем не отличались от остальных. Прекрасная Анна и безглазая Ева.

– Выбрал? – Анна решительно захлопнула шкатулку и повернулась к Зубову. – Давай быстрее, мы же фильм хотели смотреть.

– Аня, ты знаешь, кто это сделал? – Зубов протянул ей одну из фотографий. – Почему во всем альбоме у Евы выколоты глаза?

– Я не знаю, – в голосе Анны сквозило недоумение.

Она взяла фотографию, и Зубов заметил, что руки у нее дрожат.

– Черт, действительно, выколоты. Но, Алеша, я не знаю, зачем Ева это сделала.

– Ева? Ты уверена?

– Ну, – Анна помолчала и нервно потерла виски длинными тонкими пальцами, – я фотографии не портила, а больше у меня никто не бывает. Только Ева.

– Она приходит к тебе? В твое отсутствие? У нее есть ключи от твоей квартиры?

Теперь Анна выглядела еще более удивленной.

– Ключи? Я никогда про это не думала. Я не давала ей ключи, если ты об этом. Но сейчас, когда ты спросил... пожалуй, я действительно замечала, что Ева побывала в квартире в мое отсутствие. Например, оставляла в мастерской новые картины. Ее картины.

– Но ты же сказала, она уехала год назад. За это время какие-то картины появлялись? И глаза... Когда она могла испортить фотографии?

– Я не знаю. – Анна чуть не плакала. Она вцепилась в руку Зубова, и ее пальцы были холодны как лед. – Ты же видел, ее картины составлены в углу. Я никогда их не рассматриваю, они такие жуткие. И альбом... Я никогда его не трогаю. В последний раз я открывала его, наверное, года два назад, когда убрала вот эти последние фотографии. Она могла испортить их еще тогда.

– А могла недавно, – мрачно сказал Зубов, – если на самом деле никуда не уехала. По крайней мере, далеко. И навещается в город и в твою квартиру, в частности, когда ей заблагорассудится.

– Ну и что? Она же моя сестра. Между нами с детства нет особой близости, но от этого она не перестает ею быть.

Зубов немного подумал. Был еще один вопрос, от ответа на который зависело очень многое. Вот только знает ли этот ответ Анна.

– Скажи, а Ева могла иметь доступ к каким-нибудь сильнодействующим лекарствам?

– Ты думаешь, она употребляет наркотики? – Глаза Анны расширились, и она стала очень сильно похожа на женщину-олenenка с черно-белых фото.

– Нет, я имею в виду медицинские препараты, которые отключают сознание, вводят в состояние наркоза.

– Ну откуда? – Анна даже рассмеялась от нелепости подобного предположения. – Ева у нас простая совсем, без образования. Для заработка могла и подъезды мыть, и улицы подметать. Откуда у нее доступ к лекарствам? За медикаменты у нас отвечает Липа, это она в больнице работает. Ну, или у Марии Ивановны что-то осталось. С тех пор, как она еще работала.

В психиатрической больнице не могло быть лекарств, используемых в анестезиологии. Там не делали операций, это капитану Зубову было понятно со всей очевидностью. А в крови у Бабурского и Зябликова были найдены следы именно такого препарата. Да и Мария Ивановна Бердникова

всю жизнь проработала простым участковым педиатром. Но связи в медицинском мире у них обеих были, это точно, а потому совсем списывать их со счетов было неправильно.

Анна снова вцепилась в его руку, оставляя на коже следы ногтей.

– Алеша, – еле слышно сказала она, – ты знаешь, мне отчего-то так страшно. Мне кажется, произойдет что-то плохое. Очень плохое. Пожалуйста, люби меня. Люби меня так сильно, как только сможешь.

Зубов притянул ее к себе, запрокинул голову, нежно прикоснулся губами к наполненным слезами оленьим глазам, одному, второму.

– Ничего не бойся, – хрипло сказал он и начал расстегивать пуговицы на ее шелковой, совсем не домашней блузке. – Я смогу тебя защитить. Я обещаю.

* * *

Липа закончила заполнять последнюю историю болезни, отложила ручку и потерла уставшие глаза. Сегодня она была с ночного дежурства, и дежурство выдалось, прямо скажем, беспокойным. Новая пациентка, поступившая всего несколько дней назад, доставила немало хлопот всему персоналу: и Липе, и медсестрам, и санитару.

На этом месте мысль сделала прыжок в сторону, сместившись с трудной пациентки на Егора Ермолаева, тоже санитаря, ныне находившегося в отделении нейрохирургии областной больницы. Слава богу, парень вышел из комы, и его жизни ничего не угрожает. Пока неясно, сможет ли он восстановиться полностью после автоаварии, но хочется верить в лучшее. Егор был парнем простым, добрым и ответственным. Липе он нравился.

Ей не хотелось признаваться в этом даже самой себе, но Ермолаев чем-то напоминал ей Бориса. Ее Бориса, то есть того самого Бориса, которого много лет назад она по ошибке считала своим, а к тому моменту, как поняла, что это не так, было уже поздно, а от этого очень больно. Так больно, что Липа до сих пор так и не вышла замуж, хотя прошло уже... Боже мой, прошло уже почти пятнадцать лет, не верится даже.

Она снова потерла указательными пальцами глаза, потому что они кололись и чесались, будто песку насыпали. Хотя нет, не песок это был, а пепел. Пепел воспоминаний. С Борисом они встречались три года. Учились вместе с первого курса, но только к пятому вдруг внезапно разглядели друг друга. На шестом началась специализация, и они попали в разные группы, потому что Липа была тверда в своем стремлении заниматься психиатрией, а Борис хотел стать анестезиологом. Занятия у них теперь проходили

порознь, но все свободное время они все равно проводили вместе.

По вполне понятным причинам Липа не торопилась приводить своего избранника домой. Там жили сестры-двойняшки, а вместе с ними нервная и тревожная обстановка. Точнее, Анна тут была ни при чем, невыносимой жизнь делала Ева, но какая разница. И Липа просто старалась поменьше бывать дома.

Единственным человеком, с которым она хотела бы познакомиться Бориса, была мама, но и той дома практически никогда не было, потому что мама колотилась на две ставки, обслуживая два детских участка. Она в одиночку поднимала трех молодых девиц, и, видит бог, это было непросто.

В дом к ним Борис пришел спустя три года, когда Липа уже была интерном в психбольнице и попала под влияние своего обожаемого Франца Яковлевича Лагранжа. Ему первому она рассказала про то, почему пришла в профессию, к нему правдами и неправдами впервые привела на консультацию Еву, и от него услышала, что девушка, по его мнению, совершенно здорова.

– Акцентуации характера и вызывающее поведение не есть признак душевной болезни, – она и сейчас слышала рокочущий голос старого профессора. – Твоя сестра просто отчаянно пытается привлечь к себе внимание и завоевать вашу любовь. Она задыхается без любви, понимаешь, девочка. Есть такие люди, которым любовь нужна как воздух, как вода, как ежедневный сон. Без нее они задыхаются, засыхают и рано или поздно умирают.

Липа тогда впервые за много лет позволила себе немного расслабиться. Лагранжа она уважала настолько, что сомневаться в его словах ей даже в голову не пришло. Ей стало стыдно за дистанцию, которую она держала с близняшками, и она решила отметить свой день рождения в семейном кругу, пригласив домой друзей.

Мама обрадовалась, Анна скривилась, Ева... Ева проявила неожиданный энтузиазм: помогала готовить еду, накрывала на стол, была весела и оживленна в компании и, как ни странно, очень прилично вела себя за столом, никому не нагрубила и не устроила скандала. Липа была ей страшно благодарна, но ровно до следующего утра.

На следующее утро выяснилось, что Ева, сразу после праздника улизнувшая из дома, отправилась провожать гостей. Точнее, не всех гостей, а только одного Бориса. Они прогуляли по летним улицам всю ночь, и к рассвету Борис понял, что любит вовсе не Олимпиаду Бердникову, а ее сводную сестру Еву.

Липа до сих пор не совсем понимала, почему Ева так поступила. Не

могла же она не видеть страданий Липы, ее уязвленного самолюбия, расплавившейся в горниле страстей гордости, ее слез. За следующий месяц Липа похудела на двенадцать килограммов, но Еву, казалось, это совсем не трогало. Она порхала как мотылек, она была вся в своей внезапной любви, первой, юношеской, горячей и страстной.

Если бы ей пришлось каждый день видеть в квартире влюбленную счастливую Еву с лихорадочно горящими глазами, Липа бы, наверное, не выдержала. Но спустя месяц Ева и Борис поженились, и восемнадцатилетняя разлучница переехала жить к мужу и его родителям. Липа страдала так, что профессор Лагранж даже назначил ей курс капельниц, во время которых он сидел рядом с лежащей на кушетке Олимпиадой и разговаривал с ней «за жизнь». Именно Франц Яковлевич тогда оттащил ее от той грани, за которой начиналось настоящее безумие.

Как врач, Липа отдавала себе отчет в том, как близко подошла к этой грани. Бушевавший в ней жар опалил тело и душу, и она знала, что возврата к себе прежней нет и никогда не будет. Но выжила, выстояла, сохранила разум. И за это она была профессору очень благодарна.

Стукнула дверь кабинета, и Липа вздрогнула, вынырнув из своих мыслей. Господи, как она могла так забыть, чтобы позволить себе опять вспомнить прошлое, которое так мучительно выдирает из себя. Прошлое не сдавалось, обвивало мощными корнями сердце, выстреливало семенами в мозг, заполняя все собой почище баобабов из сказки про «Маленького принца».

– Мечтаешь или расстраиваешься?

На пороге стоял Стас. Верный добрый Стас, надежный друг, прикладывающий невероятные усилия, чтобы, наконец, перейти в новое качество. Если бы Липа могла доверять хотя бы одному мужчине, то обязательно ответила на его чувства. Вот только доверия не было, и повторения оставшейся в прошлом, но не забытой боли она не хотела.

– Ни то и ни другое, – ответила она и через силу улыбнулась. – Вспомнила про Егора нашего. Он выжил и это так хорошо, правда?

– Конечно, хорошо, – убежденно сказал Крушельницкий. – Ты не переживай, я разговаривал с нейрохирургами, они сказали, парню точно ничего не угрожает. У него еще память не полностью вернулась, но прогресс наметился, и скоро его можно будет допросить.

Ему показалось, или Олимпиада немного напряглась.

– Зачем его допрашивать? Можно подумать, он видел, кто перерезал ему тормоза. Если бы видел, ни за что бы не сел в машину, – сказала она нервно.

– Липа, – Стас обошел стол, присел на край и взял ее за руку, – поужинай со мной в ресторане сегодня. Пожалуйста.

Олимпиада попыталась вырвать пальцы, но он держал ее крепко, не давая освободиться.

– Я с дежурства сегодня, – тихо сказала она. – Практически не спала всю ночь, поэтому вечером мечтаю добраться до кровати и выспаться. Извини, Стас. Но с рестораном сегодня не получится.

– Тогда завтра. – Крушельницкий не собирался сдаваться просто так.

Она так ему нравилась, что даже дыхание перехватывало. В этой женщине ему казалось прекрасным совершенно все: и белая кожа, такая тонкая, что через нее просвечивали сосуды, и легкая синева под глазами, от усталости, и скрученные в тугой узел волосы, густые, но уже начинающие седесть. Олимпиада Бердникова принципиально не красила голову, но седина удивительным образом шла ей, не старила, а, наоборот, молодила ее тонкой лепки лицо.

– До завтра еще надо дожить. – Ей все-таки удалось вытащить руку, и она украдкой пошевелила слипшимися пальцами, хватка у Стаса была крепкой.

В дверь постучали, и Стас нехотя отошел в сторону, чтобы не ставить Олимпиаду в неудобное положение. В любой ситуации он в первую очередь был джентльменом. И Липа это в очередной раз оценила.

В кабинет вошли сыщики Лавров и Зубов. Липа чуть заметно вздрогнула, как будто не ожидала от их визита ничего хорошего. Крушельницкий снова мимолетно удивился, и его удивление, так же как и ее тревога, не укрылись от наметанного сыщического глаза.

– Олимпиада Сергеевна, надо бы поговорить, – сказал тот, который постарше. Лавров.

– Я вас слушаю, – спокойно сказала Липа, уже успевшая взять себя в руки.

– В прошлый раз вы рассказали мне историю вашей семьи, – вступил в разговор Зубов. – В частности, рассказали о том, как в детстве ваша матушка два раза показывала Еву Бердникову врачу-психиатру. Но врач не нашел в ее поведении ничего, указывающего на отклонение от нормы. Так?

– Да, так. – Теперь Олимпиада выглядела удивленной, будто не ожидала, что разговор пойдет об одной из ее сестер.

– Но вы не верили. Вам казалось, у девочки есть проблемы с психикой, и даже пошли учиться на врача, чтобы разобраться в Евиных проблемах самой?

– Да.

– И у вас это не получилось. Так вы сказали. Не расскажете поподробнее?

– По большому счету, не о чем рассказывать. Как только я устроилась сюда на работу, я показала Еву очень хорошему врачу, профессору Францу Яковлевичу Лагранжу. Он подтвердил мнение своих менее именитых коллег. Он тоже считал Еву психически абсолютно здоровой. А особенности ее поведения назвал юношеским эпатажем. У меня не было причин ему не доверять, и вопрос с Евиным диагнозом был снят на много лет.

– Но тем не менее чуть более года назад вы снова решили обследовать свою сестру. Более того, даже положили ее в свое отделение. Именно здесь она познакомилась с Егором Ермолаевым и даже подружилась с ним настолько, чтобы пристроить его на работу в Анину художественную галерею.

При упоминании Егора по лицу Липы снова пробежала легкая тень. Не тень даже, а мимолетное облачко, тем не менее отмеченное Стасом Крушельницким. Он вообще замечал все, что имело отношение к Олимпиаде.

– Ева сама обратилась ко мне за помощью. Понимаете, так случилось... мы много лет не общались. Нет, конечно, я знала, как она живет, чем занимается. Она регулярно приходила к маме, просто делала это, когда меня не было дома. А тут появилась в больнице и попросила ее обследовать. Сама.

– Почему?

– Она сказала, что начала замечать за собой некоторые странности. И они ее напугали.

– Какие странности? – Зубов подался вперед и слушал очень внимательно.

– Ну, она несколько раз делала что-то, о чем потом не помнила.

– Например...

– Она рассказывала, как однажды проснулась утром, пришла на кухню ставить чайник, а он был теплый. То есть она ночью вставала и подогревала его, может быть, даже пила чай, но в ее памяти этот факт совершенно не сохранился. По ее представлению, она крепко спала всю ночь, не просыпаясь и уж тем более не вставая. Но чайник-то был теплым. Или, к примеру, ей как-то позвонила Анна и спросила, зачем Ева принесла к ней в мастерскую свои картины, но Ева не помнила, чтобы она заходила к сестре, тем более в ее отсутствие, и была убеждена, что никаких картин не оставляла. Более того, она даже не помнила, чтобы в последнее время

вообще рисовала что-то новое.

– Но картины действительно были, – мрачно подтвердил Зубов, – причем такие, от одного взгляда на которые кровь стынет в жилах. В них есть что-то ужасное.

– Не знаю, конечно, у Евы очень необычный взгляд на мир, но ничего ужасного в ее картинах я не видела. Они скорее философские, чем страшные.

– Откуда вы знаете, какие у нее картины, если, по вашим словам, вы десять лет не общались?

Олимпиада пожала плечами.

– Ева как-то устраивала выставку. Конечно, я на нее не ходила, но Ева притащила маме каталог, и я из любопытства его посмотрела. Несмотря на все ее странности, у нее действительно есть талант. Этого не отнимешь.

– Давайте вернемся к странностям, – решительно сказал Зубов. – Что еще рассказала ваша сестра, когда пришла к вам с просьбой проверить состояние ее здоровья?

– Ей как-то позвонила ее школьная подружка. Рассказала, как вчера видела ее в торговом центре, окликнула, но Ева не повернулась и к ней не подошла. При этом сама Ева категорически не помнила, чтобы накануне ходила в тот торговый центр. Она вообще была уверена, что не выходила в этот день из дома. А потом она случайно увидела в газете фотографию с какого-то общегородского мероприятия, и на этой фотографии узнала себя, хотя не помнила, чтобы она и туда ходила.

– Ее это напугало?

– Очень. В предыдущие разы она обследовалась нехотя. Сама-то себя она считала здоровой: все у нее было в порядке, а мы с мамой просто к ней цепляемся не по делу. А тут она начала сомневаться в собственном здравом уме.

– И вы согласились положить ее на обследование?

– Да, конечно. Как бы я ни относилась к Еве, я все-таки врач и не могла отказать в медицинской помощи человеку, который о ней просит. И кроме того...

Олимпиада замолчала. Щеки ее внезапно окрасились румянцем, из алебастровых стали розовыми, похожими на нежный персик.

– И, кроме того, вы не могли упустить возможность доказать свою правоту. Если вы подтвердите психическое нездоровье вашей сестры, то, получается, другие врачи, включая вашего старого учителя, ошибались.

– Да, – тихо сказала Липа.

– А дальше? Что показало ваше обследование?

– Ничего. – Олимпиада Бердникова снова пожала плечами. – Через пару дней Ева сбежала из больницы. Ошиблась, передумала и все такое. Мне не хотелось спорить и на чем-то настаивать. Она взрослый человек, а оснований для принудительной госпитализации у нее все-таки не было.

– Но она возвращалась в больницу. Ермолаев видел ее здесь уже после того, как начал работать в галерее. Это было через пару месяцев после того, как Ева отказалась от лечения. Она приехала к вам сюда, и вы о чем-то спорили на повышенных тонах. А потом, когда Ермолаев встретил ее во дворе, глаза у вашей сестры были заплаканными, и она сообщила ему, что, видимо, ей придется уехать из города. Почему?

– Вы ошибаетесь. – Теперь Олимпиада была совершенно спокойна. – Мы вовсе не спорили. Ева была очень взвинчена, и с момента нашей прошлой встречи ей стало хуже. Я это видела. У нее обострились фобии, появилась паранойя. Якобы ее хотят убить.

– Почему она пришла к такому выводу?

– Она начала отрицать все случившиеся с ней странности. Мол, она на самом деле не делает ничего из того, о чем впоследствии не помнит. Все делает кто-то другой, переодеваясь Евой. И это, по ее мнению, свидетельствовало о начавшейся на нее охоте. Но это был такой, знаете, типичный бред шизофреника, находящегося в острой фазе. На этот раз она действительно была больна. Она жаловалась на галлюцинации, слуховые и зрительные. Она слышала шаги в своей квартире по ночам. Она видела свое отражение в зеркале, хотя в этот момент лежала в постели. Я предложила ей вернуться в больницу, но она закричала, что я не понимаю. Твердила, что совершенно здорова, и ей действительно угрожает опасность, а я должна помочь выследить преступника.

– Почему вы? – удивился Лавров.

– Потому что как раз этот неведомый преступник, по ее мнению, и был психически болен. Неадекватен. Я продолжала настаивать на повторной госпитализации, но она рассердилась, накричала на меня и убежала. Предпочла спрятаться, а не лечиться.

– Она не спряталась, она уехала из города, – сказал Лавров. – Это было в прошлом феврале и с тех пор, по словам соседей, она не возвращалась домой. Кстати, вы не знаете, почему она не сдала квартиру, раз уезжала надолго? Денег у нее не то чтобы много.

Теперь Олимпиада выглядела озадаченной.

– Ева не могла уехать из города и не возвращаться с февраля, – сказала она. – По крайней мере, в середине июня она была в городе. Я точно знаю.

– Вы это точно знаете? – подался вперед Зубов. – Вы ее видели?

– Я ее не видела, но точно это знаю. В середине июня она приходила к нам домой, когда я была на работе, и довела мою мать до инсульта.

На этих словах Крушельницкий подошел к Олимпиаде и обнял ее за плечи. Она досадливо высвободилась. Не хватало еще этих «телячьих нежностей» на глазах у двух полицейских. Полицейские эти и так выглядели вконец запутавшимися.

– Погодите, Олимпиада Сергеевна, – сказал, помолчав, Сергей Лавров. – Мы сейчас не очень поняли, что именно вы пытаетесь нам сообщить.

– Я ничего не пытаюсь вам сообщить. – Липа устало поморщилась, разговор утомил ее. – Вы считаете, Ева в феврале прошлого года покинула город и больше не возвращалась. Но это не так. В июне она совершенно точно была в городе, потому что приходила к нам домой в мое отсутствие. После ее ухода у моей мамы случился инсульт, от которого она не оправилась до сих пор.

– А что именно произошло, можно уточнить? – поинтересовался Зубов. – Я, конечно, не врач, но если у вашей мамы случился инсульт, то как она вам могла сообщить о том, что его причиной стала Ева Бердникова? Вас же, как вы сами сказали, дома не было.

– Я вернулась домой с работы и нашла маму в прихожей. Она была в сознании, но у нее парализовало левую половину тела. Говорить она не могла, только с трудом выговаривала имя Евы. Я вызвала «Скорую помощь», маму увезли в больницу, и о случившемся в тот день она смогла рассказать мне только через два месяца, когда к ней потихоньку начала возвращаться речь. Тогда я и узнала, что к ней приходила Ева, которая требовала у мамы достать ей лекарства.

– Наркотики? – сухо спросил Лавров, хотя ответ был ему и так известен.

– Барбитураты. Ей зачем-то был нужен тиопентал натрия. Это препарат, применяющийся для внутривенного наркоза. Хотя в принципе я видела в своей жизни пациентов, которые имели зависимость от тиопентала и проходили комплексное лечение, чтобы от него избавиться. Но в прямом смысле слова это не наркотики, нет.

– Почему Ева пришла за этим препаратом к вашей маме? Вы дома держали что-то подобное?

– Конечно, нет. – Липа слабо усмехнулась. – Мама – участковый педиатр, давно на пенсии. Почему Еве в голову взбрела такая глупость, я не знаю.

– Олимпиада Сергеевна, вообще-то в нашем разговоре нет ничего

смешного, – мрачно сообщил Зубов. – Хочу вам напомнить, что мы с моим коллегой расследуем два убийства и покушение на совершение третьего. Егор Ермолаев остался жив чудом, но, по крайней мере, ему не вводили никаких лекарственных препаратов. А вот других жертв – Михаила Бабурского и вашего коллегу Игоря Зябликова, как показала экспертиза, незадолго до смерти «отключали», сделав инъекцию сильнодействующего барбитурата. Вполне возможно, этого самого тиопентала или его аналогов. Название лекарства я слышу не впервые, об этом лекарстве мне многое известно. И я знаю, Олимпиада Сергеевна, что тиопентал применяется не только в анестезиологии, но и в психиатрии. Его используют для снятия эпилептического статуса, больших эпилептических припадков, при опасном повышении давления у пациентов, а также для наркосинтеза и наркоанализа, как способах обследования пациентов. Поэтому повторю свой вопрос. У вас дома был тиопентал, за которым приходила Ева?

– Не было и не могло быть, – вмешался в разговор Крушельницкий. – Вы вообще хотя бы отдаленно представляете, как налажен учет психотропных препаратов в больнице? Забрать его домой или использовать не по назначению совершенно невозможно. Это я вам со всей ответственностью заявляю.

– Во время обследования Евы Бердниковой вы использовали тиопентал? – спросил Лавров. – Олимпиада Сергеевна, она могла его где-то попробовать и подсесть?

– Нет. Не использовала. Это было совершенно не нужно. Кроме того, по большому счету никакого обследования и не было. Ева сбежала из больницы на пятый день, как сюда поступила. И единственное, в чем я уверена в отношении состояния ее здоровья: она совершенно точно не принимала никаких сильнодействующих веществ.

– Почему у вашей мамы случился инсульт? От чего она так разнервничалась?

– Ева, по ее словам, была совершенно неадекватна. Она не кричала и тем более не била маму. Она разговаривала совершенно спокойным, но механическим голосом. Будто она робот. Маму еще поразили ее глаза, совершенно мертвые. Она объясняла, что это была Ева и как бы не Ева одновременно. Она просила лекарство, она спрашивала, как именно мама хотела бы умереть. И мама сильно расстроилась, у нее подскочило давление. Она пыталась позвонить мне, но Ева отобрала у нее телефон и раздавила его каблуком. Маме стало плохо, а Ева просто ушла, оставив ее лежать на полу.

– Вы не пытались ее найти? Поговорить с ней?

– Когда мама смогла мне все рассказать, я ходила к Еве домой. Я же врач, а ей нужна была незамедлительная помощь. Но дома ее не оказалось. Больше попыток я не предпринимала. Я и так потратила на Еву слишком большую часть своей жизни. Ей нужно лечение. Это я понимаю совершенно четко. Но выстраивать планы по ее спасению больше не хочу и не буду. Если вам кажется, что я нарушаю клятву Гиппократа, то так тому и быть. Ева принесла моей семье и мне лично и так слишком много горя.

– Олимпиада Сергеевна, если через вас Ева не могла достать то, что ей требовалось, как вы считаете, она могла это раздобыть где-нибудь еще?

Липа немного подумала, а затем лицо ее страдальчески искривилось.

– Я думаю, она могла попытаться достать тиопентал через Бориса, – сказала она через силу. – Ева, когда ей это нужно, всегда умела быть настойчивой, а он никогда не мог ни в чем ей отказать.

– Олимпиада Сергеевна, – Зубов начал сердиться. – Надо из вас выдавливать информацию по капле? Вы можете внятно объяснить все от начала и до конца. Начиная с того, кто такой Борис.

– Борис? – Она горько усмехнулась и на пару секунд закрыла лицо руками. – Это мой бывший жених, который стал мужем Евы. Правда, ненадолго. Их брак был скоропалительным, и прожили они вместе всего-то десять месяцев. Ева увела его у меня. Не зная зачем, не знаю, что она хотела доказать. Но она быстро утратила интерес к семейной жизни и увлеклась чем-то новым. Да и свекровь ее не жаловала, и, если честно, я ее понимаю. Но как бы там ни было, Борис Савельев – врач-анестезиолог, работает в нашей областной больнице, и если в больном мозгу Евы возникла идея добраться до каких-то там медицинских препаратов, то кроме меня и моей мамы ей вполне могло прийти в голову обратиться к Борису.

* * *

Февраль в этом году выдался снежным, а значит, чистым. Впрочем, за городом в любую погоду снег оставался белым. Как любила говорить Ольга Бабурская, девственным. Светлана Калинина, домработница Бабурских, стоя на крыльце, вдохнула морозный, немного колкий воздух полной грудью и зажмурилась от удовольствия. Воздух пах свежестью, был чист от выхлопных газов или ядовитого дыма, выплеываемого в небо трубами промышленных предприятий. В этом загородном поселке земля и дома стоили целое состояние именно потому, что находились действительно в экологически чистом месте, вдалеке от промзон, мусорных полигонов, аэропорта, железной дороги и прочих объектов, необходимых для

цивилизации, но наносящих непоправимый ущерб природе.

Впрочем, так далеко в своих рассуждениях Светлана не заходила. Она была простой женщиной, медсестрой по образованию, еще в начале двухтысячных сменившей белый халат и нищенскую зарплату на фартук домработницы и, по совместительству, еще и сиделки. За восемнадцать лет работодатели ей попадались разные – вежливые и стервозные, склочные и добрые. С одними она расставалась без сожаления, к другим прикипала всей душой, но, пожалуй, не было семьи, к которой она привязалась бы так же сильно, как к Бабурским.

Конечно, работа здесь была, мягко говоря, непыльной. Уборка в пусть даже и большом доме, в котором жили всего три человека, много времени не занимала. Готовить Светлана любила, тем более и Ольга Аполлинарьевна Бабурская была отменной хозяйкой и частенько вставала к плите сама, чтобы побаловать мужа. Стирка? Глажка? Смешно, ей-богу, когда семья-то всего ничего. Детей нет, а вместе с ними и неизбежного гвалта, разбросанных игрушек, пролитого варенья или замызганных футболок. Нет, работа спокойная, отношения с хозяевами прекрасные, свободное время удавалось проводить с пользой благодаря имеющейся в доме прекрасной библиотеке, да еще видеотеке, в которой Светлане разрешали брать любые фильмы.

Конечно, в последние года полтора Михаил Валентинович совсем сдал, но все-таки обслуживал себя всегда сам, не допуская домработницу ни к гигиеническим процедурам, ни к одеванию-раздеванию. Она только делала ему уколы, в случае необходимости ставила капельницы, да по часам приносила прописанные таблетки. Вот, пожалуй, и все. Не считать же дополнительной работой необходимость подать хозяину завтрак или обед в постель, если он плохо себя чувствует и проводит день, не выходя из спальни.

Когда хозяина убили, Светлана немного растерялась. Она понятия не имела, останется ли Ольга Аполлинарьевна жить на даче или переберется в городскую квартиру. Нужна ли ей будет домработница на полный день, да еще с пансионом и проживанием, и поэтому начала подумывать о возможном переезде. Уезжать из Спасского-Лутовинова ей не хотелось. И дом, и хозяйка, и объем работы, и уровень зарплаты устраивали ее полностью, но все могло измениться в любой момент, и Светлана предпочитала быть к этому готовой.

Убийцу Бабурского она не раз и не два поминала недобрым словом. И потому, что к старику относилась с симпатией и уважением, и потому, что лично ей случившееся грозило серьезными переменами в жизни. А

перемен Светлана не любила.

Она снова вдохнула полной грудью, поплотнее закуталась в шерстяной платок, который накинула на плечи, выбегая на крыльцо. Вообще-то она уже поднялась к себе, наверх, но услышала в кухне какой-то шум и спустилась, чтобы убедиться, что хозяйке ничего не нужно. Но в кухне не было никого, и тишина здесь стояла такая оглушительная, как бывает только в деревне. Ей захотелось подышать, и, накинув платок, Светлана вышла на крыльцо, на котором стояла теперь, задумчиво запрокинув лицо к холодным далеким звездам, которым не было никакого дела до ее внутренних метаний.

С одной стороны, с похорон Михаила Валентиновича уже прошло три месяца, и все это время Ольга Аполлинарьевна жила на даче, выбираясь в город только по делам не чаще двух раз в неделю. Казалось, смерть мужа отняла у нее всю внутреннюю силу и погасила тот интерес к жизни, которым всегда светились ее глаза. Она даже галерею свою почти забросила, переложила все заботы на плечи сотрудниц – Анны и Елены.

Светлана все эти три месяца продолжала механически выполнять свои обязанности. Следила за домом, готовила еду, чуть ли не силой заставляя Ольгу Аполлинарьевну есть три раза в день. Та делала это механически: не ела даже, а принимала пищу, не чувствуя вкуса и, казалось, не понимая, что именно она ест. Работы стало еще меньше, но об увольнении своей помощницы по хозяйству Бабурская не заговаривала.

С другой стороны, рано или поздно, но выйдет же она из того ступора, в котором находится, а значит, слова о сокращении зарплаты в связи с уменьшением объема работы, а то и вовсе о переходе на двухдневный режим работы, могут прозвучать в любую минуту.

Именно поэтому сейчас Светлана Калинина решала непростую для себя дилемму. Ей поступило предложение о новой работе, причем из дома, расположенного здесь же, в поселке. Это означало, что она сможет остаться жить в этом, так нравящемся ей месте, с его вкусным и полезным воздухом, сохранить источник дохода и она даже выиграет в зарплате. Но ей придется бросить Ольгу Аполлинарьевну, серьезно увеличить собственную ежедневную нагрузку, да еще и поступить в дом, в котором растут двое детей, шумных, капризных и непоседливых, как и положено детям.

Согласиться на менее выгодные условия труда и при этом выглядеть предательницей в глазах Бабурской? Отказаться и «остаться на бобах», если хозяйка на самом деле вынашивает планы о сокращении ее содержания? Светлана думала уже три дня, но ответа на эти мучающие ее вопросы у нее все еще не было, а между тем срок, когда она должна была

сообщить о своем решении новым работодателям, неумолимо приближался. Именно из-за этого ей и не спалось сегодняшней ночью.

Светлана передернула плечами, потому что мороз забирался под шерстяной платок, через спортивный костюм кусал плечи. По-хорошему, нужно было дойти до калитки и проверить, заперт ли замок. Но идти по засыпанной снегом дорожке (дворник приходил из близлежащей деревни два раза в неделю) смертельно не хотелось, да и зачем, если хозяйка сегодня никуда не выезжала, и в гости к ней никто не приходил.

Мороз кусался все сильнее, намекая, что пора уже вернуться в хорошо протопленный дом и улечься, наконец, в постель. Светлана тяжело вздохнула от того, что правильное решение никак не приходило, вошла в дом и заперла за собой дверь. Часы в гостиной пробили полночь. Это были старинные часы-ходики, которые Михаил Бабурский очень ценил и всегда заводил собственноручно. Только в последний год эта почетная обязанность легла на плечи Светланы, и, поднимаясь в свою комнату, она мимоходом подумала о том, кто будет заводить часы, если она уволится.

Под ногами скрипнула ступенька лестницы, ведущей сначала на второй, а потом на третий этаж. У Бабурских был просторный трехэтажный дом, на первом этаже которого располагалась кухня, столовая, гостиная и библиотека, на втором – спальни и кабинет хозяев, их гардеробные, а также одна гостевая комната, а на третьем – еще две гостевые спальни, комната домработницы, несколько кладовых и прачечная, в которой все было оборудовано для стирки, сушки и глажки вещей. Здесь месяцами не бывало никого, кроме Светланы.

На втором этаже она остановилась перед входом в хозяйскую спальню и прислушалась. За дверью было тихо, и полоска света не выбивалась снизу. Значит, Ольга Аполлинарьевна спит, а не читает и не смотрит телевизор. После смерти мужа у нее развилась бессонница, и она частенько проводила без сна ночи напролет, но, видимо, сегодня была удачная ночь.

Светлана заколебалась на мгновение. Не выпить ли перед сном чаю? Или не стоит спускаться вниз, тратить время, которое можно потратить на сон? Раз хозяйка спит, значит, утром она встанет достаточно рано, а раз так, то и завтрак должен быть готов к восьми утра. Если хочешь остаться в этом доме, значит, будь добра, ежедневно доказывай свою нужность и незаменимость. Конечно, Ольга Аполлинарьевна вполне в состоянии сама пожарить себе омлет и сварить кофе. Но если ей придется это делать, то зачем тогда домработница? Или все-таки уволиться самой, не дожидаясь, пока хозяйка придет к такому выводу?

Нет, с такими мыслями она точно не уснет. Светлана решительно

повернулась и начала спускаться по лестнице. Предательская рассохшаяся ступенька снова скрипнула под ее весом. Ничего, это не страшно. Такой тихий звук вряд ли разбудит хозяйку.

Она вошла в кухню, задумчиво посмотрела на чайник, но затем открыла холодильник и достала пакет молока. Нет лучше средства для успокоения нервов, чем теплое молоко с медом. Это Светлана знала точно. Она вообще любила мед и каждый вечер пила чай с медом вместо сахара. Просто сегодня за тяжкими своими думами она чуть не пропустила ежевечерний ритуал. Ну, ничего, сейчас она нагреет молоко, добавит в него мед и унесет чашку к себе в комнату, чтобы выпить свой успокаивающий напиток уже в постели.

Мед покупался каждую осень у знакомого пасечника, живущего здесь же, в Спасском-Лутовинове, и держащего пчел в деревянных домиках на границе леса и поля, на котором до сих пор каждое лето расстилался бело-розовый клеверный ковер. Мед получался ароматный-ароматный, правда, кроме Светланы, его никто в доме не ел. У Михаила Бабурского от меда отчего-то поднималось давление, а Ольга Аполлинарьевна просто его не любила. Маленькая баночка на столе безраздельно принадлежала Светлане, которая по мере необходимости доливала в нее мед из стоящей в подполе трехлитровой банки.

Из приоткрытой форточки (Ольга Аполлинарьевна любила, чтобы в доме было свежо, и форточки не закрывались наглухо даже в морозы) раздался какой-то непонятный звук, точнее шорох. Светлана выглянула в окно, но, естественно, ничего не увидела, поскольку смотрела из освещенной кухни в темноту. На мгновение у нее мелькнула мысль выключить свет, но она тут же отогнала ее прочь. Никого не могло быть на огороженном высоким забором дворе, тем более сама Светлана вернулась в дом не больше пяти минут назад и никого не видела.

«Белки», – подумала она и даже улыбнулась, такой очевидной была разгадка. В Спасском-Лутовинове жило много белок. В основном они гнездились в лесу, но иногда появлялись и на деревьях, растущих у частных домов, потому что здесь их частенько подкармливали. На участке Бабурских тоже висели кормушки, в которые Светлана регулярно подсыпала орехи и специально покупаемый Ольгой Аполлинарьевной в зоомагазине беличий корм. Белки были практически ручные, совсем непугливые, охотно давали кормить себя с ладони и уморительно держали передними лапками крупные кусочки ореха, которые Светлана специально колола крупными кусками.

Да, во дворе шуршали белки, наведавшиеся к кормушке. И

успокоенная Светлана налила в чашку горячее молоко, размешала в ней две чайные ложки меда, щелкнула выключателем и снова начала подниматься наверх, стараясь ступать так, чтобы ступеньки не трещали под ее ногами. Хоть и не должна проснуться Ольга Аполлинарьевна, но лучше быть осторожнее. Хорошая домработница не нарушает хрупкий сон своей хозяйки, если хочет остаться в доме.

Она поднялась в свою комнату, поставила чашку на тумбочку, чтобы молоко немного остыло, скинула спортивный костюм, быстро приняла душ, надела ночную сорочку и легла в давно уже расстеленную кровать. Ее умиротворяющий напиток был как раз той температуры, что нужно. Она выпила маленькими глотками сладкое ароматное молоко, чуть горьковатое от привкуса цветочного меда. Эта горчинка была фирменной для лутовиновского меда, его главной особенностью и визитной карточкой.

От горячего молока ее сразу потянуло в сон, и Светлана даже улыбнулась тому, как эффективно подействовал старинный рецепт борьбы с бессонницей. Эх, если бы еще Ольгу Аполлинарьевну убедить пить молоко с медом. Так ведь нет, не заставишь. Светлана протянула руку, дернула за веревочку, выключив висящее над кроватью бра, и привычно прислушалась к звукам спящего дома. На мгновение ей показалось, что скрипнула та самая предательская ступенька, которую она всегда старалась обходить, но чаще всего забывала. И тут же снова стало тихо.

Никто не мог подниматься сейчас по лестнице. Ольга Аполлинарьевна спала, и никого не было в доме кроме них двоих. Не белки же, в самом деле. Мысль отчего-то показалась неприятной, царапающей, но сосредоточиться на ней Светлана не успела, потому что через мгновение уже сладко спала, подложив под щеку ладонь.

Глава 7

Зубову казалось, будто он стоит в укутанной туманом лощине. Серое марево стелется по земле, поднимается вверх, застилая дорогу, сбивая с пути. Все предметы искажаются, теряют четкие границы, и их размытые контуры не позволяют с уверенностью судить, настоящие ли они или порождены причудливой фантазией. Он не впервые сталкивался в своей работе с проявлением чьего-то безумия, но психические отклонения всегда пугали его гораздо больше, чем возможная схватка с вооруженным преступником. То, что происходило вокруг, было дьявольским замыслом, родившимся явно в больном мозгу, а предугадывать логику и поступки больного человека Зубову было не под силу.

Впрочем, в окружающем его тумане начинали проявляться размытые очертания фигуры преступника. И это совершенно точно была женская

фигура, к тому же чертовски похожая на гражданку Бердникову Евангелину Сергеевну, на след которой сыщики никак не могли напасть.

Сегодня утром они наконец-то получили ордер на обыск квартиры Евы. Вскрыли дверь и приступили к поиску прямых улик. Пока у них были только косвенные свидетельства причастности Евы к преступлениям. И они вынуждены были опираться исключительно на показания сестер Евы, а также Егора Ермолаева и врача-анестезиолога областной больницы Бориса Савельева, который показал, что летом прошлого года его бывшая жена действительно обращалась к нему с просьбой достать тиопентал натрия, но он, по его словам, категорически отказал. Впрочем, слова, как известно, к делу не пришьешь.

Алексей помотал головой, разгоняя туман, окутавший не только подробности жутких уголовных дел, но и его сознание. Сегодня он был с ночного дежурства, не выспавшийся, рассерженный и растерянный. Убийство, на которое ему пришлось выезжать, оказалось обычной «бытовухой»: убийца никуда не прятался, а сидел тут же, в квартире, понуро повесив голову, и отпечатков пальцев на ноже, которым он зарезал своего собутыльника, было достаточно, чтобы дело почти сразу же передать в суд. В общем, ничего сложного, просто теперь очень хотелось спать.

– Допивай свой чай, и поехали к Бердниковой на квартиру, – скомандовал Лавров. – Осмотрим там все, глядишь, ясности прибавится. И куда только она могла деваться, Ева эта?

– Да, сейчас. – Зубов тяжело вздохнул, больше всего мечтая, чтобы рабочий день поскорее кончился, и можно было донести свое усталое тело до кровати, упасть в нее и, наконец, заснуть мертвым сном.

Впрочем, его надеждам не суждено было сбыться.

У Лаврова зазвонил мобильник. Тот с недоумением посмотрел на экран, увидел незнакомый номер и осторожно сказал: «Да, алло, слушаю! Лавров, говорите». Выслушал чью-то сбивчивую, торопливую речь, ответил: «Ясно, выезжаем, ждите», – и встал со стула, потянув висевшую на спинке куртку.

– Все, лафа кончилась. Вставай, Леха, поехали.

– Куда? – простонал Зубов, автоматически вставая со стула и одним глотком допивая оставшийся в кружке чай.

– В Спасское-Лутовиново, в дом Бабурских. Помнишь таких?

Что-то в его голосе заставило Зубова моментально проснуться.

– Серега, чего случилось-то? – спросил он, понимая, что ничего приятного произойти не могло, иначе не был бы сейчас Лавров так

серьезен.

– Это нам с тобой предстоит выяснить, что случилось. Мне звонила Светлана Калинина, домработница Бабурских. Помнишь, я разговаривал с ней в день смерти ее хозяина? Вот она и сохранила номер, на всякий случай.

– И? Да говори ты, Серега, не тяни kota за все подробности! – Зубов внезапно разозлился.

– Говорит, хозяйка ее мертва. Сегодня утром Ольга Аполлинарьевна Бабурская очень долго не спускалась к завтраку. Светлана, заволновавшись, вошла в спальню, чтобы узнать, все ли в порядке, и обнаружила Бабурскую мертвой.

– Что-о-о-о?

– То самое. Вроде бы Ольга Аполлинарьевна скончалась во сне. Так говорит Светлана. Чуешь, Леха?

– Чую, – мрачно сказал Зубов, которому совершенно расхотелось спать. – Именно такой смерти и пожелала себе Бабурская в том проклятом разговоре. Умереть во сне.

Через полчаса оперативная группа уже входила в особняк Бабурских, где на ступеньках крыльца сидела заплаканная Светлана в накинутой на плечи шубке.

– Не могу себя заставить остаться с ней в доме наедине, – сказала она и снова расплакалась, горько, отчаянно. – Как же так? Ведь вчера вечером все было хорошо. Почему Ольга Аполлинарьевна умерла? Она же ничем не болела.

– Светлана Евгеньевна, – Лавров мягко потянул ее за руку, заставляя подняться и пропустить внутрь эксперта, следователя и оперативников, – мы во всем разберемся, я вам обещаю. Пока наши сотрудники осмотрят тело и место происшествия, давайте пройдем на кухню и поговорим. Хорошо? Расскажите, как прошел вчерашний вечер.

– Хорошо. – Светлана послушно поднялась, высморкалась в бумажный платочек, который комкала в руках, вслед за мужчинами зашла в дом, скинула шубку и сделала приглашающий жест в сторону кухни. – Пойдемте. Я все расскажу. Мне скрывать нечего.

Она предложила Лаврову чаю, и тот согласился, понимая, что его собеседнице нужно заняться чем-то привычным, чтобы немного успокоиться. Светлана щелкнула кнопкой чайника, достала стеклянную банку с притертой крышкой, насыпала в чистый заварочный чайник какую-то благоухающую смесь. Наверное, настоящий, дорогой и элитный, машинально отметил Сергей. От предвкушения у Лаврова даже во рту

защекотало.

– Светлана Евгеньевна, не произошло ли вчера чего-то необычного?

– Нет. – Женщина выглядела серьезной и сосредоточенной. Явно старалась помочь. – Ольга Аполлинарьевна вчера весь день провела дома, в город не ездила. Она разбирала какие-то бумаги, потом кино смотрела. Я слышала, как она разговаривала с девочками из галереи, но с кем именно, с Леной или с Аней, не поняла. От обеда отказалась, потому что вообще в последнее время ела как птичка. Ольга Аполлинарьевна очень тяжело переносила смерть Михаила Валентиновича. Ей было одиноко очень, ничто ее не радовало, и даже еда. В общем, часов в пять я все-таки заставила ее поесть. Запекла рыбу в фольге. В духовке, с лимонной цедрой. Аромат такой стоял, кто угодно слюной изошел бы. Она съела, конечно, но совсем без аппетита. Я расстроилась даже.

Все это не имело ни малейшего отношения к делу, но Лавров женщину не торопил, по опыту зная, как важно позволить человеку высказать все, что у него на сердце. Рано или поздно в рассказе обязательно проскользнет то главное, ради которого он сидит за этим столом. Терпение он считал одним из самых главных качеств сыщика.

– Потом она весь вечер читала в гостиной, а около десяти вечера поднялась в спальню. Пожелала мне спокойной ночи и ушла. Сказала, что прошлой ночью плохо спала и теперь хочет выспаться. Все, больше я ее не видела.

– А вы когда легли спать? – спросил Лавров, наблюдая, как женщина заливает заварку кипятком, накрывает чайничек специальной салфеткой, достает чашку с блюдцем, маленькую ложечку и корзинку с рассыпчатым печеньем.

– Простите, вам сахар нужен?

– Нет, – отказался Лавров.

– Вон, мед берите. В керамической баночке на столе. У нас очень хороший мед в Спасском-Лутовинове. Попробуйте. А я спать пошла не раньше полуночи. Мне как раз не спалось.

– Почему? Из-за хозяйки расстраивались? Или какие-то думы вас одолевали?

На этих словах Светлана ошутимо вздрогнула.

– Думы, – горько призналась она. – Я ведь уйти от Ольги Аполлинарьевны хотела. Нет, вы не подумайте дурного, мне в этом доме всегда было хорошо. Но после смерти Михаила Валентиновича я понимала, что скоро стану хозяйке не нужна. Это она поначалу как сомнамбула по дому бродила, ни на что внимания не обращая. Но рано или поздно пришла

бы в себя. Разве это дело, одинокой женщине в деревне жить? У нее же все интересы в городе. И галерея, и театры, и модистка, и косметолог с парикмахером. Того и гляди, она бы дом надумала продавать, а я бы тогда без работы осталась. Вот я и раздумывала, согласиться мне на предложение, которое я от соседей получила, или пока погодить.

– И что решили?

– Ночью ничего, а сейчас и само все решилось. – Женщина снова горько заплакала.

– Чай заварился уже. Налейте чашку, он у вас, похоже, очень вкусный, – мягко сказал Лавров.

На пороге кухни появился Зубов и начал делать какие-то странные знаки. Сергей встал из-за стола, подошел к двери и спросил, перейдя на шепот:

– Чего там?

– След от укола на локтевом сгибе левой руки, – так же шепотом ответил Зубов. – Все, как мы и предполагали.

– Интересно, как она это делает? – задумчиво спросил Лавров. – Почему три взрослых человека не сопротивлялись, когда им делали инъекцию?

– А с чего ты взял, что они не сопротивлялись?

– Так следов-то борьбы нет. Ладно, Леха. Иди, я тут продолжу.

Он снова вернулся за кухонный стол, на котором уже дымилась чашка с ароматным чаем. Сделал глоток, улыбнулся Калининой.

– Итак, Светлана Евгеньевна, продолжим. Вам не спалось. Вы думали о своем будущем. Что вы делали?

– Сначала вымыла пол на кухне, потом поднялась к себе, немного повышивала. Хотела лечь в постель, но поняла, что не усну, поэтому спустилась вниз и вышла на улицу. Мне захотелось подышать. Затем я снова начала подниматься в свою комнату и по дороге прислушалась, все ли в порядке у Ольги Аполлинарьевны.

– Зачем?

– Не знаю. Машинально. У нее свет не горел, было тихо. Я решила, она действительно спит. Потом захотелось выпить на ночь молока с медом. Я спустилась на кухню, приготовила свое «снотворное» – молоко с нашим местным медом и поднялась к себе. На этот раз до утра.

– Вы что-нибудь слышали?

– Когда была на улице, нет. Когда зашла в дом, почудился какой-то шум во дворе. Я посмотрела в окно, ничего не увидела и решила – белки. У нас тут много белок, и они совсем ручные, – пояснила она. – Потом, когда я

уже ложилась в постель, мне показалось, будто кто-то ходит по лестнице. У нас есть одна скрипучая ступенька, так вот мне послышалось, что она скрипнула.

– И что вы сделали?

– Ничего. В доме кроме нас двоих никого не было. Поэтому даже если Ольга Аполлинарьевна проснулась и спустилась вниз, к примеру, за водой, в этом не было ничего особенного.

– И больше вы ничего не слышали? За всю ночь?

– Вы знаете, я очень крепко спала. Вот сначала сна не было ни в одном глазу, но когда я все-таки легла, то уснула моментально. И проснулась только в полдевятого утра, хотя обычно встаю в шесть. Я вскочила с кровати, испугавшись, что Ольга Аполлинарьевна уже встала, а завтрак не готов. Быстро оделась, спустилась вниз, но оказалось, она еще не вставала. Я успела приготовить завтрак, выложила размораживаться курицу к обеду, а она все не спускалась. Около десяти утра я заволновалась, пошла в ее спальню и обнаружила... обнаружила... – Светлана шумно задышала носом и, не выдержав, снова расплакалась.

– Так, говорите, у вас мед вкусный? Пожалуй, я попробую, – бодро сказал Лавров, чтобы ее отвлечь.

Он протянул руку и взял симпатичный керамический бочонок с деревянной мутовкой, выглядывающей из дырочки в крышке. Открыл, заглянул внутрь: бочонок был пуст и чисто вымыт.

– А меда-то и нет, – сказал он. – Съел весь ваш мед какой-то Винни-Пух.

Светлана отняла ладони от лица, посмотрела на Лаврова, а потом на бочонок недоверчиво.

– Этого не может быть, – сказала она. – Я только вчера утром наливала сюда мед. И вечером, когда я грела молоко, я положила всего две ложки. Банка оставалась почти полная.

– Так, может, Ольга Аполлинарьевна действительно спускалась вниз? Проснулась и доела мед.

– Вы не понимаете. – Глаза Светланы были распахнуты широко-широко, и в них плескался ужас. – Вы не понимаете, – повторила она, – Ольга Аполлинарьевна никогда не ела мед. Терпеть его не могла. Это так же точно, как и то, что вчера в полночь, когда я уходила к себе, банка была почти полная.

– Ну не преступник же сначала совершил убийство, а потом спустился на кухню и вашим медком полакомился? Как-то это совсем уж глупо, – удивился Лавров.

– Я очень крепко спала, – медленно сказала Светлана. – Очень крепко. Вообще ничего не слышала и проснулась почти на три часа позже, чем обычно. При этом с вечера у меня не было сна ни в одном глазу. Я помню, как стояла на крыльце и думала про свое «снотворное», а потом выпила молока с медом и словно отключилась. Может быть, в банку с медом было что-то подмешано? Снотворное, например. И именно поэтому ее потом вымыли, чтобы замести следы?

– Очень может быть. Очень даже может быть. – Лавров задумчиво потер затылок. – Но если это так, то наш убийца очень предусмотрителен. И хладнокровен. И прекрасно осведомлен о традициях в этом доме. Он пробирается в дом, подсыпает что-то в мед, который едите только вы. Потом он ждет, пока вы уснете. Убивает Ольгу Аполлинарьевну, хотя я и не понимаю, как именно. Почему она позволила ему приблизиться к себе и сделать смертельный укол?

– Укол? – Светлана смотрела непонимающе. Краски стремительно покидали ее лицо, которое становилось бледным, очень бледным, блее лежащей на столе салфетки.

– Да, Светлана Евгеньевна. Вашу хозяйку убили. Отравили. Похоже, тем же самым веществом, что и ее мужа, а также еще одного человека. И преступник совершил убийство, продумав все до мельчайших деталей. Даже про ваш мед не забыл, а еще и вымыл банку. Для такого надо обладать очень крепкими нервами, практически стальными канатами.

– Ольга Аполлинарьевна, упокой господи ее душу, рассказывала мне, как умер Михаил Валентинович, – тихо сказала Калинина. – Чтобы совершить такое... сначала лишит человека жизни, а потом подвесит под потолком в виде Икара, нервы тоже должны быть железными. Но тем не менее этот человек предусмотрел не все.

Лавров посмотрел на нее с интересом.

– Видите ли, я очень люблю порядок. Для меня не поставленная на место чашка, невымытая тарелка в раковине – это ЧП, событие вселенского масштаба. Я терпеть не могу неаккуратность, поэтому стараюсь есть только на кухне, чтобы не оставлять крошек и не собирать потом по дому посуду.

Светлана на минуту замолчала и, увидев томительное недоумение в глазах сыщика, нетерпеливо качнула головой.

– Я всегда перед сном пью чай с медом, и всегда, – она с нажимом произнесла это слово, выделяя его, – делаю это на кухне. Но вчера я унесла чашку с молоком в свою спальню и выпила его уже в постели. Понимаете?

– Вы хотите сказать, чашка до сих пор стоит на вашей прикроватной

тумбочке? И в ней сохранились остатки вчерашнего молока, которое вы пили на ночь?

– Если бы я не проспала, я бы обязательно с утра забрала чашку и вымыла ее. Но, посмотрев на часы, я соскочила с кровати, быстро оделась и побежала вниз, готовить завтрак. Да, чашка так и стоит у меня в спальне.

Наверх, в спальню Светланы Калининой, неожиданно ставшую местом обнаружения важной улики, призвали понятых. В качестве таковых к осмотру места происшествия были привлечены дворник и домработница из соседнего дома. Несчастные граждане с испугом смотрели на представителей полиции, жались к стенам, стараясь не ступить на ковры. Женщина поминутно сморкалась в бумажный платочек, который комкала в руке, мужчина то и дело вытирал пот со лба, хотя в доме из-за открытых форточек было довольно прохладно.

Чашка из-под молока – большая, белая, из тонкого фарфора с золотым ободком и витой ручкой, просто чудо, а не чашка, действительно стояла на тумбочке, рядом с не застеленной кроватью. При виде небубранной постели Светлана чуть заметно поморщилась, переживая из-за того, что с утра не привела комнату в надлежащий вид. Подозвав понятых поближе, Лавров подошел и взял чашку в руки. Она была абсолютно пуста и... тщательно вымыта.

Он протянул чашку Светлане, то ли показывая сияющие фарфоровым глянцем внутренности, то ли задавая безмолвный вопрос. Женщина непонимающе уставилась на чашку и вдруг вскрикнула и начала медленно оседать на пол. До нее, наконец, дошло то, что мгновением раньше понял Лавров. Убийца утром был здесь, в этой комнате. Совершив ночью убийство, преступник преспокойно дождался утра, чтобы уничтожить все улики. Светлана невольно нарушила его планы, забрав чашку с собой в спальню, а убийца с его поистине безумным, параноидальным вниманием к мелочам не мог оставить все как есть. Ему нужно было полностью завершить мизансцену и замести следы. При этом он легко мог убить и Светлану, коль уж она крепко спала под воздействием лекарства, но не стал этого делать. А значит, выбор жертв подчинялся жестокой, но неумолимой логике, и случайные жертвы ему были не нужны.

* * *

Сергей Лавров гнал свою машину по направлению к городу. Мрачный Зубов сидел рядом, на душе у него скребли кошки. Зимняя дорога стелилась под колеса, на белых обочинах не на чем было остановиться глазу. Только сугробы, да поодаль елки, цепляющие верхушками белесое,

словно размытое, небо, на горизонте сливающееся с укутанной снегом землей. Смотреть по сторонам было скучно. Зубов и не смотрел.

– Давай к этой крале на квартиру все-таки заедем, – сказал Лавров, бросив на напарника быстрый, но от этого не менее внимательный взгляд. Состояние Зубова ему не нравилось. – Или тебе к Анне надо?

О смерти Ольги Бабурской Анна уже знала. Зубов позвонил ей сразу после того, как были оформлены все протоколы. Ему казалось неправильным, чтобы его любимая женщина узнала о гибели близкого человека от кого-то другого. Да и все равно на место работы сообщать надо. Известие, как и можно было ожидать, ошеломило Анну. Услышав дурную весть, она сначала долго молчала. Так долго, что Зубов даже решил, будто она положила трубку, но потом послышался тихий плач, такой жалобный, словно скулил маленький, подброшенный в подворотню щенок. От этого плача у Зубова зашло все внутри. Где-то там, где положено находиться сердцу. Странно, до этого момента на сердце он никогда не жаловался.

Впрочем, он лишний раз убедился в том, что его Анна – человек особенный, редкий. Немного поплавав, она взяла себя в руки и пообещала поставить в известность остальных сотрудников, закрыть галерею, а также начать готовить церемонию похорон. Оказывается, на этот счет у Ольги Бабурской было оставлено особое распоряжение, которое хранилось у адвоката, а копия была отдана Анне. Ее же Бабурская назначила и распорядительницей похорон.

Конечно, тело Ольги Аполлинарьевны увезли в морг при бюро судебно-медицинской экспертизы для дальнейших исследований. И родственникам его (то есть тело) обещали выдать только после всех полагающихся процедур. Однако заблаговременно готовиться к церемонии прощания и поминкам никто не мешал. Зубов даже советовал не затягивать с подготовкой к печальному ритуалу – Анну нужно было срочно занять делом, чтобы не переживала и не расстраивалась, причем не только по поводу гибели Бабурской, но из-за грядущих неприятностей с сестрой. В причастности к убийствам Евы Бердниковой Зубов уже не сомневался.

– К Анне мне, конечно, надо, – ответил он на вопрос друга и коллеги, выныривая из своих невеселых дум. – Да только никогда еще такого не было, чтобы я личные интересы ставил выше рабочих. Ты чего, Серега? Конечно, на квартиру к Еве нужно съездить. Глядишь, все же отыщется там следок, где ее искать, пока она еще чего-нибудь не натворила. Черт! Никак не могу выкинуть из головы мысли о том проклятом разговоре! Анна ведь осталась единственной из тех, кто в нем участвовал. Если с ней что-то

случится, я себе этого никогда не прощу.

– Почему единственной? – удивился Лавров. – Там еще гардеробщица была. Эта, как ее? Клавдия Васильевна, кажется. И Елена Кондратьева. И еще журналистка Настя Романова. Мы же с ними уже разговаривали.

– Так-то оно, конечно. Вот только, как ты помнишь, Кондратьева этот разговор вообще поддерживать отказалась, сказав, мол, пока умирать не намерена. А журналистка к нему и вовсе, как говорится, «не пристала». Да и Клавдия Васильевна предпочитаемый способ смерти не озвучивала, как, впрочем, и сама Ева. Из тех, кто произнес вслух, как хотел бы умереть, в живых осталась только Анна. Понимаешь, почему я так дергаюсь?

– Да, понимаю, конечно, – сказал Лавров. – Причем, если бы она сказала что-то конкретное, было бы понятно, от чего ее оберегать. Это как с Ермолаевым. Он сказал про смерть на скорости, и ему подстроили автомобильную аварию. Он выжил, слава богу, и в больничной палате за него можно не опасаться. Там никакой скорости нет и быть не может.

– То-то и оно. – Зубов со всей силы ударил себя кулаком по колену и даже поморщился от боли. – Анна мечтала о мгновенной смерти. Что эта безумная ей устроит? Отравит барбитуратами, как всех остальных? Столкнет под поезд? Сбросит с крыши? Я не знаю, от чего именно ее оберегать, и не могу быть рядом 24 часа в сутки. И не знаю, что мне делать.

– Преступника вычислять, – мрачно сказал Лавров. – Единственный эффективный способ избежать угрозы – ликвидировать ее источник.

– Да мы уж вроде вычислили, – вяло сказал Зубов.

– Ну, предполагать – это одно, а располагать фактами – другое. Вот поймаем эту неуловимую Еву, докажем ее вину, и тогда уже сможешь расслабиться.

– Слушай, Серега. – Зубов вдруг замолчал, и изумленный Лавров, покосившись, обнаружил красные пятна на его щеках, свидетельствующие о крайнем смущении. Смущенный Зубов – это было что-то новое. – А это всегда так бывает? Я хочу спросить, у тебя тоже так было? Что бы ты ни делал, а мыслями все равно там, с ней. И тревога эта непреходящая, и счастье одновременно. Такая адская смесь, что все время больно.

Он замолчал, потому что окончательно смутился.

– Я не знаю, как тебе ответить, – признался Лавров. – Я как-то не сразу понял, что влюбился в Лилю, если ты об этом. У меня тогда такой мрак был в душе! Эти тучи ни одному солнечному лучу пробить было не под силу. Ты ж первый меня тогда в совершении преступления подозревал. Так что страданий и терзаний мне тогда хватало. А потом в какой-то прекрасный момент я вдруг понял, что без этой женщины не могу дышать. Сейчас даже

вспомнить смешно. Стоим мы с ней практически посередине скотного двора – это мы детей в контактный зоопарк возили, я ее обнимаю, а сердце бухает: «бум-бум-бум», и небо такое над нами, огромное, синее-синее, и от этого так хорошо, что кажется, вот-вот заплачешь. А потом, когда ее в том доме захватили и в сарай отволокли, чтобы убить... Я, пока ехал туда, я ж не знал, застану ее живой или нет. Так вот, Леха, не было у меня момента страшнее за всю мою жизнь. Так что очень я тебя понимаю. И чем смогу, помогу. А думать про это постоянно нельзя. Во-первых, душу сожжешь, а во-вторых, профессионализм утратишь. И в нужный момент защитить ее не сможешь. Бери ты себя в руки! Вот мой тебе совет, хоть ты вроде его и не просил.

– Понял, – мрачно ответил Зубов и отвернулся к окну, за которым по-прежнему не было ничего, кроме унылого зимнего пейзажа. – И да, спасибо тебе.

Квартиру они вскрыли в присутствии понятых. Пригласили давешнюю старушку-соседку, в прошлые отлучки Евы присматривавшую за цветами. И соседа с нижнего этажа. Бабуля с любопытством вертела головой, напоминая нахохлившуюся на жердочке старую птичку, но лишних вопросов не задавала. И сыщики были ей благодарны. А сосед, оказавшийся водителем хлебного фургона, только что вернувшимся с ночной смены, был недоволен, зол и вовсе не собирался этого скрывать. Он мирно спал, когда в его дверь позвонили полицейские, а попав в квартиру, первым делом оперся спиной о подоконник и тут же закрыл глаза, видимо, мечтая только о том, чтобы доспать.

– И что мы ищем? – спросил Зубов.

– Кабы знать, – ответил Лавров, открывая стеклянную дверцу старого обшарпанного буфета.

Вся мебель в квартире Евы свидетельствовала о бедности хозяйки, нехватке свободных денег. Еще бы, Анна же рассказывала, что ее сестра нигде подолгу не работала, предпочитая обходиться лишь совсем малым. Помимо буфета с разномастными чашками, в комнате были такой же обшарпанный шкаф, комод, диван, по всей видимости, служивший хозяйке еще и кроватью, на небольшом столике телевизор с большим плоским экраном, а у окна мольберт, совершенно пустой. Квартира разительно отличалась от стильного и уютного жилища Анны. Зубову даже стало не по себе. Сестры Бердниковы действительно были очень разными.

– Слушай, а если она почти не работала, откуда деньги на собственную квартиру? – спросил вдруг Лавров, не упускающий ни одной мелочи.

– Меня это тоже интересовало, – усмехнулся Зубов, в глубине души

очень довольный тем, что подумал об этом раньше старшего более опытного товарища. – Но все просто. Родители Ани и Евы жили на одной лестничной площадке с Марией Ивановной и Олимпиадой. Когда после смерти первой жены Бердников женился на Марии Ивановне, он с дочерьми просто переехал к соседке. Жилплощадь позволяла. А когда девочки стали взрослыми, они просто продали родительскую квартиру и купили себе по «однушке». Конечно, так себе оказались квартирки, плохонькие. Но Анна быстро начала хорошо зарабатывать и поменяла свою жилплощадь на просторную хорошую квартиру в престижном микрорайоне. А Ева так и осталась тут. Хорошо хоть ремонт сделала.

В квартире действительно было, что называется, бедненько, но чистенько. Свежие, светлые, хоть и очень недорогие обои, тщательно побеленный потолок, свежеекрашенные оконные рамы, идеально белые двери. Неряхой Ева Бердникова точно не была.

– Мольберт пустой, – снова подал голос Лавров.

– Это тоже неудивительно. Она перетащила все свои картины в мастерскую к Анне. Хотя картинами это сложно назвать. У меня от одного взгляда на эту, с позволения сказать, живопись в голове мутится. Причем перетаскивала втихаря, когда Анны дома не было. Понять бы еще зачем?

– Может, Олимпиада Сергеевна не зря ее всю жизнь подозревала в сдвинутости? – предположил Лавров. – У сумасшедшего человека, несомненно, есть логика в действиях, вот только нормальным ее не понять.

– Евочка – совершенно нормальная. Такая же, как вы и я, – вмешалась вдруг в разговор старушка-соседка. – Мы с ней, почитай, пятнадцать лет бок о бок прожили. Нормальная она, хорошая, добрая. И рисует – одно загляденье. Все картины у нее со смыслом. Просто не каждому дано тот смысл разгадать. Но в голове от них не мутится. Нечего и наговаривать.

Сыщики осеклись, понимая, что при понятых болтают слишком много.

– Ты осмотришь тут как следует, – буркнул Лавров, кляня себя за несдержанность. Все-таки в их паре именно он был старше и опытнее. – Я на кухне пошурю. Если что, позову.

Кухня была такая, как и положено быть кухне в старой однокомнатной «хрущевке». Маленькая, тесная, со старой, хотя и очень чистой плитой и дешевеньким кухонным гарнитуром, рабочие поверхности которого совсем недавно оклеили яркой клеенкой. На плите стоял чайник. Лавров, неизвестно зачем, скорее машинально, чем по наитию, потрогал его металлический блестящий бок, в котором немного в искаженном виде отражалось его лицо. Потрогал и отпрыгнул в сторону от неожиданности. Чайник оказался теплым.

Не горячим, а просто теплым. Лавров даже посмотрел в окно, чтобы понять, не могла ли металлическая поверхность нагреться от лучей солнца. Но нет, солнце по-прежнему не могло пробиться сквозь плотную вату облаков, накрывших город, да и за окном стоял довольно холодный, хоть и в пределах климатической нормы, январь. Тот самый месяц, когда, как известно с детства всякому уважающему себя человеку, «солнце светит, но не греет».

– Леха! – заорал Лавров, все еще не придя в себя от неожиданного открытия. – Иди сюда! И понятых зови.

В дверях кухни появилась, поджимая губы, старушка. Было видно, что за свою молодую, непутевую соседку она действительно переживает, а вопросы следователей ее рассердили. Следом возник недовольный сосед, растирающий мясистой пятерней помятое лицо.

– Чего еще? – из-за их спин спросил голос Зубова.

– Товарищи понятые, прошу вас зафиксировать факт, который будет отмечен в протоколе осмотра, – скучным голосом сообщил Лавров. – На плите стоит металлический чайник, и он теплый. Думаю, его кипятили примерно минут пятьдесят назад, не больше.

– Чего? – Зубов бросился к плите, приложил руку к металлическому боку и тоже ощутил под пальцами тепло. – Получается, кто-то покинул эту квартиру всего за полчаса до того, как мы здесь появились?

– Получается, так. – Лавров потер затылок и смачно выругался, а потом испуганно покосился на старушку, которая пуще прежнего поджала губы. – Если бы мы уехали с места происшествия минут на сорок пораньше, то, глядишь, ее здесь и застали. А так, ищи-свищи ветра в поле.

– Погодите, я вот этого не понял, – вступил в разговор мрачный и сонный «нижний» сосед. – А вы чему удивляетесь-то? Вы, думаете, жилища эта тут не живет?

– Конечно, не живет. – Старушка, видимо, окончательно разуверилась в сыщиках и стояла теперь, уперев руки в боки. – Евушка уже больше года в отъезде, и если бы вернулась, то ко мне бы сразу зашла. И не из-за цветов своих, а из-за меня. Она всегда моими делами интересуется и о здоровье всегда спросит. Милая девочка, воспитанная, – добавила бабушка, покосившись на любителя нецензурной лексики Лаврова.

– Подождите, – остановил соседку Лавров. – Вашу версию событий мы знаем. А вы, товарищ, что имеете в виду?

– Да то и имею. Уж Ева это или Адам, мне неизвестно. И шума я особого не слыхал. Врать не буду. Но периодически слышу шаги над своей головой. Как будто бегают кто босыми пятками. Знаете, поди, как это бывает. Вот и

сегодня, пришел с работы, дождался, пока жена спиногорызов в детский сад соберет и на работу уйдет, чайку выпил и спать лег...

– Простите, а во сколько это было? – Зубов подался вперед, внимательно ловя каждое слово.

– Так аккуратно в начале восьмого, – развел руками мужик. – В общем, шаги зашлепали. Упало еще что-то. Я прямо озверел. Думаю, не дадут, сволочи, поспать! Но потом тихо стало, как будто тот, кто наверху, тоже спать лег. Правда, еще в ванной вода лилась. Я отлить пошел, слышал. В общем, был тут кто-то сегодня утром. Точно вам говорю.

– Да это мы уже и сами поняли, – вздохнул Лавров. – Получается, кто-то в семь часов утра пришел в эту квартиру, принял душ, а потом лег спать. А проснувшись, выпил чаю, тщательно вымыл за собой чашку или кружку, тщательно вытер, – в подтверждение своих слов Сергей достал из сушилки над раковиной совершенно сухую чашку. – Причем непонятно чем вытер, раз полотенце совершенно сухое и немятое. А потом ушел, забрав с собой использованный чайный пакетик, потому что в мусорном ведре ничего нет, я проверил.

– И кто это же был, по-вашему? – всполошилась старушка. – Кто может бывать в Евушкиной квартире?

Теперь она выглядела не сердитой, а скорее испуганной. Даже присела на кухонную табуретку, видимо, перестали держать ноги.

– Кто-то не очень нормальный, – сердито ответил Зубов, – кто вытирает досуха чашки и уносит с собой спитые пакетики и использованные салфетки. Кстати, в ванной тоже все полотенца абсолютно сухие и практически стерильные.

– Скажите, а как часто вы слышите звуки в этой квартире? – уточнил Лавров у мужика, с которого, казалось, окончательно слетел сон.

– Врать не буду, не часто, – тот почесал грудь под майкой, переступил с ноги на ногу. – Примерно раз в месяц, не чаще. Но по датам, конечно, не вспомню.

– А хотя бы примерно. – Лавров сейчас был похож на гончую, наконец-то взявшую следу.

– Примерно давайте попробуем. Календарь какой есть?

– Я принесу, – вскочила старушка-соседка с табуретки. – У меня есть календарь, церковный.

За следующие двадцать минут выяснилось то, что Лавров с Зубовым уже поняли без всякого календаря. Звуки, которые слышал сосед снизу – шаги над головой и шумящая в ванне вода, возникали приблизительно в те же самые даты, когда случались расследуемые сыщиками убийства. И это

вызывало все новые и новые вопросы, которые им очень хотелось бы задать Евангелине Бердниковой.

* * *

С самого утра у Липы болела голова. Не сильно, скорее тупой ноющей болью. Боль не причиняла страданий, но отвлекала и мешала совершать привычные действия: помочь маме принять душ, сварить кашу, покормить маму, поесть самой, заварить свежий чай, выпить его в тишине прохладной кухни, маленькой, тесной, давно требующей ремонта.

Как так получилось, что обитатели этой квартиры никогда не были по-настоящему счастливы? Кто виноват в том, что никогда не было в их доме покоя? Мама, родившая дочь без мужа и вышедшая замуж за Сергея Бердникова не по любви, а лишь из чувства долга, да еще, пожалуй, из жалости? Мария Ивановна действительно жалела своего бывшего соседа, доброго, непьющего, безотказного мужика, похоронившего жену и оставшегося с двумя дочками на руках.

Чего искала мама в этом странном, болезненном браке, в котором она взвалила на свои плечи такую непосильную ношу? Уж точно не покоя и любви. Никогда Сергей не любил Марию Ивановну. Лишь уважал, да и благодарен был безмерно. Любила ли мама его? Странно, но Липе никогда не приходило в голову задать этот вопрос. А сейчас уже и не спросишь, чтобы понапрасну не расстраивать.

Словно подслушав дочкины мысли, Мария Ивановна появилась в дверях кухни. Ну надо же! А Липа и не слышала, как она подошла, стуча по коридору палкой. Вот как сильно погрузилась в себя! Нехорошо это, неправильно.

– Тебе что-нибудь надо, мама? – ласково спросила Липа, вставая с табуретки.

– Нет, захотела на тебя посмотреть, – ответила Мария Ивановна, и Липа невольно отметила, что речь ее становится все лучше и разборчивее. Может, и впрямь получится справиться с последствиями проклятого инсульта, который в очередной раз поделил их жизнь на «до» и «после».

– На мне ведь узоров нету и цветы не растут, – пошутила Липа, к месту ввернув фразу из маминого любимого фильма. – Что на меня смотреть?

Она снова уселась на табуретку и взяла в руки кружку с горячим чаем. Мама аккуратно примостилась на другую табуретку, прислонила палку к столу, подперла лицо руками, внимательно разглядывая дочь.

– Доченька, ты извини за вопрос, но все же. Что у тебя со Стасом?

Липа от неожиданности фыркнула, чай пролился ей на колени, она судорожно закашлялась и подцепила ногтями мокрую ткань приставшего к коленкам халата. Горячо!

– Мама, ну ты тоже спросишь, – воскликнула она, вновь обретя способность говорить. – Что у меня может быть со Стасом? Он мой коллега и друг, готовый прийти на помощь, когда я его об этом прошу. Вот и все. И не придумывай ты ничего. Я тебя очень прошу!

– Да я и не придумываю. – Мария Ивановна пожала плечами. – Я все и так вижу. Гораздо яснее, чем ты сама. Хоть я у тебя уже старая и больная, но из ума пока не выжила. Не будет мужчина таскать на себе полупарализованную мать женщины, которую не любит. Нет таких дружеских чувств, которые заставили бы его это делать, да еще и регулярно. Ты вспомни, как он нам в первые месяцы моей болезни помогал, да и сейчас регулярно ко мне заезжает, между прочим. Правда, не думаю, что из-за меня.

– Правда? – Липа опять чуть не поперхнулась и отставила чашку в сторону, решив пока прервать неудавшееся чаепитие. – Я не знала. В смысле, я не знала, что он к тебе приезжает.

– Да. Пару раз в месяц заглядывает. Когда ты на дежурстве в основном. Мы с ним пьем чай, разглядываем твои детские фотокарточки и разговариваем.

– О чем же, могу я узнать?

– Да в основном о тебе. Ни одна другая тема его особо не интересует, – улыбнулась мама. – Липушка, ты можешь мне не верить, но Стас действительно тебя любит. И ты будешь неправа, если не ответишь на его чувство.

– Оставь мама, – Липа повысила голос, но тут же устыдилась. Негоже это, кричать на больную мать, которая к тому же желает своей дочери только добра. – Меня уже один раз в этой жизни любили, и мы обе знаем, чем это закончилось. Ничему подобному в моей жизни я больше произойти не дам. Говорят, что тот, с кого один раз сняли скальп, второй раз не дастся.

– Наверное, я должна была раньше начать этот разговор, – печально сказала мама, – но мне все казалось неудобным лезть в твою жизнь. Тем более дипломированный психиатр у нас ты, а не я. Я всего-навсего участковый педиатр. Но даже я, с моим скромным опытом, могу сказать тебе, что нельзя бесконечно лелеять внутри старые обиды и уж тем более позволять им влиять на твою нынешнюю жизнь. Та история с Борисом, – Липа попыталась что-то сказать, но Мария Ивановна остановила ее властным движением руки, – не прерывай меня, я и так слишком долго

молчала. Так вот с истории с Борисом уже прошло пятнадцать лет, вполне достаточный срок, чтобы перестать пережевывать собственные страдания. Меня удивляет, почему твой Лагранж тебе этого так и не объяснил.

– Он пытался, – Липа нашла в себе силы улыбнуться. – Но я же у тебя непослушная, мама. Франц Яковлевич и так сделал для меня очень много. Он вернул мне силы жить, и не его вина, что вкус жизни возродить так и не сумел.

– Ты трусиха, – в голосе мамы звучала глубокая печаль, – настоящая трусиха, которая боится снова испытать боль. Но боль – это одна из составляющих жизни. Но ты не желаешь этого понимать и бежишь от чувств, ломая тем самым жизнь не только себе, но и Стасу. Он же любит тебя, действительно любит. У тебя еще могут быть и семья, и дети. Тебе всего тридцать восемь, совсем не возраст для того, чтобы похоронить себя заживо.

– Мама, я не хочу иметь детей, – глухо сказала Липа и вдруг заплакала, не думая о том, что расстраивает маму. – Точнее, хочу, но не могу. Ты же все знаешь. Ляля покончила с собой, и, по крайней мере, у одной ее дочери отклонения передались по наследству. А я... Я тоже пыталась наложить на себя руки. И если бы не Лагранж, думаю, рано или поздно преуспела бы в этом. Я не хочу такого проклятия своим детям.

– Господи! Как тебя на работе-то держат, да еще завотделением! – притворно удивилась Мария Ивановна. – Дипломированный врач, а несешь такую чушь. У Ляли была шизофрения, клинически диагностированная, но ни у одной из ее дочерей этот диагноз так и не был подтвержден. А ты... Ты тогда просто отчаялась. И твой поступок был совершен по глупости и слабости, а вовсе не из-за болезни. И, кстати, если бы это было не так, то Франц Яковлевич ни за что бы не «отмазал» тебя от лечения.

– Мама, – несмотря на всю серьезность разговора, Липа все-таки рассмеялась, не удержавшись, – откуда у тебя такой лексикон?

– Телевизор смотрю, когда остаюсь одна дома, – с достоинством ответила Мария Ивановна, – а там чего только не слушаешься. И не пытайся перевести разговор на другое. У тебя все равно не получится.

Раздался звонок в дверь. Липа поспешила в прихожую, радуясь, что неожиданный гость, кем бы он ни был, прервет этой тягостный для нее разговор. Конечно, мама права. Хотя в ее словах не было ничего такого, чего доктор Олимпиада Бердникова не знала и не говорила сама себе, лежа без сна долгими зимними ночами. С юности она плохо спала. Точнее, не с юности, а с той самой «истории», как назвала это мама, с Борисом. Конечно, Стас совсем другой. Он не похож на Бориса, ни капельки не

похож, но повод ли это, чтобы впустить его в свою жизнь дальше той черты, которая словно проведена в ее душе волшебным мелом. Мелом судьбы, как пишет ее любимый писатель Сергей Лукьяненко.

Она щелкнула замком, распахнула дверь и отшатнулась, ибо на пороге стоял тот самый Стас, которого она только что собиралась ни за что не допускать в свою жизнь. В руке у него был какой-то невообразимый букет и коробка с тортом.

– Привет, – буднично сказал он. – Ничего, что я в субботу и без предупреждения?

– Проходи, – сказала Липа, потому что все иное прозвучало бы невежливо, а невежливой она быть не хотела. – Мама на кухне. По какому поводу подарки?

– Тебе только букет, – сообщил Стас, пристраивая принесенные дары на тумбочку в прихожей. – Точнее, даже не тебе, а Марии Ивановне. А торт я Лагранжу купил. Собственно, я потому к тебе и приехал. Давай к нему вместе съездим.

Липа обрадовалась и даже удивилась этой своей радости. Обрадовалась и скорой встрече со старым учителем, и возможности улизнуть из дома и не объясняться с мамой, и даже самой идее пойти куда-то вдвоем со Стасом. Чувство было новым, незнакомым, а от того немного пугающим.

– И правильно, нечего дома сидеть. – В коридоре появилась Мария Ивановна, поплотнее закутавшись в подаренный все тем же Стасом платок. – Сходите, поговорите с умным человеком, чаю с ним попейте. А за цветы спасибо, Стасик.

Крушельницкий шагнул к ней навстречу, склонил голову, поцеловал маленькую, теплую, совсем еще не старческую руку с зажатой в ней палкой. Второй, свободной рукой Мария Ивановна нежно погладила его по голове.

– Так, ты пока с мамой поговори, – воскликнула Липа, – мне нужно душ принять и собраться. Но ты не волнуйся, я быстро.

– Да я вроде никуда не тороплюсь, – пробормотал Стас, провожая глазами ее стремительно исчезающую в конце коридора фигуру.

Он был удивлен столь быстрому падению этого, казавшегося таким неприступным, бастиона. Он-то готовился к долгой осаде, а оно вон как вышло! Эта женщина, отчего-то так запавшая ему в душу, вообще была похожа на неприступную крепость, стоящую на высоком утесе. Гладкий, отполированный волнами камень и прекрасная твердыня. Можно сколько угодно пытаться взять ее штурмом, раз за разом, но каждый раз

безуспешно.

Доктор Крушельницкий и сам не мог объяснить, отчего так цеплялся именно за этот несостоявшийся роман. Вокруг него всегда хватало женщин, готовых на все даже ради его мимолетного внимания. Он от этих быстрых предложений не отказывался, поскольку монахом не был. Но Липа Бердникова была ему нужна не на мгновение, не на ночь, не на месяц. Это была женщина, на которой он хотел жениться, чтобы вместе провести остаток дней, как бы выпренно это ни звучало. А почему, он и сам не знал.

Его не смущали притаившиеся в ее душе демоны. Уж с чем-чем, а с демонами он умел справляться на «отлично», потому что врачом был хорошим, опытным. Он был уверен, что половина Липиных страхов вызвана неизбывным одиночеством и неуверенностью в себе. А в случае заключения законного брака проблема бы снималась сама собой. Вторая половина страхов тянулась из детства, и тут врач Крушельницкий был не столь уверен в себе. Справится ли он там, где потерпел поражение великий Франц Яковлевич Лагранж? Но был готов попробовать. Лишь бы только Липа хоть немного доверилась ему, позволила хотя бы на шаг переступить ту невидимую черту, которую установила в их отношениях. Стас был для нее другом. Верным, надежным, все понимающим другом. Его этот статус не устраивал, а она была не готова предложить что-нибудь взамен.

Везя Липу к Лагранжу, Стас весело болтал о каких-то ничего не значащих пустяках, чтобы хоть ненадолго выдернуть любимую женщину из ее привычной погруженности в себя. Она не улыбалась и, казалось, не слушала, хотя в нужных местах реагировала, вставляя свои реплики. Надо признать, всегда к месту.

Но этим ранним субботним утром Липа и Стас оказались не единственными гостями пожилого профессора. Обычно, когда бы они ни заглядывали к своему учителю, тот всегда был дома один и мог уделить им максимум внимания. Сейчас в квартире Лагранжа обнаружилась неожиданная (особенно для Липы) гостья. Впрочем, своим ученикам профессор все равно обрадовался, пожал руку Стасу, расцеловал Липу и велел проходить на кухню, просторную и светлую, с высокими потолками, какие бывают только в старых домах сталинской постройки.

– Вот как! Оказывается, у меня сегодня день визитов, – шутливо хвастался старик. – Впрочем, вы знакомы. Это Лиля, моя давняя прекрасная ученица.

Действительно, Лилю Ветлицкую, работавшую заместителем начальника следственного управления, а сейчас находящуюся в отпуске по уходу за ребенком, Липа и Стас знали хорошо. Стасу приходилось

сталкиваться с Ветлицкой по работе, а Липа встречала ее у Лагранжа и раньше. И, помнится, совсем недавно она просила профессора выяснить, что Лиле известно по поводу расследуемых убийств. Лагранж ее просьбу двухмесячной давности не забыл, вот только ничего интересного Лиля ему не рассказала, сославшись на материнские хлопоты. А на нет, как говорится, и суда нет.

Впрочем, Лиле Олимпиада Бердникова все равно обрадовалась. Ко второй любимой ученице Лагранжа (первой Липа считала себя) она относилась с симпатией. Вот только увидеть рядом с ней еще и полицейских, расследующих дело об убийствах, она никак не ожидала. Впрочем, они ее тоже.

– Вы? – Сергей Лавров встал из-за стола, поздоровался со Стасом и опустил на стул, напряженно всматриваясь в лицо Олимпиады.

– Я! Мы со Стасом решили проведать Франца Яковлевича, – сочла нужным пояснить Липа и тут же покраснела от злости на саму себя. Ну отчего она оправдывается?

– Привет, Олимпиада, – поздоровалась Лиля, – здравствуйте, Стас. Позвольте вас познакомить, это мой муж Сергей.

Та-ак. Оказывается, именно этот сыщик и есть Лилин муж. Липа не знала, радоваться ей или огорчаться. А может, вообще никак не относиться к этому факту. В конце концов, какое ей до всех этих людей дело.

– Франц Яковлевич, садитесь, я сама, – твердо сказала она и забрала у старика из рук чайник. – Стас торт купил. Сейчас я его порежу, и будем все чай пить.

– Вы просто так или по делу? – спросил проницательный Лавров у Крушельницкого.

– А вы? – чуть насмешливо переспросил тот. – Мы-то как раз просто так. Давно у Франца Яковлевича не были, вот я и решил сегодня Липу вытащить из дома, раз уж сегодня выходной и мы оба не на дежурствах.

– А мы по делу, – Лавров ничуть не смутился. – Просто так Лиля частенько забегает, а мы с Алексеем посоветоваться захотели.

– По поводу Евы? – спросила Липа. Голос ее дрогнул, и Стас внимательно посмотрел на нее, взял за руку, но она независимо высвободила пальцы, что не укрылось от бдительного ока сыщиков.

– На данный момент мы практически уверены в том, что ваша сводная сестра имеет отношение к совершенным преступлениям, – сказал Зубов. – Весь вопрос только в том, насколько серьезное. И второе, очень хотелось бы понять, где именно ее искать. И да, вы были правы, Олимпиада Сергеевна. Она действительно осталась в городе. Скорее всего. Но в своей

квартире появляется нечасто. Видимо, прячется в каком-то другом, пока неустановленном месте.

– Я как раз успел рассказать молодым людям, что не очень понимаю, чем я могу быть им полезен. – Старик принял из рук Липы чашку с чаем, аккуратно ложечкой отщипнул кусочек торта, положил в рот и зажмурился от удовольствия. – К старости я становлюсь сладкоежкой, видимо, процесс впадения в детство неостановим. Но вернемся к делу. Могу только повторить сказанное ранее: я обследовал сестру Липы довольно давно, когда она была еще юной девушкой, но тогда не нашел у нее ни малейших отклонений в психическом здоровье. У нее была очень расшатанная нервная система, и это абсолютно понятно, учитывая условия, в которых она выросла. Присутствовали истерические реакции, признаки затяжного невроза, но не больше.

– Вот вы тут сидите, три психиатра за одним столом, – сказал Лавров, – вот и скажите... А может так быть, чтобы человек был в детстве и юности совершенно здоров, а потом после тридцати лет вдруг сошел с ума и стал серийным убийцей?

– В этой жизни все может быть, – начал было Стас, но осекся под сердитым взглядом Липы. Виновато посмотрел на старого профессора: «Извините, мол, поперек батьки полез», но тот улыбнулся и сделал знак рукой: продолжай. – Но такая глубокая психопатия все равно должна идти из детства. Но лично я не верю в то, что человек, которому пятнадцать лет назад Франц Лагранж вынес вердикт «здоров», сейчас свихнулся настолько, чтобы убить трех человек и покалечить еще одного.

– Франц Яковлевич, – Липа была очень бледна и очень серьезна. Как будто от результатов беседы зависела ее жизнь. – Я заранее прошу у вас прощения за вопрос, но эта мысль не дает мне покоя много лет. Может так случиться, что тогда, давно, вы ошиблись?

– Девочка моя, я же не бог, – мягко сказал Лагранж. – Я в своей жизни ошибался очень много раз, поэтому извиняешься ты понапрасну. Наверное, было бы лучше, если бы после той консультации я мог видеть ее в динамике. Но получилось, как получилось. Вы с Евой перестали общаться на долгие годы. Что произошло с ней за это время? Могла ли она измениться так сильно? Я не знаю, хотя, скорее, склонен согласиться со Стасом.

– Она может быть опасна, – с нажимом сказал Зубов. – Сейчас имеет значение только это, а не какие-то там прошлые ошибки. Погибли уже три человека, и я не желаю, чтобы Анна стала следующей жертвой. Клянусь, я этого не допущу!

– Если бы мне сказали, что близнецы могут быть такими одинаковыми и такими разными одновременно, я бы не поверила, – сказала Липа. – Они были одинаковыми по сути своей, раз уж судьба им была родиться однойцевыми близнецами. Но сами они стремились стать совершенно разными. Во всем, даже в самых незначительных мелочах, они стремились отличаться друг от друга. Для Анны было принципиально важно иметь другую прическу, носить другую одежду, иначе двигаться, есть другую еду. Но поначалу они были очень похожи внешне, только цвет глаз разный.

Услышав про глаза, Зубов вздрогнул. Он никак не мог забыть фотографии с выколотыми глазами Евы в альбоме, который хранился в квартире Анны. Немного смущаясь, потому что все, что было связано с Анной Бердниковой, казалось ему очень личным, практически интимным, он рассказал об обнаруженных фотографиях всем остальным.

Липа расстроилась почти до слез. Стас Крушельницкий снова взял ее за руку, и в этот раз она не стала отнимать пальцы. То ли думала о чем-то своем, то ли и впрямь ей сейчас была нужна его поддержка. Чрезвычайно серьёзен стал и старый профессор.

– Девочка моя, – голос его внезапно сел, стал глухим, надтреснутым, и он вынужден был откашляться. – Конечно, я помню все, что ты мне рассказывала об истории твоей семьи. Но сейчас я хочу, чтобы ты мне еще раз напомнила обстоятельства гибели матери девочек. Нет, я еще не впал в маразм, невзирая на мои преклонные годы. Но у меня появились кое-какие мысли.

– Хорошо, – Липа кивнула, соглашаясь выполнить его просьбу. – Мне неприятно про это вспоминать, но вся сложившаяся ситуация настолько мучительна, что о небольших неприятностях говорить уже не приходится. Конечно, я расскажу.

Стараясь не углубляться в детали, она рассказала, как долгое время перед самоубийством Ляля Бердникова была одержима идеей добровольной смерти, а потом вышла в окно, прижимая к себе одну из дочерей. Ангел-хранитель спас девочек. Ева не погибла, а лишь сильно расшиблась. А Анна, спрятавшаяся от безумной матери в стиральной машине (огромной, допотопной стиральной машине «Вятка-автомат», достать которую когда-то считалось огромной удачей), вначале страшно переживала из-за отсутствия рядом сестры-близняшки, а потом настолько от нее отвыкла, что категорически отказалась принять назад. Ева всю жизнь страдала от холодности своей сестры, сначала пыталась завоевать ее внимание по-хорошему, а потом озлобилась, начала задирать ее, все больше и больше проявляя агрессию. Анна держалась холодно и отстраненно,

никак не реагируя на Евины проделки и не обижаясь даже в тех случаях, если ей причиняли настоящую боль.

Лагранж выслушал историю молча, ни разу не перебив Липу и не задав ей ни одного вопроса. Когда она закончила свой рассказ, еще раз повторив, что с юности считала поведение Евы признаком психического нездоровья и даже в мединститут пошла, чтобы вылечить сестру от душевного недуга, он снял очки, сидящие на самом кончике крупного мясистого носа, и протер пальцами глаза, без очков вдруг ставшие растерянными.

– Я должен подумать, – сказал он и потер левую половину груди. – Пожалуй, девочка моя, я должен признать, что был в свое время не прав, уговаривая тебя отмахнуться от истории твоего детства. Похоже, детская травма действительно дала нехорошие всходы. Очень нехорошие. Вот что, вы идите сейчас. Я должен остаться один и как следует подумать.

Глава 8

Новая рабочая неделя началась самым грустным образом. Ни одной новой зацепки в расследуемых делах, ни капли ясности в уже имеющихся обстоятельствах, ни следа Евангелины Бердниковой. Евангелину объявили в розыск, однако безрезультатно. Наблюдение, установленное за ее квартирой, а также за Борисом Савельевым, ни к чему не привело. Возле квартиры Анны и художественной галереи она также не появлялась.

– Не сквозь землю же она провалилась! – в сердцах бросил Лавров, когда они с коллегой вечером подводили итоги дня. Итоги были так себе. По другим делам, числившимся за оперативниками, результаты были и очень даже хорошие, а вот по запутанному делу о тройном убийстве нет.

– Слушай, а ты знаешь, откуда это выражение пошло? – спросил вдруг Зубов.

Сергей оторопело посмотрел на него:

– Какое?

– Как сквозь землю провалиться. Откуда оно взялось?

– Ну... Это фразеологический оборот. Я, конечно, не филолог, но думаю, это отсылка к древним мифам, когда души умерших жили в подземном царстве Аида. Отсюда и выражение «провалиться сквозь землю», то есть умереть. Если уж тебя в филологию потянуло, то таких примеров масса. Можешь еще вспомнить присказку «Не сносить мне головы». Это означало быть пойманным и наказанным за совершенный проступок. В первоначальном варианте «отрубить голову».

– Черт. – Зубов потер кулаками глаза и устало откинулся на спинку стула. – И чего всякая глупость в голову лезет? Мне иногда кажется, с этим

дурацким делом я сам с ума сойду. Хотя постой. Ты что-то важное сейчас сказал.

– Я всегда говорю важное. Это от того, что я есть твой старший товарищ, – назидательно сообщил Лавров. – Ладно, Леха, хорош дурью маяться. Давай к делу.

Они успели обсудить несколько важных вопросов, когда в кабинет ввалился коллега из соседнего отдела. К солидному брюшку, обтянутому давно не стираным свитером в катышках, он прижимал пластиковый бочонок с пивом.

Лавров поморщился. С некоторых пор он не терпел в мужиках неопрятности, поскольку она, неопрятность эта, напоминала ему о тех временах, когда он сам лишь чудом не скатился на дно. Чудо это звали Лилия Ветлицкая, ныне Лаврова, его законная вторая жена.

– Привет, Михеич, – поздоровался тем временем менее чувствительный к чужому внешнему виду Зубов. – Не рановато ли пиво? В два часа дня.

– Чего? Да нет, я на вечер прикупил, – бодро сообщил Михеич, он же капитан Михеев. Слишком уж бодро. Любой, даже самый неопытный, сыщик такое вранье распознавал вмиг. – Ребята, я ж к вам по делу. У вас ориентировка на бабу проходила? 32 года, волосы светлые, собранные в высокий хвост, одета в джинсы мужского кроя и, возможно, дубленую куртку из овчины на молнии?

– У нас, – подобрался Зубов. – Неужто нашли? Где?

– Да не то чтобы. – Михеев замялся, но только слегка. – Мне кажется, я ее на улице видел. Я же сегодня за город ездил – там у меня свидетель по одному делу живет, вот я к нему и мотанул с утра пораньше. А когда возвращался, заехал в ларек – пивка-то вот взять. Там-то я эту девицу и увидел. Просто сообразил не сразу, квартала три потом проехал, когда понял, что она по ориентировке проходит. Вот я сразу к вам.

– Сразу, – передразнил его Лавров. – Где хоть это было?

– Так на Окружном шоссе, – бодро сообщил Михеев. – Она в очереди, в ларьке передо мной стояла. Купила жвачку и бутылку лимонада. И потом ушла.

– Куда? – заорал Зубов, который вдруг почувствовал холодок в позвоночнике. – Пошла она куда?

– Да откуда я знаю, куда она пошла? – Михеев развел руками. – Я пиво купил, в машину сел и уехал. И только потом вспомнил, отчего она мне знакомой показалась. Смутно.

– Михеев, ты ж все-таки оперативник! Хотя, кажется, и ненастоящий, –

зло сказал Зубов. – Ты напрягись хоть немного, вспомни. Она в машину села? Или дорогу перешла? Или что? Может, сквозь землю провалилась?

– Вот чего ты, Зубов, орешь-то все время? – обиженно сказал Михеев. – Я ж к вам сразу, первым делом, а вы на меня собак спускаете. Не было там никакой машины, кроме моей. Она шоссе перебежала, причем на красный свет, и по дороге пошла, которая в «Изумрудный город» ведет.

– О господи! – заскрежетал зубами Алексей, вскочил со стула, схватил куртку, одновременно набирая номер Анны. – Аня, Анечка, да возьми же ты трубку!

– Спокойно, Леха. Вместе поедem. – Лавров тоже встал, потянулся за висевшим на вешалке пуховиком. – Ладно, Михеев, с нас, похоже, причитается, хотя пиво в рабочее время ты все-таки не пей.

Ловко вытеснив Михеева из кабинета, Лавров запер дверь, сунул в карман ключ и выскочил на лестницу, по которой уже кубарем скатывался вниз побелевший от страха Зубов.

До «Изумрудного города» они домчались за десять минут, рекордный для обеденных пробок срок. Сидящий за рулем Лавров бросал свою машину в малейший просвет, уверенно продвигаясь вперед и не обращая внимания на сигналы светофоров. Зубов молчал, тяжело дышал, снова и снова набирая номер Анны, которая по-прежнему не отвечала на звонки.

– У тебя ключ от ее квартиры есть? – спросил Лавров, бросив короткий взгляд на побелевшего от ужаса приятеля. – Да не бойся ты, Леха! Все хорошо будет. Ну, мало ли куда она шла. Почему обязательно к Анне? Да и вообще, может, Михеев ошибся.

– Вот и проверим, – хрипло ответил Зубов. – А ключа у меня нет. Но если будет надо, я эту проклятую дверь ногой вышибу. Или головой, если потребуется.

– А почему она вообще дома? Сегодня же не выходной.

– Вторник сегодня, у них галерея по выходным работает, а в понедельник – вторник закрывается, – с мукой в голосе объяснил Зубов. – Мы с ней договаривались сегодня вечером встретиться. Она собиралась с утра в супермаркет съездить, ужин приготовить. А я после работы к ней прийти должен.

– Ну вот, видишь. Так, может, она в супермаркет и ушла.

– А трубку почему не берет?

– Потому что дома ее оставила. Леха, ну хватит психовать. Сейчас доедем уже.

Машина въехала во двор высотного красивого дома, стены которого были отделаны стильными зелеными панелями, красиво переливающимися

на зимнем морозном солнце. Цветовое решение стен стало визитной карточкой этого престижного микрорайона, квартиры в котором стоили баснословно дорого. Казалось, что за шлагбаумом, отделяющим «Изумрудный город» от остального города, менялся не только пейзаж, но и воздух, и даже внешний облик людей.

Здесь не сидели на лавочках бедно одетые старушки, а лишь элегантные дамы неопределенного возраста «сколько-то плюс» чинно вылезали из-за руля припаркованных дорогих авто. Мамы с малышами были одеты исключительно в брендовую одежду, купленную явно не на вещевом рынке, а на закрытых показах Лондона и Милана. Здесь в воздухе не висел отборный мат, не пахло сигаретами и дешевым портвейном, и в целом микрорайон почти не отличался от таких же кондоминиумов, находящихся где-нибудь в Европе. Дом, в котором жила Анна, был девятиэтажным. Таких здесь было всего два, а все остальные дома принадлежали к так называемой «застройке малой этажности»: красивые здания, высотой в четыре-шесть этажей, с квартирами на двух, а то и трёх уровнях, и светлыми просторными мансардами в парижском стиле под самой крышей. Лавров благодаря матери-предпринимательнице и сам проживал в загородном коттеджном поселке, то есть окружающая обстановка у него никакого дискомфорта не вызывала. А вот Зубов в очередной раз ощутил собственную неуместность в этом царстве роскоши и благополучия. Впрочем, сейчас ему было не до мыслей о социальном неравенстве.

Пока Лавров запирает машину, Алексей успел нетерпеливыми пальцами набрать код нужной им квартиры. Гудок, второй, третий... Они ввинчивались в черепную коробку, готовую взорваться от ужасных мыслей.

– Ну же, ответь мне, – молил Зубов бездушный механизм, краешком сознания понимая, как глупо при этом выглядит.

Наконец раздался щелчок, дверь подъезда приоткрылась, и на крыльцо вывалился румяный карапуз лет полутора, в ярком комбинезоне и шапке с огромным огненно-рыжим помпоном. В руке карапуз важно держал лопатку, а сзади шествовала бабушка. Чопорная, серьезная, в элегантном пальто, со стильной стрижкой. Эта пожилая леди (такое определение показалось Зубову самым подходящим) вполне могла оказаться ровесницей его матери, но выглядела она лет на пятнадцать моложе и не в пример элегантнее.

– Спасибо, мы пройдем. – Зубов оттеснил женщину плечом, придержал дверь, чтобы она не захлопнулась, нетерпеливо спросил у Лаврова: – Ты идешь?

– А вы к кому, молодые люди? – спохватилась бдительная дама, но сыщики уже были внутри подъезда, и дверь, мягко клацнув замком, плавно закрылась за ними.

К счастью, лифт, который доставил в вестибюль бабушку с внуком, еще не уехал, поэтому снова терять драгоценные секунды не пришлось. Загорелась лампочка, подсвечивающая кнопку с цифрой девять, кабина плавно поехала вверх, не доставляя пассажирам ни малейшего дискомфорта. Все здесь было просто на высшем уровне. Лифт снова интеллигентно звякнул, давая понять, что приехал куда нужно, мягко разошлись двери, и изнемогающий Зубов рванул к нужной входной двери, судорожно надавив на пимпочку звонка. Заливистая трель послышалась из-за двери и стихла.

– Не открывает, – в голосе Зубова звучало отчаяние. – Серега, подсоби, будем дверь выносить.

– Леш, она вообще-то железная. Практически бронированная. Давай ребят вызывать. А то ни один сантехник без санкции нам эту дверь взламывать не станет. Себе дороже.

– Серега, каких ребят? Какую санкцию? Ты понимаешь, ее же могут там сейчас убивать? Или убили уже давно. – Зубов практически орал. На лбу вздулась жила, синяя, страшная. Со стороны он сейчас был похож на тех персонажей, которых рисовала Ева Бердникова. А впрочем, сам себя он видеть сейчас со стороны никак не мог.

– Если убили, то ты уже все равно ничего не изменишь. – Лавров подошел к коллеге и с силой тряхнул его за плечи, возвращая в чувство. – Прекрати истерику. Сейчас же.

Зубов замолчал, махнул рукой и снова вдавил пальцем звонок, будто тот был в чем-то виноват. Из-за толстой, похоже, действительно бронированной двери внезапно послышались шаги. Шаркающие, еле слышные, но тем не менее показывающие, что в квартире кто-то есть.

– Ты слышишь? – Зубов отпустил измученный звонок и схватил Лаврова за руку.

Щелкнул замок, открылась дверь, и на пороге появилась Анна. Из-под шелкового халата торчали шелковые же пижамные штаны, волосы взлохмачены со сна, на щеке вмятина от подушки. Молодая женщина явно только что проснулась и сладко зевала, прикрывая рот маленькой ладошкой.

– Господи, что случилось? – Она приложила руки к груди, запахивая расходящиеся полы халата. – Алешенька, ты почему здесь и зачем так трезвонишь?

Зубов шагнул через порог, грубо прижал Анну к себе и уткнулся носом ей в волосы.

– Господи, ты жива! – Голос его звучал невнятно. То ли от того, что губы его были плотно прижаты к ее голове, то ли от того, что его душили непролитые слезы. – Спасибо тебе, господи! Сберег ее, помог! Это все, чего я просил. И я обещаю тебе, что просьб больше не будет.

– Ты бы не зарекался, – веско сказал Лавров, в свою очередь, проходя в прихожую. – Анна Сергеевна, у вас все в порядке?

– Да. А что со мной может быть не в порядке? – удивленно спросила Анна. – Я просто уснула. Вдруг почувствовала страшную усталость. Простудилась, видимо. С утра съездила за продуктами, а потом разобрала сумки и вдруг почувствовала, еще чуть-чуть, и упаду и усну прямо на кухне. Еле до кровати добралась, а как разделась, вообще не помню. Да что случилось-то?

– У твоего дома видели Еву, – бухнул Зубов, особо не раздумывая. Разливающимся по венам облегчение смывало прочь страх и тревогу, словно мусор схлынувшей волной прибой. – Она объявлена в розыск. И один из наших сотрудников ее опознал. Тут, недалеко. Я испугался, вдруг она решит заявиться к тебе и напасть.

– Алешенька, какой же ты глупый. – Анна потянулась и поцеловала Зубова в щеку, ласково провела рукой, стирая невидимый след от своих губ. – Я же тебе тысячу раз говорила: Ева никогда не причинит мне вреда.

Зубов наконец-то выпустил возлюбленную из объятий, одним движением скинул ботинки, пошел по квартире, заглядывая во все двери.

– Алеша? Ты зачем это? – В голосе Анны теперь звучало недоумение. – Кого ты ищешь?

– Я должен убедиться в том, что ее здесь нет, – ответил он. – Возможно, у меня паранойя, но я – какой-никакой, а профессионал, поэтому просто дай мне хорошо сделать свою работу.

Никого, кроме них троих, не было в этой квартире. Это стало понятно через две минуты после начала осмотра. В мастерской на мольберте стояла недописанная Анной картина – очередные огромные ярко-красные гранаты. Здесь немного пахло краской. В спальне – разобранная постель, при виде которой Зубов тут же испытал жар. Он бы все отдал, чтобы не возвращаться на работу, а остаться с Анной здесь, в ее постели.

На светло-бежевом, очень пушистом ковре, на котором они занимались любовью в новогоднюю ночь (при воспоминании об этом капитан полиции Алексей Зубов покраснел как застигнутый врасплох в ванной комнате школьник), лежало нечто темное. Он нагнулся и поднял, чтобы рассмотреть

лучше. Это был лист. Сухой, грязный лист, вытаявший из-под снега и приклеившийся к чьему-то ботинку.

– Ты заходила в спальню в обуви? – спросил Зубов, уже зная ответ. Его Анна была аккуратисткой и, войдя в квартиру, сразу же снимала уличную обувь. И его приучила разуваться только на коврик у входной двери, а дальше ходить только босиком. Ну, или в тапочках.

– Нет, конечно. Я всегда обуваю тапочки в прихожей, – удивленно ответила она. – Что у тебя опять за фантазия, Алеша?

Он молча протянул вперед ладонь, показывая лист, опустился на колени, потрогал ворс ковра, который был слегка влажным. Совсем недавно кто-то ходил здесь в мокрой и не очень чистой уличной обуви. И делал это в тот момент, когда Анна мирно спала в своей постели.

Чувствуя себя идиотом, Зубов подскочил к окну и рванул на себя створку. Окно было французским, от пола до потолка, без балкона, и прятаться таинственному визитеру было бы просто негде. Да и забраться через окно в квартиру на девятом этаже вряд ли смог обычный человек, а не хорошо подготовленный профессионал.

– Она была здесь, – хрипло сказал Зубов. – Ева была здесь и ушла совсем незадолго до нашего прихода. Я не знаю, зачем она приходила и почему тебя не тронула, но больше я тебя одну не оставлю. Хочешь ты или нет, но сегодня вечером я перевезу к тебе свои вещи и останусь у тебя, пока это чертово дело не будет раскрыто. И первым делом поменяю замки.

Анна порывисто подбежала к нему, обхватила руками за шею и горько заплакала.

– Я согласна, – сказала она сквозь слезы. – Я очень хочу, чтобы ты у меня жил, Алеша.

* * *

В детстве Алексей Зубов мечтал быть летчиком. Впрочем, не в детстве он об этом мечтал тоже, и только немного искривленная носовая перегородка навсегда перечеркнула ему дорогу в небо. Вместо летного училища Зубов поступил в юридический институт. А потом пришел работать в милицию-полицию, где и остался.

Детская мечта по-прежнему жила в нем. Не вся, лишь ее отголоски, проявляющиеся в страстной любви к музеям авиации, а также в регулярном «зависании» на форумах, где общались люди, как и он, бредившие небом. О самолетных моторах, конструктивных особенностях различных машин и прочих вещах, связанных с авиацией, он был готов говорить круглосуточно, вот только желающих слушать находилось немного.

Как бы то ни было, еще в раннем детстве Леша Зубов взял за правило смотреть все фильмы про летчиков. Гражданских ли, военных, неважно, главное, чтобы про летчиков. И одним из таких «засмотренных» им фильмов, конечно же, был «Экипаж».

Впрочем, сейчас, бреясь в стильной, похожей на сказочный хрустальный замок, ванной комнате своей возлюбленной, он вспомнил фильм «Экипаж» совсем по другой причине. И посетившая его мысль была связана отнюдь не с самолетами, а с фразой бывшей жены одного из летчиков, вышедшей замуж во второй раз. «Я сейчас засыпаю счастливая, просыпаюсь счастливая», – говорила она, и эти слова как нельзя лучше описывали чувства самого Зубова, вот уже третий день чувствовавшего себя счастливым до неприличия. А все потому, что вот уже три дня они с Анной живут вместе.

Он перевез свои вещи к Анне в тот же вечер, как и обещал. Ночью спал как убитый, но даже сквозь сон чувствовал, что Анна рядом, а значит, ей ничего не угрожает. От этой мысли ему было так хорошо и спокойно. Зубов даже проспал на работу, чего с ним не случалось ни разу в жизни. Он наскоро почистил зубы, чмокнул Анну и был таков. И даже ночное дежурство, пришедшееся на тот же день, не испортило ему настроения. За день он успел поменять замки во входной двери Аниной квартиры и был относительно спокоен за свою любимую женщину. Проклятая Ева больше не могла воспользоваться имеющимися у нее ключами.

Пятничный вечер они с Анной провели вместе, но измотанный бессонной ночью Зубов (дежурство выдалось хлопотным и беспокойным) смог только без аппетита поесть и свалиться в постель. И вот сегодня он проснулся и обнаружил, что находится в квартире в гордом одиночестве. В эту субботу у него был выходной, а вот у Анны нет. Под магнитиком на холодильнике обнаружилась записка с перечнем всех тех вкусных вещей, которые он должен был съесть, а также предложение встретить Анну с работы. Записка его умилила.

Галерея работала до восемнадцати часов, до ее закрытия оставалась еще уйма времени, и нужно было решить, чем себя занять. Алексей был предупрежден, что по субботам приходит домработница, путаться у нее под ногами он не хотел, а потому принял благоразумное решение принять душ, позавтракать и проведать мать. За свой стремительный переезд в квартиру любовницы ему было немного неудобно, потому что мать он нежно любил. Как будто песчинка попала в ботинок, вроде и ногу не натирает, но чувствуется.

Заварив чаю и достав из холодильника оставленные ему мисочки с

завтраком, он закинул сырники в микроволновку и прошествовал в ванную. Душ он принимал не торопясь, наслаждаясь горячими струями воды, наотмашь хлещущими по его телу, вдыхая влажный пар, от которого, казалось, промывались легкие. Напоследок переключив воду с горячей на ледяную, он, сцепив зубы, выдержал положенную минуту. С уханьем выскочил из душевой кабины, докрасна растерся огромным махровым полотенцем, которое теперь было его, расправил его на полотенцесушителе и горделиво выпятил грудь. То, что он теперь был здесь полноправным жильцом, давало ощутимый повод для гордости.

Натянув трусы и джинсы, Зубов с наслаждением побрился, умылся и нахмурился, вдруг осознав, что не захватил с собой лосьон после бритья. В предыдущие умывания было как-то не до лосьона, а сегодня ему хотелось отчего-то, чтобы все было по правилам. Немного поколебавшись, он открыл висевший над раковиной шкафчик, в котором ровными рядами стояли разные флаконы. Не в его правилах было лазать по чужим шкафам, но вдруг в хозяйстве Анны завалился лосьон после бритья. Да и вообще, он теперь тут живет. Разве это не дает ему хоть какие-то права?

Флаконов, баночек и тюбиков в шкафчике было много. Он рассеянно перебирал их, машинально читая названия. Глина Мертвого моря, маска для лица израильского производства и еще одна, но теперь уже с логотипом «Шанель», тюбик зубной пасты, сухой шампунь, упаковка ватных дисков, тоник для кожи, коробочка с контактными линзами, две зубные щетки в упаковке, флакончик духов, дезодорант, фен, несколько щеток для укладки волос, несколько кремов: дневной, ночной, для глаз. Мужского лосьона не было. Зубов, вздохнув, закрыл шкафчик, сделав зарубку на память – забрать свой из дома, когда приедет повидать маму.

В заднем кармане джинсов завибрировал телефон, с ночи оставленный в режиме «без звука». Зубов глянул на экран. Лавров.

– Привет, Серега, – сказал он, выходя из ванной и невольно ежась от разницы температур. – Случилось чего?

– Можно и так сказать, – согласился Лавров, но голос у него был довольный, а раз так, значит, ничего страшного. – Егор Ермолаев окончательно пришел в себя. Сегодня утром врачи разрешили с ним поговорить. Можешь съездить, а то я на детях сегодня? Лильку отпустил перышки почистить, а маман в командировке.

– Да не вопрос, – засмеялся Зубов. – Мне все равно до вечера делать нечего. Анна на работе. Я к маме хотел заскочить, но это недолго. Так что сейчас топливо в себя закину и в больницу.

Он быстро и с аппетитом съел приготовленные Анной сырники,

нежные и воздушные, выпил огромную кружку чаю с лимоном, тщательно вымыл за собой посуду, быстро оделся и сбежал вниз по лестнице, к припаркованной у подъезда машине. Уже выезжая из двора, в зеркале заднего вида он увидел женскую фигуру, входящую в подъезд, из которого он только что вышел. Фигура, одетая в кислотный, ярко-зеленый пуховик, показалась ему смутно знакомой, хотя и мелькнула всего на секунду, не более. Впрочем, это точно была не Ева, поэтому Зубов тут же выкинул женщину из головы. Мало ли кто тут ходит?

Егор лежал в отдельной палате, полной разнообразных приборов. Юноша был худым и бледным, в бинтах, весь опутанный катетерами и трубками неясного назначения. Но при виде Зубова улыбнулся, показывая, что его узнал.

– Привет, парень, – сказал Зубов, присаживаясь на стоящий у кровати стул. – Ты тут как? Если честно, выглядишь лучше, чем когда я тебя видел в последний раз.

– Я нормально, – Егор засмеялся, оценив шутку. – Врачи говорят, теперь уже быстро все пойдет. Я сначала ничего вспомнить не мог. А теперь ничего, все помню. И голова уже почти не болит. И гипс вот-вот снимут. Можно сказать, я отделался легким испугом.

– Ничего себе легким. И тебя жалко, и маму твою особенно. У нее же кроме тебя нет никого.

– Маму да, жалко, – по лицу Егора прошла тень. – Но она молодец, держится. Я ей пообещал, что теперь все хорошо будет. Сессию я, правда, пропустил, придется «академку» оформлять, но это ничего. Это не страшно.

– Ладно, давай к делу перейдем. Меня врачи предупредили, что ты пока от разговоров сильно устаешь, поэтому не будем попусту тратить время. Ты вообще тот день, перед аварией, помнишь?

– Все помню, – Егор пожал плечами. – День как день, ничего особенного. Я в отделении все свои дела переделал, с пациентами хлопот не было, и я отпросился у Олимпиады Сергеевны к другу сходить, в соседнее отделение. Ну то, которым раньше Зябликов заведовал. Сходил, конспект взял, по которому собирался ночью к экзамену готовиться. Мы поболтали, но недолго, потому что я хотел немного лекции почитать, чтобы потом всю ночь не горбатиться. В общем, тетрадь я взял и обратно пошел.

– К машине своей не подходил?

– Нет, зачем? Мне же там ничего не надо было. Я, правда, мимо парковки шел – тропинка между зданиями как раз там проходит.

– Никого не видел?

– Нет. Кого я там мог видеть? Темно уже было. И не было там никого, кроме Олимпиады Сергеевны.

– То есть? – не понял Зубов. – А что доктор Бердникова делала на улице?

– Не знаю. – Егор выглядел удивленным. – Я не видел, что она делала. Она с парковки шла.

– С парковки?

– Ну да. Может, ей что-то взять понадобилось. У нее же тоже машина там стоит.

В голове Зубова заскакали мысли, причем так быстро, почище любого кенгуру. И так, накануне аварии, в которую попал Егор Ермолаев из-за того, что у его машины оказались выведены из строя тормоза, он видел доктора Бердникову, которая отиралась неподалеку от его машины. Мысль была неудобной, словно натирала мозг.

– И часто так бывает, чтобы Олимпиада Сергеевна дышала воздухом в рабочее время? – спросил Зубов как бы между прочим. – Неужели тебя совсем не удивило, что она практически по окончании рабочего дня идет не к машине, а от нее?

– Нет, не удивило. – Егор выглядел растерянным. – А почему меня должно было это удивить? Она часто так делает. Даже по ночам. По крайней мере, я несколько раз сталкивался с ней в дверях, когда от своего друга возвращался. Иногда она входила, иногда выходила. В общем, ничего экстраординарного я в этом не увидел.

Капитану Зубову срочно требовалось хорошенько подумать, а еще лучше посоветоваться с Лавровым. Так получалось, что ночные дежурства в областной психиатрической больнице, раньше служившие доктору Бердниковой стопроцентным алиби, на самом деле таковыми не являлись. По ночам она часто покидала отделение. И куда ходила?

Почему она крутилась возле автомобильной стоянки? Случайно или все-таки нет? Могла ли она незаметно отлучаться в те ночи, когда были убиты Бабурский и Зябликов? И не ее ли рассказы, в конечном счете, привели к тому, что ее сводная сестра Ева стала главной подозреваемой в расследуемом ими деле об убийстве? В конце концов, у Олимпиады был очень весомый повод ненавидеть Еву и желать ей зла. Много лет назад Ева увела у старшей сестры жениха, и та до сих пор не простила предательства. И не отпустила, что гораздо страшнее.

Наскоро простившись с Егором и пообещав прийти еще, Зубов сбежал вниз по больничной лестнице, прыгнул в машину, завел мотор, чтобы прогреть стылый салон, и, набрав номер Лаврова, быстро поделился

подозрениями.

– Версия богатая, – выслушав, сказал Сергей. – Может, и не зря твоя Анна все время твердит, что Ева ни за что не причинит ей зла. Про Олимпиаду она этого, заметь, не утверждает. В конце концов, у нее тоже могут быть ключи от квартир обеих сводных сестер.

– У них не такие близкие отношения, чтобы давать ключи, – заметил Зубов.

– Верно. Но пока Ева лежала в больнице у Олимпиады, та вполне могла сделать нужные ей слепки. Такую версию ты допускаешь?

– Допускаю, тем более, как ты справедливо заметил, все неприятности в жизни Олимпиады всегда происходили именно из-за Евы. И дело не только в «отбитом» женихе, но и в заболевшей матери. Помнишь, она именно Еву обвиняла в этом. Довела, мол, своим визитом мать до инсульта.

– Да-а-а, интересная картина вырисовывается, – задумчиво сказал Лавров. – Вот что, Леха! Езжай-ка ты в отделение и вызывай гражданку Бердникову на беседу. Надо посмотреть, как она будет выкручиваться, когда мы поспрашиваем про ночное бдение на автостоянке.

– В отделение? – усомнился Зубов. – Мы же все прошлые разы в больнице встречались.

– Во-первых, сегодня суббота, и, если она не на дежурстве, значит, дома, а тревожить ее больную мать будет по-скотски. А во-вторых, ты ж не хуже меня знаешь: в наших стенах легче добиться нужного психологического эффекта. В больнице она на своей территории, а у нас на чужой, да еще такой м-м-м... специфической.

– Ты думаешь, ее этим можно пронять? – В голосе Зубова снова зазвучало сомнение. – Она ж психиатр. Она в этих играх разума посильнее нас с тобой будет.

– Не уверен. Нервы-то у нее ни к черту, мы с тобой много раз это видели. Сапожник без сапог, классический вариант. Да и вообще Лилька мне говорила, что психиатры – одни из самых эксцентричных людей на земле. А словом «эксцентричный» она заменяет слово «ненормальный». Очень уж она у меня вежливая. В общем, дуй в отделение, звони Бердниковой, потом доложись, во сколько она придет. Если смогу, тоже подъеду.

Олимпиаду Сергеевну, как ни странно, Зубов отыскал на работе.

– Приехать к вам? – удивленно переспросила она, выслушав полупредложение-полуприказ Зубова. – А зачем?

– Видите ли, Олимпиада Сергеевна, в деле появились новые обстоятельства, которые я считаю необходимым обсудить с вами. Причем

именно в моем рабочем кабинете. Вы ведь не возражаете?

– Нет, не возражаю, – голос докторши звучал немного растерянно. – Но у меня сегодня амбулаторный прием до двух. А затем смогу приехать, конечно.

– Значит, жду вас в половине третьего, – сухо сообщил Зубов. – И, пожалуйста, не опаздывайте.

* * *

Стас Крушельницкий ехал в больницу, хотя субботним утром ему там было совершенно нечего делать. Но у Липы сегодня стоял амбулаторный прием и беседа с родственниками, а в последнее время Стас отчего-то чувствовал, что не может оставлять ее одну, без присмотра. В будние дни было проще, потому что он был на работе, и она была на работе, и увидеть ее было легко – только двор перейти. По вечерам он тоже не волновался, поскольку Липа никуда не ходила, проводя все свободное время рядом с матерью. А вот выходные...

Если бы у него спросили, он бы не смог сформулировать причину своей тревоги. Олимпиада Бердникова была взрослым, умным, самодостаточным человеком, который как-то прожил тридцать восемь лет без Станислава Крушельницкого. О ней никто никогда не заботился, наоборот, она тащила на себе неподъемный груз заботы обо всех на свете. Сначала о сводных сестрах, потом о женихе, потом о пациентах, теперь о маме.

Груз прожитых лет давил ей на плечи, хотя от гордости Олимпиада никогда не позволяла им поникнуть и смело смотрела в лицо своим трудностям и страхам. Стас был хорошим врачом, а потому знал, в каком аду она живет. Липа храбро сражалась со своими демонами и о помощи не просила, но его все время подмывало помочь. Хотелось обнять ее, как маленькую, укачивать, никуда не отпускать, заботиться о ней, чтобы ей стало хоть немного легче. Но как, если она не подпускает к себе ни на шаг.

За невеселыми мыслями он и не заметил, как доехал до больницы, припарковал машину все на том же пяточке за главным корпусом, почти бегом пересек двор, взлетел по лестнице на второй этаж, «для блезиру» постучал и тут же рванул дверь, так остро ему вдруг захотелось ее увидеть.

Липа стояла у окна, царапала что-то пальцем по стеклу и даже не оглянулась ни на стук, ни на шум открывающейся двери. Стас чуть помедлил, самую малость, а потом широкими шагами пересек кабинет, подошел почти вплотную, крепко обнял за плечи. Липа повернулась, но вырываться не стала. Он заметил, что глаза у нее грустные, почти больные.

Она чуть слышно простонала что-то и уткнулась лбом Стасу в плечо. Лоб был горячий, хотя Крушельницкий и не мог сказать, как определил это через толстую дубленую куртку.

– Что-то случилось? – спросил он встревоженно. – Ты чего такая?

– Случилось уже давно, – тихо ответила она. Подняла голову, уставилась ему в лицо своими невообразимыми глазищами. – А сегодня меня в полицию вызывают.

– Зачем? – не понял Стас. – Они и так тут у нас, по-моему, прописались.

– А теперь правила игры поменялись. Теперь они не хотят беседовать со мной здесь, а вызывают к себе.

– Но почему? Что изменилось?

– Откуда я знаю? Я же еще там не была. – Липа пожала плечами и этим же движением высвободилась из объятий Стаса. Он тут же испытал острое разочарование, потому что обнимать ее ему нравилось. – Я звонила в областную больницу, узнать, как там Егор. Так вот он полностью пришел в себя и, думаю, начал давать показания.

– И что? Ты-то тут при чем?

– Он видел меня рядом со своей машиной в тот вечер, когда ему перерезали тормоза. Мы столкнулись неподалеку от парковки. Он шел в соседнее отделение, а я возвращалась к себе. Я думаю, в тот момент он не придавал этой встрече никакого значения, но у полицейских своя логика. И, боюсь, им мое нахождение неподалеку от фактического места преступления могло показаться подозрительным.

– А что ты там делала? – Стас внезапно начал волноваться, хотя ничего особо волнительного вроде как не происходило. – Подышать выходила?

– Скажешь тоже, – она тихонько засмеялась, хотя Стас не видел в своем вопросе ничего смешного.

– Липа, – он легонько встряхнул ее за плечи, чтобы заглушить этот смех, который вдруг показался ему слегка ненормальным. – Что ты делала на парковке и почему сразу не рассказала об этом полиции? Теперь они действительно могут решить, будто ты имеешь моду отлучаться с работы.

– Но я действительно отлучалась, Стас. – Теперь Олимпиада уже не смеялась, а была совершенно спокойна, и в этом спокойствии тоже чудилось нечто жуткое. – И в тот вечер, и очень часто по ночам. А полиции я об этом ничего не сказала, потому что мою машину целых два раза видели по дороге к месту преступления, и, если бы выяснилось, что я во время дежурств покидаю больницу, значит, алиби у меня нет. Ни на один из этих случаев. Понимаешь?

– Черт знает что. – Стас начал широкими шагами мерить небольшой кабинет, не в силах совладать с собственным волнением. – И где ты, позволь тебя спросить, была?

– Маму проведывала. Ты же знаешь, как я за нее волнуюсь. Иногда по ночам, когда я на дежурстве, на меня накатывает страшная тревога, почти паника. Я не могу ей позвонить, чтобы узнать, все ли в порядке, потому что она уже спит, и будить ее я не хочу. Она разволнуется, взбудоражится и потом уже не уснет до утра. Но и оставаться один на один со своей тревогой я не могу. Она жрет меня изнутри, я просто физически начинаю ощущать, как схожу с ума. Поэтому в таких случаях я вызываю такси к больничным воротам и быстренько еду домой. Туда-обратно. По ночным улицам всех дел минут на двадцать.

– Но почему на такси, а не на своей машине?

– Не хочу посреди ночи заводить мой тарантас, выезжать из ворот, рисковать заглохнуть где-нибудь по дороге. Ты же знаешь, что моя машина все время ломается, и это гарантированно привлечет ко мне внимание. Именно поэтому я предпочитала вызывать такси. В те ночи, когда убили Игоря и того старого владельца художественной галереи, я вообще не подходила к стоянке. И знать не знала, что моей машиной кто-то пользовался. Но когда полицейские сказали мне об этом, я испугалась – вдруг этот человек снова «одолжит» мою машину, чтобы совершить преступление. Иногда я в течение дня или ночи навещаю ее по несколько раз. И именно в этот момент Егор меня и встретил.

Она замолчала и перевела дух. Стас тоже молчал, осмысливая сказанное. Умеет Липа удивить и шокировать в самый неподходящий момент!

– Напрасно ты об этом молчала. Это очень плохо, – наконец, вынес свой вердикт он. – Однако преступлений ты не совершала, ни одного, мне это совершенно очевидно, и полицейские рано или поздно тоже в этом убедятся. Поэтому сегодня, когда ты пойдешь на эту беседу, признайся во всем и ничего не бойся. Это не трагедия, а рядовая неприятность. Переживем.

– Точно переживем? – жалобно спросила она. В эту минуту взрослая и умудренная опытом Липа, врач-психиатр с пятнадцатилетним стажем, отчего-то была похожа на маленькую девочку. – Наверное, если поднять данные служб такси, то можно выяснить, когда и куда я ездила. Это уж не очень часто бывало. Только когда мне становилось тревожно за маму.

– Лучше бы ты в эти моменты звонила мне, – мрачно сказал Стас. – А еще лучше просила меня у вас ночевать, когда ты уходишь на дежурство. А

таксисты – никакое не алиби. В конце концов, ты могла ездить домой для отвода глаз. Вдруг кто-то бы увидел, как ты ночью идешь к воротам. А так ты вполне могла доезжать до дома, заходить в подъезд на минуту, затем приезжать обратно, спокойно дожидаться, пока такси уедет, а потом садиться в свою машину и отправляться на черные дела. Так что таксисты тебе не помогут.

– А кто поможет? – Голос Липы звучал испуганно, как и положено маленькой девочке. – Стас, ну ты не думаешь, что всех этих людей убила я? И на Егора покушалась?

– Я не думаю, – рявкнул Стас. – Но то, что ты запутала все до невозможности, отчетливо вижу. Господи, Липа, ну, как можно быть такой неразумной! Зачем ты во все это вляпалась, скажи мне на милость?

– Не кричи на меня...

В ее голосе послышались слезы, и Крушельницкий сразу остыл. Еще не хватало, чтобы она плакала. Он снова прижал Липу к себе, крепко-крепко, чтобы у нее не получилось вырваться. Впрочем, она и не пыталась. Стояла спокойно, прижимаясь лбом к отвороту дубленки.

– Ты Лагранжу не звонила? – спросил он, чтобы сменить тему. – Вроде как он обещал над чем-то подумать. Глядишь, и надумал чего. Вдруг он сможет раскрыть это преступление силой своей аналитической мысли. А? Мы тут гадаем, переживаем, а он р-раз и догадается. Как думаешь?

– Мне тоже пришло в голову, что он что-то понял, – медленно сказала Липа. – Я собиралась к нему заехать сегодня после приема. Но не смогу. Мне ж в полицию надо.

– Значит, так, – решительно сказал Стас. – Ты езжай в полицию, а я отправлюсь к Францу Яковлевичу. Поговорим с ним с глазу на глаз. Глядишь, он мне расскажет что-то не предназначенное для твоих нежных ушей. Ты же у нас натура трепетная, и Лагранж про это прекрасно знает. А когда ты освободишься, то тоже приедешь к старику, ему всегда в радость лицезреть твою мордашку. Договорились?

– Договорились. – Липа вытерла рукой влажные глаза. – Как-то так получается, Стас, что ты лучше, чем кто-либо другой, можешь меня успокоить.

– Так я ж все-таки психиатр и, говорят, хороший, – буркнул он.

– Вот спасибо, – делано оскорбилась Липа. – Как ты элегантно дал мне понять, что я сумасшедшая.

– Дурочка ты, а не сумасшедшая, – сообщил Стас, наклонился и поцеловал ее в угол беззащитно приоткрытого рта.

Она пискнула от изумления, но он нажал сильнее, втянул ее губы,

пухлые, сочные, сладкие, как будто она недавно ела клубнику. Он мимолетно удивился этому обстоятельству, потом в голове мелькнуло слово «помада» и пропало куда-то под натиском невероятных ощущений, которые дарил ему ее рот, притягательный и отчего-то прохладный.

Прохлада сейчас казалась Стасу чем-то невероятно ценным. Ему чудилось, что он в огне, что горит, как будто сжираемый огненным вихрем, бушующим, как внутри, так и снаружи, плавится, как воск, стекает вниз и рано или поздно образует лужу у ног Олимпиады Бердниковой. И только прохлада ее рта и нежной кожи ее щеки не давала ему исчезнуть окончательно. Боясь, что она сейчас все-таки вырвется, и ждать спасения больше будет неоткуда, Стас вцепился в нее еще сильнее. Но она и не думала ускользнуть, наоборот, отвечала на его поцелуй, впервые в жизни отвечала, и от осознания этого факта ему становилось еще жарче.

Минуты через три они с трудом оторвались друг от друга.

– И что это было? – потрясенно спросила Липа, трогая кончиком пальца припухшие губы. – Как это было, Стас?

– Если хочешь, можешь меня убить, – мрачно ответил он, больше всего мечтая о том, чтобы повторить только что рассеявшееся безумие. – Извини, не сдержался, слишком давно я хотел тебя поцеловать.

– Нет, ты не извиняйся сейчас, – распорядилась Липа. – Я спрашиваю, как такое может быть, когда так хорошо? Стас, оказывается, ты великолепно целуешься.

– Я много чего делаю великолепно, – ну, надо же, ее комплимент смутил его, как мальчишку, – что тебя в этом удивляет?

– В тебе ничего, – медленно сказала она и вдруг прижала руки к пылающим алым цветам щекам. – Меня удивляют я сама. Оказывается, мне может понравиться целоваться.

– Липа, ты невозможна. – Стас застонал, словно у него разом заболели все зубы. – А почему тебе не может нравиться целоваться? Хотя меня, разумеется, очень радует тот факт, что именно мои поцелуи вызвали у тебя такую реакцию.

– Потому что я не целовалась почти пятнадцать лет, – серьезно сказала она. – И была уверена, что разучилась, и если я когда-нибудь кого-нибудь поцелую, меня сразу вытошнит. Много лет любой физический контакт не вызывал у меня ничего, кроме отвращения. Хотя Франц Яковлевич и утверждал, что это пройдет.

– Ну, вот и прошло. – Крушельницкому вдруг захотелось петь. Вот просто взять и во все горло заорать какую-то глупую, бессмысленную песню, навреде тех, что постоянно крутят по радио. – Зато теперь что-то

случилось со мной, мне так жарко, и я сейчас, кажется, умру.

– А нечего стоять в помещении в дубленке, – насмешливо сказала Липа и начала расстегивать на нем пуговицы и куда-то тащить намотанный вокруг шеи шарф.

Как-то так получилось, что они снова начали целоваться и целовались довольно долго, пока Крушельницкий не начал переминаясь с ноги на ногу, потому что стоять ему стало неудобно, так неудобно, что очень захотелось лечь, все равно куда, пусть даже и на пол. Он представил возможный ужас Олимпиады Бердниковой, вздумай он уложить ее на полу, и рассмеялся кашляющим смехом, от того что его пол как раз сейчас бы очень даже устроил.

– Мне в полицию надо, – с некоторой печалью в голосе шепнул объект его грез. Печаль, как надеялся Стас, относилась не к полиции, а к нежеланию расставаться с ним, и этот факт он отметил с внутренним ликованием. – Отпусти меня, а то я опоздаю, и меня арестуют, наденут наручники и посадят в кутузку.

Мысль о наручниках отчего-то показалась сейчас Крушельницкому неприличной, причем настолько, что его снова кинуло в жар.

– Иди, – нехотя сказал он и даже сделал шаг назад, чтобы больше к ней не прикасаться, не вводить себя в искушение. – И помни, я буду ждать тебя у старика.

– Про меня не сплетничайте. – Липа погрозила ему пальцем, и они оба расхохотались, потому что понимали, что Стас не удержится, обязательно обсудит со старым профессором историю ее странного исцеления.

В городское управление внутренних дел Олимпиада приехала в превосходном настроении. Тревога, не отпуская ее со звонка капитана Зубова, сейчас развеялась совсем. Она не знала, как будет доказывать свою невиновность, но отчего-то совсем не волновалась. Недавние поцелуи, вот что занимало сейчас все ее мысли. Вспоминая губы Стаса, теплые, ласковые и требовательные одновременно, а также свою реакцию на их прикосновение, она дождалась, пока Зубов спустится за ней к металлической вертушке на входе в здание УВД, разделяющей мир на две части. Зубов с некоторой досадой отметил, что вертушку она, кажется, даже не заметила.

В его кабинете, в котором стояли еще два стола, сейчас пустых, Липа разделась, пристроила свою шубку на вешалку, уселась на стул, вежливо, как школьница, сложила руки на коленях и приготовилась отвечать на вопросы. Впрочем, так и не начавшуюся беседу внезапно прервал телефонный звонок.

– Извините. – Липа полезла в сумку, выудила телефон, нажала кнопку ответа. – Это Станислав Крушельницкий. Можно я отвечу? Он знает, что я у вас, и не стал бы звонить без серьезной причины.

Зубов согласно кивнул, дивясь тому, что уровень тревожности у доктора Бердниковой, похоже, зашкаливал.

– Да, Стас, что случилось? – выпалила она и замолчала, слушая ответ.

Глаза ее становились все больше, медленно наполнялись слезами, пока еще не пролитыми, но уже готовыми к тому, чтобы выкатиться на стремительно теряющие краску щеки. Дослушав, она не стала отвечать, просто нажала на кнопку отбоя и осталась сидеть, потерянно глядя на столешницу зубовского стола.

– Что-то случилось, Олимпиада Сергеевна? – аккуратно поинтересовался тот. – Что-то с вашей мамой?

Слово «мама» вывело Олимпиаду из оцепенения. Она встрепенулась, посмотрела на капитана осмысленным взглядом, покачала головой:

– Нет, с мамой все в порядке. Это Франц Яковлевич... Стас поехал к нему, чтобы поговорить. Мы договорились там встретиться после того, как я освобожусь. Так вот Стас приехал, и оказалось... – она замолчала, словно собираясь с силами, – у Франца Яковлевича ночью случился инфаркт. Он смог позвать на помощь, соседка вызвала «Скорую» и его увезли в больницу. Сейчас он в реанимации.

Зубов помолчал, осмысливая сказанное ею. В тот единственный раз, когда он видел профессора Лагранжа, о котором, впрочем, так много слышал, старик ему понравился. Кажется, он еще понял что-то важное, объясняющее поведение Евы, понял и обещал подумать, а потом рассказать. И вот не успел.

Олимпиада все-таки не сдержалась и заплакала. Зубов крякнул, встал из-за стола, подошел к сейфу в углу, налил воды из стоящего на нем графина. Липа с благодарностью приняла стакан, сделала глоток, зубы клацнули об стекло. Она обхватила стакан двумя руками и начала сосредоточенно пить маленькими глотками, смотря куда-то мимо Зубова, а точнее, в стену за его плечом.

Он повернулся, чтобы уточнить, куда именно она смотрит. На стене висела пришпиленная канцелярским дротиком цветная фотография, сделанная с картины, когда-то обнаруженной в ходе обыска в квартире гражданина Шубейкина, убившего и расчленившего тело своей подруги Екатерины Стрижовой, ныне отбывающего наказание в колонии строгого режима.

Острый утес, скорее даже обрыв, на самом краю которого на одной

ножке стоял стул. На стуле сидел человек и самозабвенно играл на скрипке... Что-то в этой картине цепляло капитана Зубова, поэтому он и не убирал ее со стены. И сейчас, похоже, скрипач над обрывом зацепил и Олимпиаду Бердникову.

– Откуда у вас это? – спросила она и со стуком поставила стакан на стол. Выплеснулась вода, тонкий ручеек пополз к краю стола, грозя обрушиться водопадом Олимпиаде на колени. Она этого даже не заметила.

– В ходе одного расследования нашел, – пожал плечами Зубов. – А вы почему интересуетесь?

– Потому что это картина Евы.

Глава 9

Невыспавшийся после бессонной ночи, а оттого особенно злой, капитан Зубов сидел в своем служебном кабинете и докладывал о результатах командировки, из которой только что вернулся, коллегам, руководству и следователю, ведущему дело об убийствах четы Бабурских и доктора Зябликова, а также покушения на убийство Егора Ермолаева.

Отбывающий срок в колонии Константин Шубейкин в предъявленной ему Зубовым для опознания фотографии гражданки Бердниковой Евангелины Сергеевны однозначно опознал свою подругу, которую он знал под именем Екатерины Стрижовой, за чье убийство и был осужден.

– Так что же это у нас получается. – Сергей Лавров вскочил со стула, начав широкими шагами мерить кабинет, что свидетельствовало о сильнейшей степени волнения. – Мы эту неуловимую Еву ищем, а ее еще летом убили? Значит, к нашим убийствам она никаким боком. И все наши подозрения в ее адрес совершенно беспочвенны. А раз так, то и подозреваемого у нас опять нет. На колу мочало, начинай сначала.

– погоди, Серег, – досадливо поморщился Зубов. У него болела голова, как всегда бывало от недосыпа, глаза слезились, сосало под ложечкой и даже подташнивало немного. – Дело не в том, есть у нас подозреваемый или нет. Вернее, не только в этом. Я разобраться хочу. Давайте сначала. Будем танцевать от того, что нам Шубейкин рассказал, и вписывать его показания в остальную канву. Итак, с девушкой, представившейся ему Екатериной Стрижовой, он познакомился в начале весны прошлого года, когда отправился вахтовым методом на Север. Екатерина, вернее, как мы сейчас знаем, Ева Бердникова, работала там в библиотеке. Получается, она действительно уехала из нашего города в конце прошлой зимы, как и говорила Ермолаеву. И, по словам студента, она чего-то или кого-то боялась. Вот и уехала, да еще постаралась забраться как можно дальше.

– Да еще так сильно боялась, что поменяла имя. Раздобыла себе где-то

новые документы совершенно на другую фамилию. Знала, что ее будут искать, и хотела запутать следы?

– Похоже на то, – задумчиво согласился следователь.

– Итак, она знакомится с Шубейкиным, между ними вспыхивают чувства. Скорее всего Ева очень скучала по дому, и землячество как-то согревало ей сердце. Потом у Шубейкина заканчивается его вахта, он возвращается домой и в начале июня неожиданно получает от своей возлюбленной сообщение, что она ненадолго приезжает в наш город и собирается остановиться у него.

– Так... – Лавров снова прошелся по кабинету. – Ева приезжает домой, но предпочитает остановиться не у себя, а у Шубейкина. Не хочет, чтобы о ее возвращении становилось известно?

– Похоже на то. – Следователь сегодня был немногословен.

– Она говорит Шубейкину, что ей нужно сходить на какую-то встречу, вечером возвращается, но он спит, потому что выпил для храбрости перед тем, как сделать ей предложение, когда он просыпается, то обнаруживает в ванной комнате убитую возлюбленную с отпиленной головой. Он не помнит, как совершил убийство, но от страха цементирует тело Евы в подвале под своей лоджией и зачем-то вывозит за город ее голову. Причем этого факта он тоже совершенно не помнит и объяснить не может. Так, Леха?

– Так, – согласился Зубов. – При этом из показаний Олимпиады Бердниковой мы знаем, что именно в июне ее сестра появляется в их квартире, где пытается добиться от Марии Ивановны сильнодействующих лекарственных препаратов, чем доводит пожилую женщину до инсульта. Получается, это и была та самая встреча, ради которой она приезжала?

Следователь пошелестел бумажками в уголовном деле.

– Мария Бердникова была госпитализирована в областную больницу с обширным кровоизлиянием в мозг 14 июня, – сообщил он. – В какой день Шубейкин убил Стрижову, то есть не Стрижову, ладно, неважно.

– 14 июня, – подтвердил Зубов. – Черт, как все сходится.

– Поеду-ка я с этой самой Марией Ивановной переговорю, – сказал следователь, вставая. – Похоже, подробности этого визита теперь приобретают первостепенное значение. А вы метнитесь пока к Еве на квартиру. Если она восемь месяцев как в могиле, то недавно чайник кипятить точно не могла. Надо понять, кто там еще мог быть. Еще раз соседей опросите, сделайте, чего хотите, но информацию раздобудьте, понятно? Чего-то тут нечисто, печенкой чувствую.

Он вышел из кабинета, и Зубов задумчиво проводил его глазами.

– Вот что мне покоя не дает, – сказал он, – причем давно. С того самого момента, как я про дурацкий разговор в галерее узнал. Тот самый, где все разговаривали о том, как хотят умереть. Я все пытался вспомнить, где я что-то похожее слышал.

– И где? – Лавров требовательно уставился Алексею в лицо. – Да не тyani ты. Как кишки на барабан наматываешь.

– Да от Шубейкина и слышал, – с досадой ответил тот. – Он никак не мог объяснить, зачем отрубил своей любовнице голову. И предположил, что сделал это в бессознательном состоянии. Она же не раз повторяла, что бедовая, и не сносить ей головы. Понимаешь?

– Не очень.

– Серега, а если Ева Бердникова стала самой первой жертвой того самого маньяка, который затем убил всех остальных? Фраза про «не сносить головы» была ее любимой. Она вполне могла ее произнести в галерее. Ее и убили, лишив головы. Понимаешь? Что, если в квартире с Шубейкиным они были не одни. Если был еще кто-то третий, и именно этот человек подлил Константину в водку лекарство, заставив отключиться. Затем убил Еву и исчез. А Шубейкин, очнувшись, решил, что это он во всем виноват. И стал прятать тело. Он же реально ничего не помнит из того вечера. Совсем. Я, правда, у него вчера специально уточнил, не было ли в квартире кого-то еще, и он категорически утверждает, что нет. Только он и Ева. Но вдруг он это просто забыл, а?

За разговорами они не спеша доехали до дома Евы, припарковались во дворе, вылезли из машины на грязный, затоптанный снег и вдруг синхронно замерли, потому что в нужной им квартире горел свет.

– Фантастика какая-то, – хрипло сказал Зубов. – Сейчас поймаю эту скотину, зубы выбью, ей-богу.

– Да погоди ты, – досадливо поморщился Лавров. – Понять бы еще, кто это.

Сыщики пульей взлетели на нужный этаж, тихо, но ловко открыли хлипкий замок. В квартире играла музыка, в ванной шумела вода. Сделав знак Зубову, чтобы оставался у двери в ванную, Лавров быстро и профессионально осмотрел остальную квартиру. В кухне и комнате было пусто, лишь работал телевизор, включенный на модном музыкальном канале, да горел свет. Лавров вернулся в прихожую, отрицательно покачал головой, мол, никого. Зубов не ответил, как зачарованный глядя на ярко-зеленый, кислотного оттенка пуховик, висящий на вешалке.

– Ты чего? – одними губами спросил его Лавров.

Зубов мотнул головой, давая понять, что объяснит потом. Перед

глазами у него стояла смутно знакомая женская фигура, одетая в точно такой же пуховик и заходящая в подъезд, где жила Анна, а теперь и он, капитан Зубов. Да, совершенно точно, он видел этот пуховик всего несколько дней назад.

В ванной выключили воду, и после непродолжительного шуршания щелкнул замок, дверь открылась и прямо к сыщикам вышла закутанная в махровый халат Светлана Калинина, домработница семьи Бабурских. В немом изумлении все трое уставились друг на друга.

Первым пришел в себя Лавров.

– Светлана Евгеньевна, а вы что здесь делаете? – спросил он.

Женщина несколько раз моргнула, будто прогоняя морок.

– Так живу я здесь, – тихо сказала она, впрочем, без особого испуга в голосе. – Мне же с дачи Бабурских съехать пришлось после смерти Ольги Аполлинарьевны, а на работу к соседям меня не взяли. Еще бы, кому нужна домработница, у которой при странных обстоятельствах обоих хозяев убили. А своего жилья у меня нет, вот я временно сюда и въехала.

– Понятно почти все, кроме одного. Именно здесь вы как оказались? Откуда у вас ключи и почему вы вообще считаете себя вправе тут жить? – уточнил Зубов.

– Так мне Ева разрешила, – сказала женщина и лихорадочно пояснила: – Вы не думайте, что я без спросу. Она мне и ключи дала, и разрешила мне тут ночевать, когда в город на выходной приезжаю. Я, конечно, не злоупотребляла, бывала нечасто. Но сейчас, пока работу не найду, я квартиру не могу снять. А здесь я никому не мешаю. Я и у Ани спрашивала, можно ли. Она только плечами пожала, сказала, конечно, раз Ева мне разрешила.

– А когда это было? И при каких обстоятельствах? И как вообще вышло, что вы были знакомы с Евой?

– Господи, да я их всех сто лет знаю! Я сначала только у Бабурских работала. А потом как-то Аня приехала и попросила меня ее квартиру прибирать раз в неделю. Я согласилась, с разрешения Ольги Аполлинарьевны, естественно. Копеечка-то не лишняя. Ну и как-то убиралась, а в квартиру Ева пришла. Тогда-то я не знала, кто это. Удивилась только, что у кого-то от Аниной квартиры ключи есть. А она и сказала, что Ева, Анина сестра-двойняшка. Потом я ее еще несколько раз встречала. Нечасто, но появлялась она в квартире, когда я там прибиралась. И дала ключи, сказала, что я могу ночевать, когда мне надо.

– Когда это было?

– Летом, кажется. Я же говорю, тогда мне не надо было, я и не

пользовалась. А сейчас нужда заставила.

Мало что понимающие сыщики вернулись в управление.

– Слушай, а тебе не кажется, что эта самая Светлана – идеальный кандидат в подозреваемые? – мрачно спросил Зубов у Лаврова.

– Кажется, – так же мрачно подтвердил тот. – В ночь убийства Михаил Бабурский был с ней наедине. Только с ее слов мы знаем, что он лег в постель, а она уединилась в своей комнате. В конце концов, все могло быть совсем не так. И именно Светлана – тот человек, который под каким-то предлогом привез его в художественную галерею и там убил. Потом в ночь смерти Бабурской опять же в доме, кроме Калининой, никого не было, и о том, что она «хряпнула медку», а потом уснула так, что ничего не слышала, мы тоже знаем только от нее.

– И у Анны она прибирается. Я сам видел, как она в подъезд входила, только значения этому не придавал. И с Евой знакома. И ключи от ее квартиры у нее есть. Может, она Еву и убила, чтобы квартирой завладеть.

– А остальных тогда зачем? От излишней кровожадности? И ее же на той вечеринке, когда о смерти говорили, не было. И у нее же в роду не было психически больных.

– Ну, этого мы, положим, не знаем, – заметил Зубов. – Мы вообще очень мало знаем об этой самой Светлане Евгеньевне, и этот пробел нужно восполнить незамедлительно. А что касается вечеринки, ей могла Ольга Бабурская рассказать или старик Бабурский. Или, к примеру, Аня. Ты знаешь, меня очень волнует, что Калинина – единственный человек, у которого есть ключи от новых замков в Анину квартиру. Я, когда их поменял, успокоился, потому что Еве туда дороги не стало. Но, как оказалось, Ева никакой угрозы и не представляла. Вот я дурак, Аня мне с самого начала это твердила, мол, никогда в жизни Ева не причинит ей вреда, а я не слышал. Столько времени потеряли. И снова вернулись в исходную точку.

– Что ж, тогда давай опять начинать танцевать от этой исходной точки, – покладисто согласился Лавров. – Тем более главная подозреваемая оказалась жертвой, причем самой первой. И опасность она предчувствовала, иначе бы не сбежала.

– Тогда почему вернулась?

– Захотела проверить, не улеглась ли буря, – предположил Лавров. – Как ты считаешь, кого она могла бояться так сильно, чтобы уехать, если она практически ни с кем не общалась?

– Она общалась со своими сестрами, родной и сводной. Кроме того, незадолго до исчезновения приходила в галерею, где на тот момент было

довольно много народу. С Егором она общалась, со Светланой Калининой, со старушкой-соседкой. А, да, еще со своим бывшим мужем. Этим, как его, Борисом Савельевым, по которому Олимпиада до сих пор неровно дышит.

– Ну, не зна-а-аю, – с сомнением в голосе сказал Лавров, – как по мне, так у нее сейчас роман со Стасом Крушельницким. Просто старые обиды дамочка до конца отпустить не может, но никакой любви к этому Борису у нее уже нет давно.

– Этих женщин не разберешь, – с досадой сказал Зубов. – Есть любовь, нет любви, от чего это зависит? Никогда этого не понимал. Впрочем, это сейчас неважно. Как ни крути, а подозреваемых у нас пока двое. Домработница эта подозрительная и доктор Олимпиада Бердникова. Шастающая по ночам, несмотря на дежурства, имеющая стойкую неприязнь к сводным сестрам и твердо убежденная, что, по крайней мере, одна из них испортила ей жизнь.

– Только одна?

– Вторая, к счастью, жива, – тихо ответил Зубов. – И я молю бога, чтобы так было и впредь.

* * *

Анна рисовала. Настроение у нее было прекрасным, и гранаты на картине словно наполнялись ее внутренним светом. На картине они лежали на белом подоконнике с шевелящейся от летнего ветра белоснежной занавеской и казались сочными, радостными, сладкими-сладкими, наполненными немного терпким, прекрасно утоляющим жажду соком, который среди зимы дарил надежду на жаркое лето и урожайную осень. Пусть и не в средней полосе России.

Может быть, именно от того, что в их широтах не росли никакие гранаты, а только картошка, лук и капуста, да и то не каждый год, картины Анны пользовались большим спросом. В них было что-то магическое, напоминающее о дальних странствиях, о местах, где растут экзотические плоды, напоенные солнцем и шальной песней теплого ветра. Путешествовать Анна обожала.

Она отступила на шаг и критически осмотрела почти законченную работу – картину, заказанную для просторной светлой кухни в большом загородном доме. Впрочем, увиденным она осталась довольна. Эта работа претендовала на то, чтобы стать одной из самых лучших. Летящая занавеска, приоткрытая створка окна, треснувший от спелости гранат с выглядывавшими наружу красными зернышками, казалось, подглядывающими за происходящим. Лето, солнце, счастье, любовь – вот

чем дышала эта картина.

Анна вытерла кисти тряпкой, смоченной в скипидаре, и начала заворачивать тюбики с краской. Скоро придет Алеша, можно будет поужинать, не спеша, под мягко падающим светом бра над кухонным столом, обсудить ничего не значащие глупости, чтобы потом, в постели, прижаться друг к другу и помолчать о том, что действительно важно. С Алешей можно было молчать, и, пожалуй, это качество Анна ценила в нем больше всех остальных.

Она ни на минуту не поверила в сообщение Алексея, что Евы больше нет. Это не могло быть правдой. Свою сестру-близняшку Анна всегда чувствовала где-то внутри себя, воспринимала сердцем, поэтому была уверена: Ева в целости и сохранности, а не появляется, просто поскольку, видимо, считает, что так лучше, правильнее. Анна же с таким подходом не спорила.

Какая разница, как часто видятся близкие люди, если связь между ними настолько сильна, что они чувствуют друг друга на расстоянии. Сколько таких историй, когда у близняшек одновременно случался аппендицит. Или когда одна падала, а у второй появлялись синяки. Анна Бердникова могла рассказать про подобное единение душ много, очень много, только ее никто не спрашивал. Она попробовала объяснить это Алеше, но он не понял и посмотрел на нее жалостливо, как на больного ребенка. Спорить не стал, видимо, чтобы не причинять ей боль, но сам в то, что Ева жива, так и не поверил. Дурачок.

К Алеше Анна привязалась. Пожалуй, впервые в ее жизни был мужчина, который продержался рядом так долго. Она вообще впервые за долгое время была в ладу с самой собой. Все было правильно. Так, как и должно быть в гармоничном мире. Возникшей вокруг себя гармонией Анна дорожила, поскольку знала, насколько та на самом деле хрупка.

Она взъерошила свои короткие волосы, благодаря которым казалась похожей на мальчика – томного и невыразимо прекрасного, как юные натурщики на картинах художников эпохи Возрождения. Прошла в ванную, тщательно отмыла руки от въевшейся в них краски, сменила футболку, в которой всегда рисовала, на домашнюю блузку, вольно спадающую с одного плеча, округлого, очень женственного, совсем не мальчишечьего плеча, при одном взгляде на которое Алеша терял голову. Анне нравилось, как он на нее реагирует.

Сама она опять находилась в том странном периоде, когда ее организм становился совершенно не восприимчив к плотским желаниям. В постели она делала все, что нравилось Алеше, а сама в нужных местах стонала, в

нужных вскрикивала, изображая страсть, хотя не чувствовала почти ничего. Она уже привыкла к тому, что ее сексуальный аппетит все время менялся, то падая до нуля, как сейчас, то разгораясь до невозможности, когда никакие ласки не гасили до конца разгоревшееся внутри пламя. Так уж она была устроена, вот только Алеше знать про это было необязательно. Мужчины боятся того, чего не понимают.

Она нанесла на шею несколько капель духов, которые тоже действовали на капитана Зубова убийственно. От этих духов, сделанных в Париже, на маленькой парфюмерной фабрике специально для нее, у него сносило крышу. Он терял свою хваленую полицейскую выдержку, сжимал Анну в объятиях, оставляя синяки от пальцев на белой коже, припадал лицом к ложбинке между грудями и не останавливался до тех пор, пока не скидывал охватившее его возбуждение. Когда Анна была на сексуальном пике, ее невероятно возбуждало его неистовое желание, и ему нужно было взять ее не менее трех раз подряд, чтобы она хоть немного насытилась. Сейчас ей было все равно, но почему бы и не подыграть любимому мужчине, чтобы он смог почувствовать себя кем-то вроде рыцаря в тигровой шкуре.

На кухне мягко звякнул электрогриль, сообщая, что готово мясо – два мраморных стейка, которые Анна по дороге с работы купила в супермаркете к ужину. К ним прилагались запеченные в том же электрогриле овощи – баклажан, кабачок, сочные помидоры, которые оставалось только сбрызнуть соком лимона. Анна поставила на стол пузатые стеклянные бокалы, открыла бутылку красного сухого вина. Теперь к задуманному ею ужину все было готово.

В коридоре щелкнул дверной замок, пришел Алеша. Анна выскочила в прихожую, подпрыгнула, повисла у него на шее. Он был твердый, холодный и вкусно пах морозом. Анна потерлась щекой о задубевший отворот куртки, погладила пальцами щеку, тоже прохладную.

– Я соскучилась, – сообщила она.

Зубов, не снимая одежды, поцеловал ее в нежные губы, втянул носом тонкий, едва уловимый аромат духов, глухо зарычал, понимая, что не может держать себя в руках. Анна тихо рассмеялась, довольная тем, что придуманный ею сценарий воплощается в жизнь. Все-таки за эти месяцы она успела неплохо его изучить.

– Я грязный, уставший, злой и голодный, – предупредил объект ее исследований.

– Сначала кормить или сначала ласкать? Какой голод ты предпочитаешь утолить первым? – невинно осведомилась она, дернула

плечом, заставляя широкий ворот блузки сползти, открывая ровную аппетитную округлость. Зубов послушно тяжело задышал, как пес, пробежавший кросс. И она снова засмеялась от того, что у нее получалось так ловко им управлять.

Ее пальцы проворно забрались под куртку, дернули молнию, расстегнули нужные пуговицы, забрались под мешающую ткань, погладили, пощекотали, подбодрили. Спустя пару секунд, не больше, Анна уже сидела на тумбочке, стоящей перед висевшим в прихожей зеркалом, обхватив ногами крепкий Алешин торс. Он ритмично двигался в ней, по-прежнему уткнувшись носом в основание шеи, куда она нанесла свои волшебные духи. Куртку он так и не снял.

Физически Анна сейчас была не в состоянии ничего чувствовать, но удовлетворение моральное, яркое, всеобъемлющее охватило ее сейчас всю целиком, без остатка. Ей нравилось быть для него главной, более важной, чем еда и удобная постель. Все закончилось довольно быстро, и она знала, что сейчас ее Алеша будет чувствовать себя виноватым, и это знание ей тоже нравилось, потому что давало дополнительную власть.

– Раздевайся и мой руки. – Она соскользнула на пол, оправила юбку и блузку, вернула на место упавшую с ноги тапочку. – Теперь тебя ждет стейк медиум прожарки. Как ты любишь.

– А ты? – неловко промямлил он, снимая, наконец, куртку и нагибаясь, чтобы стащить ботинки. – Я себя чувствую скотиной, животным.

– А что я? Я тоже буду стейк, – лукаво сощурилась Анна. – И овощи на гриле. И красное вино. А потом, после ужина, мы с тобой пойдем в постель, и там ты сможешь доделать все то, что, с твоей точки зрения, не доделал.

Позже, когда запланированный ею ужин прошел именно так, как ей хотелось, был еще один акт любви, теперь уже долгий, чуть ленивый, невыразимо томный и элегантный, соответствующий нынешнему Ааниному темпераменту, а потому доставивший ей удовольствие.

После секса они лежали в постели, обнявшись, под одним одеялом. Анна уютно устроилась на зубовском плече и перебирала его пальцы, ей нравилось играть с его руками, большими, крепкими, надежными. Он лежал, уткнувшись носом ей в коротко стриженную макушку, иногда легонько касаясь ее губами.

– Я так счастлив с тобой, – вдруг сказал он, прервав то самое ненапряженное молчание, которое она так любила между ними. – Я даже не думал никогда, что рядом с женщиной можно чувствовать такое невообразимое счастье. Ань, как же хорошо, что я тебя встретил! Мне

немного не по себе от мысли, если бы не этот ненормальный убийца, то я мог бы жить дальше, не зная, что ты ходишь по соседней улице.

– Алешенька, – Анна перевернулась так, чтобы видеть его лицо, – а ты уже знаешь, кто это? Мне тревожно от мысли, что это может быть Ева. Я страшусь ее. Этой мысли. Но это очень тяжело подозревать всех вокруг, понимаешь? Я ловлю себя на том, что с подозрением смотрю на Лену Кондратьеву. Я стала бояться оставаться с ней наедине в кабинете. Иногда мне кажется подозрительной Клавдия Васильевна... И еще очень жалко Ольгу Аполлинарьевну. Она же мне была...

Анна замолчала, и, как понял лежавший с закрытыми от переизбытка чувств глазами Зубов, заплакала. Он открыл глаза и убедился, что прав.

– Она тебе как мать? Кстати, а почему она, а не Мария Ивановна, которая вас вырастила? А, Ань?

– Нет, наверное, не как мать, – немного подумав, сказала Анна. – Скорее как любящая тетушка. Мать – это что-то другое. Только я уже не помню, какое именно. А Мария Ивановна... Знаешь, Алешенька, есть люди, целиком и полностью состоящие из чувства долга. В них его так много, что места на любовь совсем не остается. Конечно, я Марии Ивановне очень благодарна. Она нас с Евой вырастила. Еду готовила, школьную форму гладила, банты завязывала, пока я волосы не обстригла. Уроки проверяла, в школу на родительские собрания ходила, но она нас не любила, нет. Ты не думай, я ее ни в чем не обвиняю. Она работала с утра до вечера, семью на себе тянула, потому что отец все время в рейсах был, а потом вообще умер. Ей не до ласки было. Она и Липу-то особенно не баловала, не только нас.

– Но ты страдала от недолюбленности? Бедная ты моя. – Зубов начал покрывать мокрые щеки Анны мелкими поцелуями, словно желая осушить ее слезы.

– Почему я? И Ева страдала. И папа. Он так и не смог забыть маму, потому что ее он по-настоящему любил, а с Марией Ивановной просто жил. Из-за нас. Это была не семья, а иллюзия семьи. А все иллюзии плохо кончаются. Всегда.

– И именно поэтому Ева была так жестока с Марией Ивановной? Когда пыталась добыть у нее лекарства? Не могла простить нехватку ласки в детстве и довела до инсульта?

– А ты уверен, что это была Ева?

– Да, уверен. – Зубов немного помолчал, потому что ему было неудобно говорить Анне гадости об ее непутевой, но умершей сестре. Точнее, не умершей, а убитой, хоть Анна и отказывается внутри себя

признать этот факт. – Понимаешь, следователь поговорил с Марией Ивановной. В тот день к ней действительно приходила Ева. Она требовала лекарство, тиопентал натрия, это такой препарат, который используется при наркозе.

– А откуда он у Марии Ивановны? Она же на пенсии давно, – удивилась Анна и даже плакать перестала от удивления.

– Да в том-то и дело, что ниоткуда. В общем, она кричала на пожилую женщину, пыталась ее даже ударить. Ваша приемная мать разнервничалась, давление подскочило. Ей стало так плохо, что задвоилось в глазах, а потом она потеряла сознание и очнулась уже в больнице.

– Ева часто делает странные вещи, – тихо сказала Анна. – Это трудно отрицать. Когда я ее увижу в следующий раз, я обязательно спрошу, зачем она так поступила с Марией Ивановной. Та нам не мать, но она вырастила нас. И мы должны быть ей за это благодарны.

– Ева умерла, – мягко сказал Зубов. – Я знаю, ты не хочешь в это верить, но это действительно так. И все, что она сделала или сказала, теперь уже в прошлом, Аня.

– Ты не понимаешь. – Анна приподнялась на локте и уставилась Зубову в лицо своими невообразимыми глазищами, темными-темными, почти черными, как угольки. – Ева совершенно точно жива. Я не могу тебе этого доказать, но это так.

– Этого не может быть, – еще мягче сказал Зубов.

– Может, – перебила его Анна. – Просто убили кого-то другого.

* * *

Слова Анны не давали капитану Зубову покоя. С одной стороны, он точно знал, что Ева Бердникова мертва. С другой – Анна выглядела такой спокойной и была так убеждена в своей правоте, что Алексей невольно начинал сомневаться и в себе, и в своих выводах. Поставить точку в деле могла экспертиза, поэтому следователь, ведущий дело, уже обратился к руководству за разрешением на эксгумацию тела потерпевшей, проходившей по делу как Екатерина Стрижова.

Эксгумация и экспертиза были назначены на послезавтра, но Зубов не мог ждать. Кто-то, сидящий внутри его тела, дергал за тонкие ниточки, ведущие к душе, заставлял не спать ночами. Днем в круговерти повседневных дел становилось чуть легче, но не отпускало совсем. Что-то еще, кроме спокойной убежденности Анны, не давало Зубову покоя. И внезапно он понял, что именно. Картина.

Та самая картина со скрипачом, играющим на краю пропасти. Она

разительно отличалась от тех мрачных холстов, которые стояли в углу Аниной мастерской. В ней, конечно, тоже не было ничего радостного. От скрипача веяло одновременно безысходностью и внутренней силой. На картине был изображен человек, даже в самой трудной ситуации исповедовавший принцип «делай, что должен, и будь, что будет». Это была позиция самого Зубова, и именно этим картина привлекла его в самый первый момент, когда он ее увидел на стене в квартире раздавленного горем и чувством вины Шубейкина. Который, вполне возможно, еще и не виноват.

Скрипач на обрыве был из когорты несдающихся. А картины, стоящие в мастерской Евы, были написаны человеком, который давно сдался на милость живущему в его сумеречном сознании монстру. И они отличались от скрипача так же сильно, как от солнечных, ярких, брызжущих жизненными соками картин Анны. С точки зрения Алексея, их не мог написать один человек. Но капитан Зубов ничего, просто ничегошеньки не понимал в искусстве, а потому своему мнению не мог доверять полностью, пусть и было оно основано на сыщицком чутье, остром, как у охотничьей собаки, идущей по следу.

Немного подумав, Зубов поехал в психиатрическую больницу и нашел Станислава Крушельницкого.

– Могу помочь? – сухо спросил тот. Видно было, что сердится. И скорее всего из-за Олимпиады Бердниковой.

– Не знаю, – честно признался Зубов. – Крутится в голове что-то, чему я не могу дать определения. Что-то из того мира, в котором вы разбираетесь гораздо лучше меня. Станислав, помогите мне, пожалуйста, если сможете.

– Если смогу, то это моя работа, – сказал Крушельницкий все так же сухо, но по глазам видно было, немного оттаял. – Что там у вас?

– У меня картины. Точнее, их фотографии. Вот эта, – он протянул фотографию, которую снял со стены в своем кабинете, – сделана с картины, найденной в квартире гражданина, уверившего меня, что это работа его возлюбленной. С очень большой вероятностью возлюбленной была Ева Бердникова. А вот эти, – он достал мобильный телефон, потыкал пальцами в иконки, открыл изображение на экране, пролистал несколько фотографий, – я, каюсь, втайне от Анны Бердниковой, сделал с картин, хранящихся в ее мастерской. Она уверяет, что это работы ее сестры Евы. Мне важно ваше мнение, как врача, эти картины могут принадлежать кисти одного и того же художника?

Крушельницкий внимательно посмотрел фотографии. Помолчал, явно

подбирая слова, откинулся на спинку стула, потер крепкими пальцами переносицу, как будто внезапно устал.

– Видите ли, я, конечно, не искусствовед, в живописи разбираюсь слабо, но думаю, что вы пришли ко мне как к эксперту совсем в другой области. Конечно, любому профану понятно, что эти работы выполнены в совершенно разном стиле. Но дело, как я понимаю, не в этом. Вот эта картина, – он протянул руку и взял со стола картинку со скрипачом, – написана психически здоровым, уравновешенным, очень глубоким человеком, способным на философские размышления и имеющим уникальный взгляд на мир. Ее автор, несомненно, тонко чувствующий, очень творческий и безумно талантливый. Это я могу сказать совершенно точно, как и то, что это действительно работа Евы Бердниковой. Она выполнена в присущей ей манере письма.

– Откуда вы знаете? – вырвалось у капитана Зубова.

– Потому что я видел другие ее работы, – спокойно ответил Крушельницкий.

Открыв ящик письменного стола, за которым сидел, он достал тонкий пластиковый фотоальбом, совсем простенький и дешевый, раскрыл его на первой странице, толкнул так, что книжица проехала по столешнице и упала бы на пол, не подхвати ее Зубов вовремя. Но тот подхватил. В гляцевые окошечки были вставлены фотографии, сделанные с картин. Алексей машинально перелистал, остановился и начал сначала, внимательно разглядывая изображения.

Идущий по облакам путник в рубище, отчаянно пытающийся поймать сорванный ветром плащ. Большой высохший пень срубленного когда-то дерева, из которого вырастают и словно рвутся прочь три фигуры – худощавый мужчина с высоким чубом надо лбом и две маленькие девочки, очень похожие, но смотрящие в разные стороны, видимо аллюзия, отсылающая к Сергею Бердникову и двум его дочерям-двойняшкам. Четыре сестры милосердия, трое со спины и боком, а одна в центре, с милым, спокойным лицом Марии Ивановны. Поднимающаяся из травы обнаженная девушка, кутающаяся в мужскую белую рубашку, Олимпиада. Упавший с коня рыцарь в доспехах, седой, старый, видимо, собирающийся окончить свой земной путь здесь, у большого, покрытого мхом валуна, и глядящего склоненную к нему морду верного белого коня.

Все картины были наполнены глубоким смыслом и от того прекрасны. На них хотелось смотреть снова и снова, разглядывать детали, угадывать спрятанные загадки, любоваться переходом цвета, передающего малейшие оттенки настроения. Да, Крушельницкий был прав. Художник, написавший

эти картины, был действительно талантлив.

– Откуда это у вас? – спросил Зубов, пролистав до конца.

Крушельницкий пожал плечами.

– Взял у Марии Ивановны. Видите ли, как вы уже успели заметить, в этой семье не самые простые взаимоотношения между ее членами. Когда-то Ева увела у Олимпиады жениха. Липа тяжело это перенесла и на много лет вычеркнула свою сводную сестру из своей жизни. Но Мария Ивановна продолжала общаться с Евой. Она вырастила ее и относилась к ней, как к дочери, в том числе чувствовала свою ответственность за ее жизнь, а потому из поля своего внимания не отпускала. Конечно, она берегла чувства Липы и старалась следить, чтобы они никогда не пересекались между собой. И не рассказывала о Евиных успехах ничего. Но сама ею гордилась. По мнению Марии Ивановны, Ева была самобытной художницей. Она пыталась уговорить Анну устроить для сестры персональную выставку, но та, то ли из ревности, то ли еще по какой причине, отказала. Тогда Мария Ивановна включила свои связи. Да-да, у нее, много лет проработавшей участковым педиатром, были связи, ее бывшие пациенты и их родители. В общем, она добилась, чтобы выставку провели в областной картинной галерее. Несколько Евиных работ были куплены в частные коллекции. Одна даже уехала во Францию. У Евы, как у художницы, было большое будущее, если бы она вдруг не бросила писать.

– Бросила писать?

– Да. Это произошло незадолго до того, как она появилась у Липы с просьбой организовать ей обследование. У нее начались провалы в памяти и прочие проблемы со здоровьем. И она бросила занятия живописью, хотя Мария Ивановна и уверяла, что она не права.

– Стас, все это очень интересно, – сказал Зубов, который чувствовал себя как гончая, которая почти догнала зайца, – только давай вернемся к самому началу. Вот эти, другие картины, которые я тебе показал, могут быть написаны Евой? Когда я смотрю на них, то словно чувствую на своем лице дыхание смерти. В альбоме этого и близко нет. Тема смерти есть, а ужаса от ее неизбежности нет.

– Пожалуй, ты очень точно сформулировал, – задумчиво сказал Крушельницкий и снова пролистал на экране зубовского телефона фотографии, сделанные в мастерской. – Эти изображения – проекции больной психики, это совершенно точно. Человек, который их создал, психически болен. Это я тебе говорю как врач, проводящий судебно-психиатрические экспертизы на вменяемость. Но вот могла ли их написать Ева, я не знаю.

– Как? – поразился Зубов.

– А так. – Крушельницкий снова пожал плечами, а потом потер переносицу. – Черт, даже голова заболела. Понимаешь, если взять за исходную точку, что в какой-то момент Ева действительно погрузилась в психическое нездоровье, то можно легко допустить, что ее сознание изменилось и ментально она стала другим человеком. Она могла бросить ту живопись, которую все знали, сказать Марии Ивановне, что боится писать, но на самом деле начать рисовать совсем другие картины, выплескивая на полотно все то, что бушевало в ее больном воображении. И да, сама Мария Ивановна сказала, что Ева изменилась. В тот последний раз, когда они виделись, и который плохо закончился, Ева показалась ей какой-то не такой, как всегда. Она никогда не была покладистой, покорной и послушной. Она с детства доставляла Марии Ивановне немало хлопот. Ее таскали по психиатрам, но в ней никогда не было того надлома, который проявился в этот последний раз. Марии Ивановне стало плохо именно от того, что она поняла: Ева стала безумна.

Зубов снова задумчиво перелистал фотоальбом. Еще несколько кирпичиков встали на свои места, но общая картина яснее не становилась.

– Помог я тебе? – спросил его Крушельницкий.

– Не знаю. Возможно. Ты мне вот что скажи. А зачем ты забрал у Марии Ивановны этот альбом?

Крушельницкий тяжело вздохнул. Во взоре его промелькнула непонятная искра, невольное уважение, что ли. Видно было, что он отдает дань зубовскому профессионализму.

– Зришь в корень, – сказал он. – Вроде как мне этот альбом без надобности. Но, видишь ли. – Он замялся, не зная, как подобрать слова, чтобы не сказать лишнего, больше, чем надо. – В тот день, когда мы все вместе оказались в доме у Лагранжа, старик сказал, что ему стало что-то понятно про Еву. Помнишь, он пробормотал, что он был не прав, а Липа, наоборот, права, а потом попросил нас уйти, потому что ему нужно было подумать?

– Помню, и что с того?

– Он совершенно точно пришел к каким-то выводам, в которых может скрываться разгадка. К сожалению, у него пока не спросить. Франц Яковлевич по-прежнему в реанимации. Но мне его слова не дают покоя.

– Ты хочешь доказать, что Олимпиада тут ни при чем? Что она не имеет отношения к убийствам? – проницательно спросил Зубов. – А если ты ошибаешься, и старик понял что-то не про Еву, а как раз про нее? Ты же профессионал, ты же не захочешь промолчать и скрыть важные для

следствия факты, чтобы ее покрыть?

Крушельницкий молчал, по лицу его ходили желваки, лежащие на столе руки непроизвольно сжались в кулаки. Казалось, еще секунда, и он вскочит и ударит Зубова кулаком в лицо. Но секунды шли одна за другой, и ничего не происходило. Затем лицо врача разгладилось, и он поднял на Зубова совершенно безмятежные глаза. Теперь уже капитан отдал дань умению Крушельницкого владеть собой.

– Если я пойму, в чем тут дело, то обещаю, что все тебе расскажу, – сказал он. – Во-первых, я профессионал и умею отличать личное от общественного. А во-вторых, Липа тут совершенно точно ни при чем. Точнее, не так, она совершенно точно при чем, но она никого не убивала. И я это докажу.

– Ты так убежден в ее невинности, потому что ты ее любишь? – спросил Зубов, осознавая, что ведет себя неприлично. Впрочем, к черту корректность, когда речь идет о нескольких убийствах, совершенных полным психопатом.

– Я убежден в ее невинности именно потому, что я – профессионал, – улыбнулся Крушельницкий. И его улыбка не сулила потенциальному противнику ничего хорошего.

Глава 10

Когда много позже Зубов пытался понять, в какой именно момент события начали разворачиваться с головокружительной скоростью, и много месяцев буксовавшее расследование вдруг начало двигаться к развязке так быстро, что на виражах закладывало уши, в памяти всплывал именно тот телефонный звонок.

Он раздался в четверг в полдень. На этот день была назначена эксгумация тела Екатерины Стрижовой. Зубов и сам не знал, чего он хотел больше, чтобы убитая на самом деле оказалась Евой Бердниковой, с которой тогда можно было снять обвинения в серийных убийствах, или Ева была жива, как продолжала утверждать Анна.

Он как раз раздумывал над этой неопределенностью, со стороны сильно смахивавшей на непрофессионализм, когда раздался телефонный звонок. Алексей вынырнул из раздражавших его мыслей и взял трубку.

– Здравствуйте, – услышал он мелодичный женский голос. – Меня зовут Наталья, я – племянница Ольги Аполлинарьевны Бабурской. Я – ее наследница, вот, приехала из Москвы, чтобы разобрать вещи и прикинуть, что мне делать с домом и квартирой. Конечно, в права наследования я еще не вступила, но завещание оглашено, поэтому бывать в доме мне никто запретить не может.

– Так и я не запрещаю, – сказал Зубов. – Вы мне-то зачем звоните?

– Так мне Аня посоветовала. Анна Бердникова. Мы, естественно, общаемся, потому что запасные ключи от дома хранились у нее. В общем, она любезно согласилась приехать сюда и показать мне, что тут и как. Мы начали осматривать дом и нашли вещи. И после этого Аня сказала, что очень важно вам об этом сообщить.

– Какие вещи? – спросил Зубов устало. Он был немного простужен, поэтому мысли проходили как сквозь вату.

– Джинсы, куртку, кроссовки. Аня сказала, что это вещи ее сестры Евы. Но она не знает, как именно они оказались в доме Бабурских. И да, в пакете еще лежал парик. Хотя Аня сказала, что у Евы такого никогда не было. У нее свои волосы такие – светлые, длинные.

Вата в голове моментально исчезла. Сознание стало четким и острым.

– Вы хотите сказать, что в доме вашей тетки вы нашли одежду Евы Бердниковой и парик, имитирующий ее прическу? Где именно это все лежало?

– В подвале, – с готовностью ответила молодая женщина. – Там есть большая кладовка для хранения банок с заготовками. Соления, компоты, сухие грибы. Тут все на стеллажах расставлено, и на одном из них лежал пакет. Я его нашла и очень удивилась, потому что никакой другой одежды в кладовой не было. Подняла наверх, показала Ане, она велела позвонить вам.

– Понятно, – сказал Зубов. – Скажите, Наталья, Анна сейчас там, рядом с вами?

– Да. Точнее, я в кухне, а она в гостиной. Мне показалось, что она расстроилась при виде этих вещей.

– Попросите ее никуда не уезжать. Я сейчас приеду вместе с оперативной группой. Нам нужно провести изъятие найденных вами предметов, а также их официальное опознание.

Ситуация постепенно прояснялась. По запротоколированным показаниям Анны Бердниковой, изъятая одежда принадлежала ее сестре Еве. А проведенный генетический анализ эксгумированного тела окончательно подтвердил, что летом прошлого года Ева Бердникова была убита. Она не могла совершить убийства Михаила и Ольги Бабурских и Игоря Зябликова, не могла вывести из строя тормоза в машине Егора Ермолаева, не могла приходить в квартиру к Анне и оставлять там свои новые рисунки. Все это делал совсем другой человек, отчего-то переодевающийся Евой и спрятавший ее одежду в подвале дома Бабурских.

– Итак, кто наш основной подозреваемый? – спросил Зубов у Лаврова,

когда они, смертельно уставшие, снова очутились в своем служебном кабинете, существенно выстуженном от того, что, убегая на выезд, Алексей забыл закрыть форточку. – Под номером один предлагаю обозначить Светлану Калинину, домработницу Бабурских, которая знала всех потерпевших, имела доступ в квартиру Анны и Евы, а также вполне могла спрятать одежду в подвале дома. У нее и повод имелся достаточно веский. В завещании Ольги Бабурской ей отписана довольно значительная сумма. Когда оно вступит в силу и Калинина получит эти деньги, она сможет никогда больше не мыкаться по чужим квартирам и особо не напрягаться в поисках работы.

– Ну да, это веский довод для того, чтобы убить Ольгу Аполлинарьевну, вот только совершенно не объясняет, зачем ей было убивать всех остальных, – возразил Лавров.

– Не скажи, – покачал головой Зубов. – Для того чтобы наследовать деньги Бабурской, сначала нужно было избавиться от ее мужа. Поэтому убийство старика тоже вполне объяснимо. После смерти Евы она получила доступ к ее квартире, в которой могла жить до вступления в права наследства. Что касается Зябликова, то я еще раз опросил медсестричек в его отделении. Понимаешь, мне казалось странным, что взрослый мужик, пусть даже и страдающий серьезным заболеванием, но все-таки не немощный инвалид, может обходиться совсем без женщины. Его, конечно, все описывали как человека очень замкнутого, но тем не менее. В отделении у него ни с кем романа не было, это все подтвердили, но одна из медсестер все-таки вспомнила, что однажды встретила своего заведующим в супермаркете, и он был с женщиной.

– И? – подался вперед заинтригованный Лавров.

– Я показал ей фотографии. Правда, неофициально, каюсь, но уж очень мне интересно было, опознает ли она кого-либо. И она опознала.

Он выдержал театральную паузу.

– Ну, не томи, – простонал Лавров. – Интересно же, хотя за неофициальное опознание тебе следователь шею намылит.

– Она уверенно опознала Светлану Калинину. Так что с убитым Зябликовым она, получается, тоже была знакома.

– А Егор? Его-то за что убивать?

– Этого я не знаю. Но он, к примеру, тоже мог видеть Зябликова с его пассией, вот та и заметала следы. К примеру, медсестричку они не заметили, вот ей ничего и не угрожало, а с Егором могли столкнуться открыто, и Калинина поняла, что после смерти Зябликова он начнет представлять для нее опасность.

– Логично глаголешь, – задумчиво сказал Лавров. – Все эти детали мы, конечно, уточним. Но сейчас главное – не это. Чувствую, гражданку Калинину надо задержать, чтобы она поведала нам, чем же вызваны все эти удивительные совпадения, почему она прятала одежду Евы и зачем ей парик с длинными светлыми волосами.

– Она вполне могла спланировать преступление так, чтобы бросить тень на убитую ей Еву. А заодно выдать ее за сумасшедшую, хотя на самом деле преступления совершил совершенно здоровый, только очень жестокий человек. Ну что, я за санкцией?

– Давай, – согласился Лавров. – Беру ребят и ждем тебя в машине.

Впрочем, произвести задержание Калининой оперативная группа не смогла. Когда они приехали на квартиру Евы Бердниковой, где жила Светлана, они обнаружили, что домработница исчезла.

Повторный обыск в квартире ничего не дал. Было понятно, что Калинина уехала совсем, забрав все свои вещи, и где ее искать, было совершенно непонятно.

– Прощелкали, – сердито сказал Зубов. – Под самым носом же она у нас все это время была, а сейчас придется во всероссийский розыск объявлять.

– За оформлением наследства ей все равно пришлось бы вернуться, – задумчиво сказал Лавров.

Смутная мысль мучила его, не давая покоя. Что-то было не так, неправильно. Причем это что-то казалось связанным с квартирой, в которой они сейчас находились. Лавров обвел глазами небольшую комнату, прошел в кухню, зорко, как ястреб, осмотрел подоконник, стол, плиту, на которой стоял чайник.

«Стоп», – сказал он сам себе и заорал:

– Леха, иди сюда.

– Ты чего орешь? – спросил Зубов, появляясь в проеме двери. – Нашел чего?

– Мы что-то упустили, – ответил Лавров и поднял чайник за ручку. – Смотри.

– Чайник, – сказал Зубов, – и что?

– В тот день, когда мы приехали сюда с дачи Бабурских, мы обнаружили этот чайник теплым, помнишь?

– Помню, конечно. Ты к чему клонишь, я не понимаю?

– К тому, что в то утро Калинина никак не могла его вскипятить. Она была вместе с нами на даче. С того момента как она, по ее словам, обнаружила тело своей хозяйки и вызвала нас, до того момента, как мы

приехали сюда, она постоянно была на наших глазах. Мы провели на этой даче часа три, не меньше. Если бы она даже зачем-то после убийства Бабурской метнулась сюда, в квартиру, а потом вернулась на дачу и вызвала полицию, то к нашему приезду сюда чайник бы уже давно остыл. Понимаешь?

– Кажется, да, – медленно сказал Зубов. – Получается, тут был кто-то еще. Хотя что это меняет?

– Может, и ничего, если уж мотивы для совершения преступлений у Калининой действительно железные, а тот, другой, человек оказался здесь совершенно случайно. А может, и все. Потому что сюда после совершенного преступления приехал настоящий убийца. Приехал для того, чтобы забрать вещи Евы, а потом подкинуть их Калининой, чтобы навести на нее подозрения. Подставить ее, понимаешь? И в этом случае то, что она исчезла, наводит меня на нехорошие подозрения, что рано или поздно найдем не ее саму, а ее труп.

– Типун тебе на язык, – искренне сказал Зубов.

– Но ты согласен с тем, что история могла разворачиваться именно таким образом?

– Никогда нельзя исключать непроработанную до конца версию, – философски заметил Зубов. – Но в этом случае, кто у нас подозреваемый номер два? Олимпиада?

– Или Анна, – тихо сказал Лавров. – Извини, Леха, но ты только что сам сказал, что ни одну непроработанную версию нельзя исключать полностью.

Зубов заскрежетал зубами.

– Мне невыносима мысль, что Анна может попасть в подозреваемые, – сказал он. – Тем более что у нее как раз ни малейшего мотива совершать все эти убийства. Конечно, она наследует квартиру Евы, но ей эта берлога и даром не нужна. А от смерти Бабурских она ничего не выигрывает, наоборот, скорее всего теряет работу. Неизвестно еще, как эта самая наследница Наталья распорядится судьбой галереи. Но я лично с общественным все-таки не путаю, поэтому готов проработать версию с виной Анны до конца. Знаешь что, давай еще раз пройдем по соседям. Покажем ее фотографию. Она утверждает, что никогда не была в этой квартире. Если кто-то из соседей ее опознает, значит, она солгала, и это уже повод задать ей остальные вопросы.

Лавров посмотрел на своего молодого напарника с уважением. Он знал, что сейчас в душе капитана Зубова бушует ад, самый черный и невыносимый из всех возможных, но прятать голову в песок тот не

собирался точно.

– Фотография с собой? – спросил он, чтобы не мучить товарища слишком долго. – Если да, то пошли прямо сейчас, чтобы время не тянуть.

В ответ Зубов достал мобильник и показал на экране фотографию смеющейся Анны, веселой и невыносимо прекрасной, впрочем, как и в жизни.

– Пойдем, – сказал он. – И покончим со всем этим дерьмом.

Только в пятнадцатой по счету квартире они нашли человека, который действительно однажды видел незнакомую женщину, выходящую из квартиры, в которой была прописана Ева Бердникова. И что важно, это была не Светлана Калинина, которой мужчина помогал отремонтировать душ, а потому хорошо знал. Когда сыщики проводили поквартирный обход в прошлый раз, этот мужчина был в командировке, а сейчас отвечал на вопросы охотно, выказывая полную готовность помочь следствию. В этот дом он переехал в конце лета, то есть тогда, когда Ева была уже убита. Именно поэтому на предъявленных фотографиях молодую женщину сосед не опознал.

К вящему удивлению Лаврова и огромному облегчению Зубова, Анна Бердникова мужчиной тоже опознана не была. По его словам, эту женщину он тоже никогда не видел. И лишь на третьей предъявленной ему фотографии (правда, опять в нарушение процессуальных норм, но сейчас сыщикам было не до подобных мелочей) он с уверенностью узнал ту женщину, которую видел выходящей из Евиной квартиры. И это была фотография Олимпиады Бердниковой.

* * *

Второй обыск за день все-таки утомительное занятие. Алексей Зубов чувствовал, что устал так, словно разгрузил вагон с углем, а может, и не один. Шестым или седьмым чувством он заранее знал, что они обязательно что-нибудь найдут. И ждал этой находки, и заранее страшился ее.

Комната Липы и гостиная уже были осмотрены. Сейчас оперативники переместились в спальню Марии Ивановны, и Зубов с некоторой тревогой следил за реакцией пожилой женщины, которая, как он знал, была нездорова. Ему не хотелось, чтобы ее разбил повторный паралич. Впрочем, Мария Ивановна держалась стоически и никакой нервозности не проявляла, по крайней мере, пока. В отличие от дочери.

– Вы можете мне хотя бы объяснить, что именно ищете? – спросила бледная до синевы Олимпиада, которая сидела на самом краешке кухонного стула и то сплетала, то расплетала пальцы.

– Улики, свидетельствующие о том, что вы имеете отношение к совершенным преступлениям, – ровно сказал Зубов. – Следствие располагает данными, что вы отлучались со своего дежурства в ночь, когда были убиты Михаил Бабурский и Игорь Зябликов. Вас видели рядом с выведенной из строя машиной Егора Ермолаева, соседи опознали вас, когда вы зачем-то проникли в квартиру Евы Бердниковой, и у вас были все причины, чтобы ненавидеть свою сводную сестру настолько, чтобы сначала убить ее, а потом перевести на нее подозрения в совершенных убийствах.

– А зачем мне было ее подставлять, если к тому моменту я, по вашему мнению, ее уже убила? – спросила Олимпиада. На ее бледных щеках теперь горели два ярко-красных пятна, как у чахоточной. – Вы не понимаете, как сами себе противоречите?

– Отнюдь. – Зубов поймал себя на мысли, что, пожалуй, сейчас ненавидит сидящую перед ним женщину. Из-за нее и ее действий он тревожился за Анну, причем тревожился так сильно, что сейчас, когда напряжение потихоньку отпускало, он чувствовал, что не может сдержать рвущуюся из него наружу ненависть. – Отнюдь, Олимпиада Сергеевна. Вы, как врач, даже лучше меня знаете, что в действиях психически нездоровых людей трудно искать логику. Конечно, я не могу этого утверждать до тех пор, пока вы не пройдете судебно-психиатрическую экспертизу, но вы явно нездоровы. Юношеское предательство Евы нанесло вам слишком сильный удар, который ваша психика не смогла компенсировать. Это вас, а не вашу сводную сестру следовало вовремя лечить, но этого никто не заметил, и вы натворили немало бед. Что ж, пусть поздно, но мы вас все-таки остановили. И не думайте, что ваш друг Крушельницкий сможет вас спасти. Думаю, что его кандидатура получит отвод на ваше освидетельствование.

– Все, что вы говорите, очень смешно. – Липа вдруг улыбнулась, вернее, ее лицо исказила болезненная гримаса, больше напоминающая оскал, чем улыбку. – Вернее, это очень грустно, но и смешно одновременно. Вы за пару месяцев своим умом додумались до того, на что мне понадобились годы. Боже мой, как я была слепа. И сколько бед это принесло. Никогда себе этого не прощу.

– Мне расценивать ваши слова как признание?

Олимпиада дико посмотрела на него.

– Конечно, нет, – воскликнула она.

Из комнаты Марии Ивановны выглянул следователь, махнул Зубову рукой. Тот шагнул к двери, требовательным жестом остановил попытавшуюся подняться со стула Олимпиаду.

– Нет уж, сидите тут, пожалуйста.

Он широкими шагами пересек коридор, зашел в спальню, посмотрел на следователя с неммым вопросом.

– Вот, в присутствии понятых со шкафа достали. Лежало так далеко, что старухе не достать. Она же на стул вскарабкаться не может. Так что понятно, кто спрятал.

Он протянул Зубову какую-то коробку, и капитан, нагнувшись, увидел ровные ряды коробок с лекарством. Тиопентал. Он даже присвистнул от изумления. Черт, как все, оказывается, просто. Он вернулся в кухню, занял «свое» место, облокотившись на край подоконника, сурово глянул на поникшую на стуле Олимпиаду.

– Только что в одной из комнат вашей квартиры было изъято большое количество тиопентала натрия, того самого препарата, которым были убиты Бабурские и Зябликов. Кстати, по словам вашей матери, у нее случился инсульт, когда Ева Бердникова требовала у нее именно это лекарство. У меня есть только два объяснения, или ваша мать из-за болезни что-то путает, и на самом деле разговор о тиопентале у нее был с вами, а не с Евой, либо ваша сводная сестра знала, что вы что-то замышляете, а потому явилась в ваш дом, чтобы предотвратить преступление. Не из-за этого ли вы поспешили от нее избавиться?

– Это все чушь какая-то, – лихорадочно сказала Олимпиада, глаза ее блестели, как при высокой температуре. – Я понятия не имею, откуда в нашей квартире взялся тиопентал. Точнее, подозреваю, что его могли подбросить, чтобы навести на меня подозрение.

– Ну да, конечно. И в квартиру Евы вы не навевывались утром после убийства Ольги Бабурской. И чайник там не грели?

– Я понятия не имела, что то утро чем-то отличается от всех остальных, – огрызнулась Олимпиада. – В квартире Евы я действительно была, этого я отрицать не буду.

– Вот спасибо. – Зубов отвесил шутовской поклон, она так сильно его бесила, что у него даже глаза начинали слезиться. – А откуда вы взяли ключ?

– Когда Ева легла на обследование ко мне в отделение, она попросила меня передать ключ ее соседке, чтобы та поливала цветы. Я пообещала, но не успела. Через несколько дней Ева из больницы сбежала, поэтому ее поручение потеряло смысл. Ключ она не забрала, а сама инициировать встречу с ней я не хотела. Так ключ остался у меня, и в тот день я им просто воспользовалась.

– Зачем вы отправились на квартиру вашей сводной сестры?

– Поймите, эти убийства тревожили меня. Как будто кто-то расковырял

мою старую, так и не зажившую рану, которая отчаянно болела и не давала мне покоя. Я спать не могла, все думала, в чем я виновата и можно ли было предотвратить случившееся. Мне нужно было разобраться, что происходит.

– И как, разобрались?

– Почти. Если бы Франц Яковлевич не попал в больницу, он бы мне помог. Я все думала, что именно он имел в виду, когда сказал, что ошибся. Помните, мы вместе оказались у него в гостях, и он так сказал, но все дело в том, что он не мог ошибиться. За всю свою врачебную практику он не ошибся ни разу. И когда я поняла, что он имел в виду, то поняла и все остальное. Он действительно не ошибся. Он, если можно использовать такое математическое сравнение, поставил правильный знак, только неправильно раскрыл скобки. Я прошла его путем, посмотрела на картину его глазами, и мне все стало ясно. Мне осталось доделать совсем чуть-чуть, чтобы картина стала очевидной и для вас. Понимаете?

– Если честно, нет.

С точки зрения капитана Зубова, сейчас подозреваемая несла полный бред, лишний раз доказывая собственную невменяемость. Интересно, она может быть буйной? И если да, то стоит ли опасаться, к примеру, нападения? То, что она сотворила с Михаилом Бабурским, требовало серьезных усилий. Говорят, что безумцы в период помутнения рассудка становятся физически в несколько раз сильнее. А эта Липа и так женщина не хрупкая.

Следователь вновь позвал Зубова, и тот отлепился от подоконника, шагнул из кухни, сделав предостерегающий жест.

– Я сейчас вернусь, Олимпиада Сергеевна, и мы договорим.

Обыск подошел к концу, и больше ничего предосудительного в квартире найдено не было. Понятые расписались в протоколе и были отпущены из квартиры разносить сплетни по соседям. В том, что все именно так и будет, Зубов даже не сомневался. Из гостиной раздался хриплый крик Марии Ивановны. Зубов и следователь переглянулись и бросились туда. Пожилая женщина, согнувшись, стояла у окна и тяжело дышала.

– Что? Вам плохо? «Скорую» надо вызвать? – спросил Зубов, сердце которого разрывалось от жалости. Перед ним стояла женщина, вырастившая Анну, и ее и так ожидали тяжелые времена.

– Нет-нет. – Мария Ивановна перевела дух и выпрямилась. – Не волнуйтесь, все в порядке. У меня просто голова закружилась, но сейчас уже все прошло.

– Вы нас так не пугайте, – сказал Зубов, подхватил ее под руку, довел

до дивана, помог сесть. – Может быть, вам надо лекарство какое-то дать? Вы скажите. Или хотите, я дочь вашу позову, чтобы она вас в постель уложила.

Смутная мысль шевельнулась у него в голове, когда он произносил эти слова. Зубов замолчал, чтобы поймать эту мысль, додумать, не дав ей ускользнуть, а потом опрометью бросился вон из комнаты. Липа не могла не прибежать на крик матери. Но тем не менее не бросилась ей на помощь. Он ворвался в кухню, моля в душе, чтобы оказалось, что он ошибся. Но нет, кухня была пуста, а на вешалке в прихожей больше не висела шубка из пушистого енота. Олимпиада Бердникова незаметно исчезла из квартиры.

Теперь уже Зубова охватила такая сильная ярость, что он с размаху саданул кулаком по дверному косяку и перекосялся от боли.

– Куда? К кому она могла пойти? – проорал он, наклонившись практически к самому лицу Марии Ивановны и больше ничуть не заботясь о ее самочувствии. – Вы специально отвлекли наше внимание, чтобы она могла сбежать?

– Она – моя дочь, – с достоинством сказала пожилая женщина. – А каждая мать всегда защитит свое дитя, сколько бы лет ему ни было. Я не знаю, к кому она могла пойти, но уверена, что Липа знает, что делает, и поступает совершенно правильно.

Зубов набрал телефон Лаврова, коротко обрисовал ситуацию.

– Мне кажется, что есть только два человека, к которым в такой ситуации она может обратиться за помощью, – уверенно сказал тот. – Это Крушельницкий, который ее любит, и Борис Савельев, которого много лет любила она. Предлагаю разделиться. Ты кого предпочитаешь?

– Я предпочитаю поехать домой и лечь спать, – честно признался Зубов. – Устал, как собака. Но даму эту надо поймать, пока она новых бед не натворила в состоянии аффекта. Давай так, я с Крушельницким недавно разговаривал, поэтому к нему ты поезжай. Крути его, как хочешь, поскольку я больше чем уверен, что эта самая Липа к нему за помощью кинулась. А к Савельеву я прокачусь. Потом созвонимся, сверим показания.

Выйдя на улицу, Зубов вздрогнул от неожиданного ветра, поднял повыше воротник куртки. Уже смеркалось, усталость придавливала его к земле, от ее непосильного веса хотелось лечь прямо в сугроб, закрыть глаза и больше ни о чем не думать. Уличный фонарь качался, рассеивая чужой, холодный, совсем не ласковый свет, навевая воспоминания о мягком и уютном свете кухонной лампы над стеклянным столом в квартире Анны. На мгновение Алексею даже почудился запах жареного мяса и бордовые потеки красного вина на стенках пузатого бокала. Подивившись силе

собственного воображения, он засунул в карман уже успевшие замерзнуть руки и зашагал к машине.

Бориса Савельева дома не оказалось. Сколько ни жал капитан Зубов на пимпочку дверного звонка, на трель никто не отвечал. Чертыхнувшись, он вытащил телефон и набрал предусмотрительно забитый в память телефона номер.

– Да, – услышал он в трубке раздраженный голос и прислушался, чтобы убедиться, что он идет не из-за двери, но нет, в квартире было тихо. – Алло, говорите, я вас слушаю.

– Это капитан Зубов, городское управление внутренних дел, – коротко представился Алексей. – Борис, мне нужно с вами поговорить. Вы скоро будете дома?

– Часа через полтора. И если честно, то я отстоял сегодня две операции и хотел бы отдохнуть. Если у вас что-то срочное, приезжайте ко мне в больницу. Обещаю вас дожидаться.

– Борис, мне важно знать, не звонила ли вам сегодня Олимпиада Бердникова?

– Кто-о-о-о? – В голосе Савельева звучало неприкрытое изумление. – Уважаемый, она мне не сегодня не звонила, а уже пятнадцать лет не звонила. А чем вызван ваш вопрос, можно полюбопытствовать?

– Она попала в непростую ситуацию, была вынуждена уйти из дома и ей нужно где-то спрятаться, – отделался полуправдой Зубов. – Так как вы когда-то были близки, я предположил, что она может появиться у вас.

– Любезный, извините, не запомнил, как вас зовут, – раздраженно сказал Савельев. – Может быть, вы не в курсе, но моя квартира – последнее место, где может появиться Олимпиада. И я – последний человек на земле, к которому она обратилась бы за помощью. Гриша, Григорий, погоди, мне нужно с тобой поговорить. – Последнее относилось явно не к Зубову, и тот терпеливо замолчал, давая своему собеседнику время, чтобы вернуться к разговору. – Ты сегодня дежуришь, посмотри, как Кубарева из наркоза выходить будет. Мне ее давление не нравилось в ходе операции. Пока все нормально, и я час еще послежу, но ночью не оставляй ее без присмотра, ладно? Ага, спасибо, пока. Да, я вас слушаю. – Теперь он уже снова разговаривал с Зубовым.

– Борис, я все-таки прошу вас быть очень внимательным, и, если вдруг случится так, что Олимпиада выйдет с вами на связь, пожалуйста, сразу позвоните мне. Поверьте, она может быть опасна. Для вас более, чем для кого бы то ни было. Вы когда-то ее предали, а она уже доказала, что умеет мстить.

– Вам бы романы писать, – сказал Савельев, и голос его прозвучал как-то странно. По крайней мере, содержащихся в нем интонаций Зубов не понял. – Но я обещаю вам, что если произойдет что-то, требующее вашего вмешательства, я обязательно вам позвоню. Всего доброго. Извините, у меня дела.

В трубке послышались гудки, и Зубов, досадливо поморщившись, нажал на отбой. Ну, что поделать с тем, что граждане не любят полицию. Капитан уже привык к тому, что его профессия вызывала иногда страх, иногда презрение, а иногда тягостное недоумение у собеседников. У него была собачья работа, тяжелая, выматывающая, опасная и неблагодарная, но он не променял бы ее ни на какую другую.

Перед тем как сесть в лифт, он посмотрел на часы. Без пятнадцати семь. Наверное, Анна уже дома, готовит ужин, и надо бы ей позвонить, но как, если ты даже приблизительно не знаешь, когда сегодня освободишься. Вместо того чтобы набрать номер любимой, он позвонил Лаврову.

– Ну, что там у вас? – спросил он. – У меня, как и следовало ожидать, пустышка.

– Крушельницкий не знает, где Олимпиада, и я ему верю, – сообщил напарник и друг. – Он очень обеспокоился тем, что происходит, попытался дозвониться до доктора Бердниковой, но у той выключен телефон. Так-то разумно, если она хочет быть уверена, что мы не отследим ее по местонахождению мобильного. Слушай, он просит трубку. Хочет, чтобы ты рассказал ему дословно, что именно сказала тебе Олимпиада.

– Здравствуйте, Станислав, – сухо сказал Зубов, когда Крушельницкий коротко поздоровался, – я не знаю, что вы хотите от меня услышать, а главное, зачем?

– Мне некогда с вами спорить, Алексей, – тоже с прохладцей в голосе ответил Стас. – В отличие от вас я совершенно точно знаю, что Липа не может быть преступницей, и это простое знание вселяет в меня тревогу, что ей может грозить опасность. Именно поэтому я прошу вас дословно передать мне, что именно она вам сказала.

– Она несла бред, как психически больной человек. Про математическую ошибку, которую совершил великий профессор Лагранж, который никогда не ошибается. Про то, что он правильно поставил знак, но неправильно раскрыл скобки. Вам от этого легче? Это дает хотя бы малейшее представление о том, где может быть Олимпиада Сергеевна?

– Пока нет, – Крушельницкий говорил ровным тоном, который бывает у людей, когда они смертельно волнуются. – Но я постараюсь восстановить ход ее мыслей, потому что от этого зависит жизнь. Ее, а значит, и моя.

Он снова передал трубку Лаврову.

– Ну, Леха, встречаемся в отделе? – спросил тот. – Кто в магазин заезжает, ты или я? Жрать ужасно хочется.

– Давай ты, – попросил Зубов. – Мне кажется, я сейчас сдохну, как надорвавшийся конь в упряжке. Сил ни на что нет. То ли намерен разболеться окончательно, то ли нервишки шалят. Меня это дело доконает. Слишком личное оно для меня, понимаешь?

– Понимаю, – ответил Лавров коротко. – У самого так было. Но, Леха, рано или поздно это все кончится, а жизнь нет. Она пойдет дальше и будет прекрасна, несмотря ни на что. Даже не сомневайся.

– Да я и не сомневаюсь, – вяло сказал Зубов.

Через час они встретились в рабочем кабинете, быстро разложили на столе купленную Лавровым нехитрую снедь, разлили по кружкам огненный чай, который оказался как нельзя кстати, потому что Алексея бил озноб. Температуру померить, что ли... Они успели выпить примерно по полчашки и съесть по одному бутерброду, когда позвонил дежурный.

– Тут к вам гражданин рвется, – сообщил он, – буйный. Крушельницкий фамилия, пускать или в «обезьянник» определить?

– Пускать, – заорал Зубов, моментально забывший про усталость. Распахнул дверь кабинета.

Через три минуты с лестницы ввалился бледный Стас в наискосок застегнутой куртке. Шапки на нем не было, глаза блуждали.

– Парни, мне нужна ваша помощь, – сказал он. – Телефон сел, я не смог позвонить, поэтому приехал. Я знаю, что задумала Липа, и я знаю, где она сейчас. Поехали. Может быть, мы успеем. И еще. Мне кажется, что вы должны предпринять некоторые меры предосторожности.

* * *

Уже второй раз за сегодняшний день Зубов оказался перед входом в квартиру Бориса Савельева. Он уже видел эту металлическую дверь с взрезанным глазком, более того, стоя перед ней, разговаривал с самим Борисом, и было это, Зубов посмотрел на часы, всего два часа назад. Объяснение Крушельницкого казалось ему фантастическим, Зубов в него не верил.

По словам Стаса выходило, что Олимпиада Бердникова для того, чтобы доказать свою невиновность, решила сама поймать убийцу. На живца, так сказать.

– А кто убийца-то? – спросил Зубов жалостливо. Стас ему нравился, а его категорическое нежелание примириться с тем фактом, что его любимая

женщина – психопатка, вызывало даже какое-то уважение.

– Вы мне не поверите, хотя это совершенно очевидно и лежало на поверхности, – ответил Крушельницкий, и теперь в его взгляде проскользнуло что-то, похожее на жалость. – Лагранж додумался, потому что он – гений. И мы с Липой, хотя и с опозданием, но додумались тоже. Плохо, что по отдельности, а не вместе. И плохо, что поздно.

Зубов все равно не понимал. У него поднималась температура, ноги и руки стали ватными, да и голову словно набили ватой, серой, клочкастой, с остатками стебельков хлопчатника. Такой мама в его детстве затыкала щели в окнах. Маленький Зубов любил рассматривать узоры на замерзших стеклах, дыханием протаивать в них дырочку, через которую можно было смотреть на улицу, а заодно выколупывать из-под рамы вату, катать ее между пальцами. Иногда весь подоконник бывал засыпан мусором, и мама очень ругалась.

Он вынырнул из своих температурных мыслей, потому что услышал знакомое имя.

– Анна? – это спросил Лавров.

– Конечно, – ответил Крушельницкий. – Ты тоже догадался?

– Скажем так, начал подозревать. – На Зубова Лавров старательно не смотрел, и тот никак не мог взять в толк, почему, а потом вдруг догадался.

– Погодите, вы что, считаете, что все эти убийства совершила Анна? И это ее сейчас отправилась ловить Олимпиада?

– Да. – Этот проклятый психиатр смотрел с такой жалостью во взоре, что Зубову вдруг захотелось его убить. – Липа пыталась тебе объяснить, ты не услышал. Лагранж много лет назад поставил правильный знак, но не смог раскрыть скобки.

– Что это значит? – заорал Зубов.

– Потом объясню. Ребята, поехали, а.

И вот теперь они стояли перед металлической дверью, за которой начиналась пока неведомая Зубову новая жизнь. Ну, это, конечно, в том случае, если за ней была Анна.

– Что дальше? – спросил он сквозь стиснутые зубы. – Звонить будем, вскрывать, взрывать, что?

– Взламывать, – ответил Лавров. – Сейчас ребята начнут. Стас, вы примерно представляете, что собиралась сделать Олимпиада Сергеевна?

– Я думаю, нет, я уверен, что она позвонила Анне и рассказала, что ее преследует полиция за преступления, которые она не совершала, но она устала и боится и что с удовольствием покончила бы с жизнью, которая много лет причиняет ей одни страдания. Она должна была завести именно

эту тему, ту самую, которая когда-то давно мучила мать девочек. Каждый человек имеет право уйти из жизни именно так, как он хочет. Липа должна была озвучить тот способ, который она считает идеальным для себя, чтобы заставить свою сводную сестру действовать.

– И что именно она сказала? – грубо спросил Зубов.

– Что она мечтает умереть в объятиях Бориса, – мягко сказал Крушельницкий.

– И вы так спокойно об этом говорите? Что женщина, которую вы любите, мечтает умереть в объятиях другого мужчины? – зло спросил Зубов. Ему было так больно, что хотелось причинять такую же боль другим, хотя бы этому, когда-то симпатичному ему мужику, в одночасье ставшему врагом.

– Сказать и хотеть – разные вещи. – Крушельницкий пожал плечами и посторонился, пропуская ребят в масках, готовых начать открывать дверь. – Это единственное объяснение, в которое убийца бы поверила. Много лет все вокруг знали, как страдает Липа от того, что Борис ее бросил. На самом деле вся эта история давно уже в прошлом. Как говорится, было и бывшем поросло. Липа смогла забыть и простить, потому что ей помог Лагранж и, надеюсь, я. Она спровоцировала Анну пойти на новое преступление. И договорилась с Борисом, что он ей поможет.

– А если мы опоздали? – напряженно спросил Лавров, следя за тем, как бригада колдует над дверью. – Она обладает недюжинной силой в момент обострения. Неужели Олимпиада Сергеевна не понимала, что это опасно.

– Олимпиада Сергеевна – очень хороший врач, работающий с людьми в состоянии острого психоза. Думаю, что она справится, – ответил Стас, но тут дверь наконец открылась. Люди в черной форме высыпались внутрь коридора, Лавров шагнул следом, а Зубов чуть помедлил на пороге, напряженно вслушиваясь в раздающиеся из квартиры голоса, вздохнул глубоко, как перед прыжком в воду, и вошел, действительно, как прыгнул. Вата перед глазами рассеялась только тогда, когда он оказался в комнате, наполненной людьми.

Ребята из группы захвата, Серега Лавров, которому Зубов так доверял, и который, оказывается, давно подозревал Анну, Крушельницкий, бросившийся к Олимпиаде и теперь обнимающий ее так, словно защищая от всех врагов на свете, бледный Савельев, и у окна нахохлившийся маленький воробышек... Ева?

Зубов не верил своим глазам. Перед ним стояла Ева Бердникова, убитая еще в прошлом июле. Широкие джинсы, бесформенный свитер,

белые волосы, собранные в высокий хвост, расширенные голубые глаза, наполненные медленно остывающей яростью, в руке шприц. Да, Ева.

– Анечка, вернись ко мне, – тихо проговорила Олимпиада, высвобождаясь из рук Крушельницкого. – Давай я тебе помогу. Ева, не мешай ей. Отпусти.

Зубову казалось, что он сходит с ума. Голова кружилась, он закрыл глаза, пережидая дурноту, а когда открыл, то увидел Анну, которая протянула Олимпиаде снятый с головы светлый парик, а потом наклонилась и достала что-то из глаз. Линзы.

Алексей вспомнил контейнер для линз, который видел в шкафчике в ванной. Ну почему, почему он тогда не обратил на них внимания. Анна же никогда не жаловалась на плохое зрение, и он знал, что линз и очков она не носит. Тогда откуда взялся контейнер? Зачем он был нужен, если не для того, чтобы менять цвет глаз. С черного на голубой. Господи, ведь Олимпиада как-то говорила ему о том, что близнецы были очень похожи внешне, отличаясь только цветом глаз, а непохожи стали с годами, да и то лишь потому, что очень к этому стремились. Он чуть не застонал от того, что правда все время была у него перед глазами.

– Алешенька, – тихо позвала его Анна. – А что ты тут делаешь? И вообще, как мы все тут очутились?

– Ты что, придуриваешься? – грубо спросил Зубов, потому что желание причинять боль не проходило, а лишь становилось все сильнее, пропорционально той боли, что росла, набухала, ширилась в нем, заполняя всего без остатка.

– Нет. – Глаза Анны наполнились слезами. – Ты не должен так со мной разговаривать. Я действительно ничего не помню.

– Она не врет, – тихо сказала Липа. – Позвольте я вам сейчас все объясню. Всем.

С детства в доме Бердниковых царил нездоровая атмосфера. Сергей так и не смог оправиться ни от самоубийства первой жены, ни смириться с ее психическим расстройством. Он чувствовал себя виноватым, раз вовремя не отреагировал на предупреждение Марии Ивановны и не пытался лечить Лялю и тем самым лишил своих дочерей родной матери.

Он старался как можно меньше бывать дома, потом и вовсе умер, оставив близняшек на плечи приемной матери. Девочек Мария Ивановна любила, но растить их ей было тяжело, особенно из-за выходов Евы, обладающей несносным характером.

Шли годы, и Мария Ивановна, которая была врачом, заподозрила у девочки психическое расстройство. Она была уверена, что перенесенный

когда-то стресс – а выбросившаяся из окна Ляля прижимала к груди маленькую Еву, и девочка выжила чудом – привели к отклонениям в психике. И показывала девочку врачам, пытаясь подтвердить свою догадку, объясняющую все странности в поведении девочки.

Однако все специалисты признавали Еву здоровой. Не стал исключением и профессор Лагранж, к которому уже взрослую Еву привела Олимпиада, решившая посвятить жизнь подтверждению материнской правоты и вылечить Еву.

– Франц Яковлевич утверждал, что Ева абсолютно здорова, – рассказывала Липа. – Именно это я имела в виду, когда сказала вам, Алексей, что он поставил правильный знак. Вот только он «не раскрыл скобки», не понял, что на самом деле все неприятности, которые происходили с девочками, шли от второй сестры, и именно ее психика непоправимо пострадала из-за материнского самоубийства. Мы все видели, как переживала маленькая Анна, когда Ева попала в больницу. Несколько дней она не спала и не ела, потому что не могла пережить разлуки с сестрой, со второй своей половинкой. А потом успокоилась. Мама обрадовалась, хотя надо было насторожиться. Этот момент стал тем пусковым механизмом, который запустил душевное расстройство Анны.

– Шизофрению? – спросил Лавров.

– Нет, – ответил вместо Липы Крушельницкий. – Раздвоение личности. Липа благодарно посмотрела на него.

– Ты тоже догадался, да?

– Ну, я все-таки ученик Лагранжа, – ответил он. – Стыдно, что не догадался раньше.

– Так и я тоже. У меня перед глазами всегда была только Ева, тем более что я была очень на нее обижена. А тихая, послушная, примерная, хотя и замкнутая Анна никогда не вызывала никаких подозрений, хотя с ранних лет в ней жили два человека. В тот момент, когда Еву увезли в больницу, произошел психический надлом, и в Аниной голове поселилась еще и Ева. И именно поэтому, когда сестра вернулась из больницы, Аня ее категорически не приняла. Ее место было занято «другой» Евой, и та, первая, стала восприниматься чужеродным предметом, который девочка демонстративно игнорировала.

– Я ничего не понимаю, – хрипло сказал Зубов. – Вот ничегошеньки.

Ему очень хотелось подойти к Анне, обнять ее, но он не мог. Физически не мог заставить себя сдвинуться с места.

– Сейчас попробую объяснить, – сказал Крушельницкий. – Раздвоение личности – это психическое расстройство, которое характеризуется

наличием у человека нескольких «я». В результате один и тот же человек начинает по-разному себя вести в определенных жизненных ситуациях. Конечно, любой человек может вести диалоги с самим собой, однако, когда психика дает сбой, каждая из внутренних сущностей человека начинает жить своей жизнью.

Как рассказывал Крушельницкий, одно «я» всегда знает о наличии второго, а вот второе о первом даже не догадывается. В случае с болезнью Анны Бердниковой, живущая внутри ее Ева – существо агрессивное и опасное, прекрасно отдавало себе отчет в своих действиях, в то время как сама Анна о существовании в своей голове Евы даже не догадывалась и, как следствие, о совершенных ею проступках не подозревала. О том, что она делала, будучи Евой, она просто не помнила.

Первое «я» – отличница и тихоня Анна Бердникова была человеком правильным, законопослушным, интеллигентным и тихим. Второе «я» – Ева Бердникова оказалась склонной к насилию психопаткой.

В детстве болезнь проявлялась не сильно. Она приводила лишь к тому, что сидящая в углу Анна вела внутренний диалог с живущей в ее голове Евой, отвергая реальную сестру, которая расстраивалась, переживала, пыталась привлечь к себе внимание и из-за того совершала необдуманные поступки. Ее вызывающее поведение и хулиганские выходки Мария Ивановна, а вслед за ней и Липа принимали за нездоровье, тихая Анна, бормочущая что-то в углу комнаты и мечтающая только о том, чтобы ее оставили в одиночестве, никаких подозрений не вызывала. Но в какой-то момент спусковой механизм был спущен, и болезнь Анны проявилась в полный рост.

– Раздвоение личности, как правило, зарождается в детстве, но очевидные его очертания проявляются во взрослом возрасте, когда супергерой из воображения переключивается в реальную жизнь, – рассказывал Крушельницкий. – Этот момент мало кто заметил. С Марией Ивановной Анна в отличие от реальной Евы практически не общалась. Липа, которая, как врач, могла заподозрить неладное, сестер сторонилась, близких подруг у Анны не было. Тревогу забила Ева.

– Конечно, Аня и ее близко не подпускала, – печально сказала Липа. – Но случилось так, что Анна, когда в ней просыпалась вторая личность, переодевалась в сестру и бродила по улицам. Так как они были очень похожи, знакомые принимали Анну за Еву. Та не помнила о том, как посещала торговый центр, в котором ее якобы видели, не могла объяснить, почему ее сфотографировали на празднике, на котором она не была. Ева испугалась, что с ней что-то не так. Она знала, что ее с детства подозревали

в психических отклонениях, и начала сама в это верить. Именно поэтому она пришла ко мне с просьбой ее обследовать. Даже в тот момент я ничего не заподозрила. А вот Ева, проведя два дня в больнице, видимо, начала о чем-то догадываться. По крайней мере, из больницы она сбежала и стала чаще навещаться к сестре, например, приходит к ней в художественную галерею. Кроме того, она пристроила туда на работу Егора Ермолаева, с которым подружилась в больнице. Решила, что он будет ей полезен.

– Потом случилась та вечеринка, на которой затеялся безумный разговор про то, кто как хотел бы умереть, – снова подхватил Крушельницкий. Они с Липой как будто вели арию на двоих, ловко и умело дополняя друг друга. Два классных врача, два замечательных профессионала. – Видимо, Ева что-то заметила. То, как реагировала на разговор Анна. Заметила и напряглась.

– Аня, вы ведь разговаривали, правда, – Липа повернулась к сводной сестре, которая, поникнув, так и стояла у огромного окна, открывающего вид на ночной город. Так уж вышло, что Борис Савельев жил в том же микрорайоне «Изумрудный город», что и сама Анна, просто в соседнем доме, и французское окно было точно таким же, как в ее квартире, и тоже на девятом этаже. – Что она тебе сказала?

– Я никак не могла взять в толк, что она от меня хочет. – Молодая женщина выглядела совсем потерянной. – Ева действительно приходила ко мне, это был последний раз, когда я ее видела. Она начала говорить, что я переодеваюсь в ее одежду, спрашивала, зачем я это делаю. Выясняла, почему я хочу ее подставить. Но я сказала ей, что ничего этого не делала, что я вообще не понимаю, о чем она говорит. Она кричала, она называла меня обманщицей, а потом ушла, хлопнув дверью.

– Подождите, я не понял, – хрипло сказал Зубов, у которого от жалости к Анне первый раз в жизни заболело сердце. – Анна сейчас говорит неправду? Как она может не помнить, что переодевалась Евой.

– В том-то и дело, что она не помнит, – в голосе Крушельницкого звучала досада. – Алексей, я же вам все подробно объяснил, вы что, не слушали меня совсем? Одна из субличностей всегда в курсе того, что происходит. А вторая – нет. Живущая в сознании Анны Ева прекрасно осознавала все происходящее, а вот сама Анна – нет. Она действительно не помнила того, что творила, когда превращалась в Еву. И не могла помнить.

– Фантастика какая-то, – голос Зубова прозвучал жалобно.

– Это не фантастика, это медицина, а точнее психиатрия, – сказала Липа. – Трудно поверить, но это так. Анна не поняла претензий настоящей Евы, но вторая субличность в ее голове все осознала и приняла решение

срочно от Евы избавиться. Для нее Ева вообще была чужой, ненужной, лишней, а теперь еще и стала опасной, потому что могла обо всем догадаться. Думаю, что она предприняла первую попытку убийства, и Ева, испугавшись безумия сестры, решила срочно уехать в другой город. Каким-то способом ей удалось получить фальшивые документы на имя Екатерины Стрижовой, чтобы замести следы. Она действительно боялась той незнакомки, которая поселилась у Анны в голове.

– Документы ей помог оформить я, – хрипло сказал Борис Савельев. – Она не объясняла, зачем ей это надо, сказала, что попала в очень неприятную и опасную для нее ситуацию. И что это вопрос жизни и смерти. За годы работы у меня было много пациентов и их благодарных родственников, так что сделать липовый паспорт было довольно просто.

– Так Ева уехала на Север, устроилась работать в библиотеку, а потом познакомилась с Шубейкиным. Думаю, что ей было беспокойно, потому что в глубине души она очень любила сестру и понимала, что той необходима медицинская помощь. Перед отъездом она пробовала поговорить с Липой, намекнуть, что та все эти годы искала болезнь не у той из близняшек, но Липа ее не поняла. Слишком серьезны были обиды, стоящие между ними, и разговора не получилось, – продолжил рассказ Крушельницкий.

– Никогда себе этого не прощу, – печально сказала Липа, – если бы я тогда хотя бы попыталась вникнуть в то, что она говорит, и сама Ева была бы жива, и других убийств бы не произошло.

– Не вини себя. Ева была не уверена в том, что поняла все правильно. Именно поэтому спустя несколько месяцев она все-таки приехала в родной город. Ей нужно было, не выдавая своего присутствия, постараться понять, как чувствует себя Анна. Именно поэтому она не появилась в своей квартире, а поселилась у Шубейкина и, договорившись о встрече, отправилась к Марии Ивановне, разузнать что к чему, – продолжил свой рассказ Стас.

– К маме? – удивилась Липа. – Но как, она мне ничего не говорила.

– Так она и не могла тебе сказать. – Стас улыбнулся, очень ласково. – Она поддерживала отношения с Евой, только тебе про это не говорила. Чтобы не расстраивать. Как бы то ни было, в тот день случилась накладка. Сначала Мария Ивановна открыла Еве дверь, потому что ждала ее, но отчего-то гостя начала ей угрожать, требовать тиопентал, вести себя неадекватно. Мария Ивановна не могла понять, что происходит, потому что Ева, по ее собственным словам, была «какая-то не такая». На самом деле это была Анна в ее субличности Евы. Второй же неожиданностью стало

появление в квартире настоящей Евы, которая застала там переодетую Анну и окончательно все поняла. Помните, Мария Ивановна рассказывала, что у нее подскочило давление и стало двоиться в глазах? На самом деле, в какой-то момент в квартире стало две Евы. И от перенапряжения у Марии Ивановны и случился инсульт.

– В ходе психиатрической экспертизы мы сможем узнать, как лже-Ева смогла уговорить настоящую Еву вдвоем вернуться в квартиру Шубейкина, и что именно там произошло? – напряженно спросил Лавров.

– Возможно. Если вызвать из подсознания вторую субличность, то ее можно попытаться разговорить. Правда, в моей практике такого никогда не было. Франц Яковлевич бы точно смог, надеюсь, он скоро поправится, и можно будет воспользоваться его консультацией. Но как бы то ни было, сестры вернулись к Шубейкину, где лже-Ева расправилась со своей сестрой, а потом растворила в водке достаточное количество тиопентала для того, чтобы гарантированно усыпить и так спавшего хозяина квартиры. Когда он пришел в себя, то обнаружил, что его любовница «какая-то не такая», выпил еще водки и снова уснул, а очнувшись, нашел тело, ничего не смог вспомнить и от ужаса спрятал тело в подвал. Голову же лже-Ева спрятала в лесу, чтобы убитую никто не мог опознать. Ее и не опознали.

– Но почему были совершены остальные убийства? Потерпевшие ничего не знали о существовании лже-Евы и не могли причинить ей вред? – спросил Зубов хрипло.

Спросил только потому, что молчать дальше было уже неприлично. На самом деле происходящее было ему неинтересно. Его жизнь, полная счастья, любви и надежд, только что рассыпалась у него в руках, обрушилась гигантским оползнем под ногами. Вместо прошлого зияла черная, полная жирных червей яма, которая засасывала капитана Зубова, лишая его способности сопротивляться. Будущее не просматривалось вообще, потому что в нем не могло быть ничего, кроме отчаяния.

Неожиданно он вспомнил свой букет, подаренный Анне в первый вечер их знакомства и собранный талантливой владелицей магазина «Мир цветов». Сухие коробочки мака были в нем. Символ безумия. Букет оказался пророческим.

– У человека с агрессивными видами безумия после первого совершенного преступления сносит крышу окончательно, – ответил Крушельницкий. – Эмоции, испытываемые при убийстве, становятся наркотиком, а также мощным афродизиаксом. Думаю, что не ошибусь, если предположу, что после каждого совершенного убийства резко возрастало либидо, а вот когда с момента преступления проходило какое-то время,

половое влечение ослабевало. У Анны это могло проявляться слабо, а вот вторая субличность становилась просто одержима идеей нового преступления. Почва для них была подготовлена еще в детстве. Тема осознанности выбора способа собственной смерти стала для лже-Евы такой же доминирующей, как когда-то у ее матери. И жертвой этой одержимости стали супруги Бабурские и наш коллега Игорь Зябликов, да и сама Ева тоже. Она же всегда говорила, что ей не сносить головы, так в итоге и вышло. Мальчик Егор тоже выжил чудом.

– А что бы стала делать Анна, когда все участники того злосчастного разговора оказались бы мертвы? – тоже мертвым голосом спросил Зубов.

– Не знаю, и никто не знает. Вполне возможно, что субличность успокоилась, решив, что выполнила свое предназначение. Или, наоборот, отправилась искать новых жертв.

– И вы все это поняли только сегодня? – зло спросил Зубов. – Вот вдруг, в одночасье.

– Ну да. – Крушельницкий пожал плечами. – Я все пытался определить, что имела в виду Липа, говоря о неправильно раскрытых скобках, и заново проанализировал ту информацию, которой владел Лагранж. Истина была похожа на удар грома, но в свете поразившей меня молнии я увидел все факты, которые четко легли в отведенные им ячейки.

– А вы когда поняли? – Зубов повернулся к Олимпиаде.

– Тоже не сразу. Я видела, что вы подозреваете меня, но у меня было перед вами одно преимущество, я точно знала, что ничего подобного не делала. Я много лет подозревала Еву в душевном расстройстве, но все встало на свои места именно тогда, когда я поняла, что Лагранж не мог ошибиться. Не мог, вот и все. Тем более стало известно о смерти Евы. А раз так, то все сошлось именно на Анне.

– Почему вы сбежали из квартиры во время обыска?

– Я знала, что вы мне не поверите. Все было против меня, в первую очередь найденный тиопентал, который лже-Ева подсунула скорее всего одной из ночей, когда я была на дежурстве. Я понимала, что вы на ее стороне, и мне нужны были серьезные доказательства. Тогда я позвонила Борису.

– И вы сразу согласились помочь? – спросил Лавров у Савельева.

– Я был виноват перед Липой. Пусть не специально, сердцу ведь не прикажешь. Я очень любил Еву и был готов вернуться к ней, если бы она захотела. Но она не хотела. А теперь ее больше нет. Липа позвонила и сказала, что я должен ей помочь в память о Еве и для того, чтобы поймать ее убийцу. Конечно, я согласился.

– Вы помогли достать тиопентал?

– Нет, я уже вам говорил. Видите ли, я, наверное, тот единственный человек, который всегда опознал бы Еву среди тысяч других двойников. Для меня она была единственная и неповторимая. А лекарство... Я думаю, Аня могла достать его через Гришу.

– Кого? – искренне удивился Лавров.

– Моего коллегу, Григория Маркова. Они какое-то время встречались, я их познакомил. А потом что-то не сложилось, и они расстались. Но Гриша, как бы это выразиться, много на что способен за деньги, особенно за большие деньги.

– Вы обращались к Маркову? – спросил Лавров у Анны.

Та затравленно посмотрела на него, а потом на Зубова.

– Я не помню, – с отчаянием выкрикнула она.

– Ладно, сами узнаем, – мрачно сказал сыщик.

Своего друга и коллегу ему было отчаянно жалко, и он понимал, что дальше будет только хуже. Ужас понимания обрушится через некоторое время, когда пройдет первоначальный шок, и дальше с этим ужасом придется жить. Но он знал, что Зубов справится.

– В общем, давайте уже закончим, – устало сказала Липа. – Когда Борис согласился мне помочь, я позвонила Анне и сказала, что решила перед арестом повидаться с ним, потому что вообще мечтала бы только о том, чтобы умереть в его объятиях. Я знала, что эта ключевая фраза вызовет из подсознания Еву. Так и случилось. Она отправилась сюда, зная, что у нас встреча, и собираясь нас убить.

– Вы поступили необдуманно, не поставив нас в известность, – с упреком сказал Лавров. – Если бы не Станислав, то мы могли бы приехать слишком поздно. Зачем вы вообще подвергали себя такому риску? Не помнили, что произошло с Бабурскими?

– Они не ожидали нападения. Думаю, что Михаила Валентиновича лже-Ева купила предложением устроить жене сюрприз. Зябликова позвала на встречу от имени его любовницы Светланы Калининой, а Ольге Аполлинарьевне вообще ввела препарат во сне. Они не были готовы к тому, чтобы сопротивляться, а мы были. Кроме того, я все-таки психиатр со стажем, я была уверена, что смогу вызвать субличность Анны до того, как Ева нанесет удар. Вы просто мне помешали это сделать.

– Алеша, – тоненький голос в комнате прозвучал неожиданно громко. Так громко, что все присутствующие вздрогнули. – Алешенька, посмотри на меня.

Зубов повернул к Анне измученное, словно постаревшее за один день

на десять лет лицо.

– Что? – спросил он и поморщился, словно с трудом выталкиваемые изо рта слова причиняли ему нечеловеческую боль. – Что ты хочешь мне сказать, Аня?

– Я не помню ничего из того, что тут сказано, – сказала она. – Я знаю, это звучит не очень убедительно, но я не могу ни подтвердить это, ни опровергнуть. Одно я знаю точно, Ева действительно всегда со мной, с самого детства.

– Аня, тебе придется пройти судебно-психиатрическую экспертизу, которая точно покажет, больна ты или нет. Если да, то тебя ждет не наказание, а лечение. – Голос Алексея сорвался, и он с ужасом понял, что сейчас заплачет.

– Нет-нет, я не об этом, – торопливо сказала Анна. – Я о том, что я не хочу. Ева всю жизнь боялась психушки. Она была уверена, что Липа собирается ее туда засадить, и вот теперь, по иронии судьбы, это ждет меня. Но я не хочу, Алеша.

Лавров почувствовал, что от сцены, которой они все стали свидетелями, даже у него заходится сердце. Ему казалось, что на месте Зубова он бы сейчас просто упал замертво. Алексей же просто закрыл лицо руками, не в силах справиться с эмоциями. Олимпиада сделала шаг к сводной сестре, но та выставила вперед руку, останавливая ее.

– Я не договорила. Липа, пожалуйста, дай мне это сделать. Это то небольшое, о чем я прошу. – Кивнула, увидев, что та остановилась. – Алешенька, посмотри на меня. Помнишь, ты спрашивал и у меня, и Егора, что именно сказала в том дурацком разговоре я. Как я хотела бы умереть?

Зубов отнял ладони от лица и посмотрел на Анну, в его взгляде уже не оставалось совсем ничего человеческого.

– Ты сказала, что хотела бы умереть мгновенно, – хрипло сказал он. – Аня, ты ведь не собираешься принять яд или сделать еще какую-то глупость?

– У меня нет яда, – тихо сказала она. – Тем более тогда, в галерее, я сказала неправду.

– Неправду?

– Да, вернее, я сказала не всю правду. Я действительно предпочла бы, чтобы это произошло мгновенно. Но больше всего на свете я бы хотела умереть как моя мать.

Она сделала едва уловимое движение и со всего размаха бросилась на стекло огромного окна, за которым жил своей жизнью их город, далекий от кипящих здесь, в квартире, страстей. Раздался звон, брызнули в разные

стороны осколки, и маленькая фигурка в мгновение ока исчезла в ночной темноте, как вылетевшая в окно птица. Глухо закричала Олимпиада, ее крик потонул в рычании Зубова.

– А вы ведь и здесь оказались правы, – спокойно сказал Лавров Крушельницкому и подошел к окну, чтобы выглянуть в зияющую в стекле дыру. Там, в строительной люльке, болтающейся этажом ниже, в крепких мужских руках билась пойманная в силки птица. Анна. – Когда предложили принять меры предосторожности.

– Я помнил ее слова о мгновенной смерти. В данной ситуации единственный способ это сделать – воспользоваться преимуществами девятого этажа, – пожал плечами тот. – На то, чтобы это понять, моего профессионализма хватает.

– Что теперь будет? – спросил Зубов.

– Экспертиза, которая признает Анну невменяемой. Она останется в больнице. Надолго. Навсегда. Но будет жить. Рисовать. Кстати, те жуткие картины, которые хранятся в ее квартире, написала не настоящая Ева, а та, что жила у Анны в подсознании. Спасибо вам, потому что именно знакомство с этими работами дало мне толчок к раскрытию всего дела.

– Не за что, – проскрежетал Зубов, сел на пол и все-таки заплакал.

Эпилог

Весна в этом году выдалась ранняя. Ненавистный снег, измучивший за зиму глаза своей равнодушной ко всему белизной, почти совсем сошел, обнажив черную, мокрую, но ароматную землю, вкусно пахнущую надеждами на теплое лето. Липа чуть приоткрыла форточку и жадно втянула носом воздух. Ничего она не любила так сильно, как запах приближающейся весны.

Позади послышались шаги. Босые ноги шлепали по полу, уверенные, увесистые, мужские. Так мог ходить только победитель, человек, который точно знал, что хочет от жизни, и умел это взять. Стас Крушельницкий подошел сзади, смачно шлепнул Липу по заднице, накинул на плечи мягкий флисовый плед.

– Опять воздух нюхаешь? Простудишься, холодно же еще.

– Что, ты не согласен терпеть меня рядом сопливаю? – Липа весело рассмеялась, повернулась и уткнулась носом в обнаженное мужское плечо, за короткий срок ставшее привычным и родным. И как она раньше жила без него, вот что интересно.

– Я буду терпеть тебя рядом любую, – пообещал Стас, притягивая ее к себе. – Кстати, у нас еще есть немного времени, чтобы повторить нашу произвольную программу. Ты не возражаешь?

– Нисколько. – Липа обхватила руками его за шею и поцеловала. – У нас действительно есть еще час до возвращения мамы.

– Убежден, что Мария Ивановна нам не помешает, даже когда вернется из своего санатория. У тебя удивительно тактичная мама. И я очень рад, что она окончательно поправилась, и что Борис договорился с этим московским светилом, который поднял ее на ноги.

– Никогда не думала, что смогу это сказать, но я страшно благодарна Борьке за помощь.

– И он вообще отличный мужик, – сообщил Стас, прижимая ее к себе крепко-крепко, чтобы не смогла убежать.

Никуда убежать Липа даже не собиралась. Никогда в жизни ей не было ни с кем так хорошо, как со Стасом. Она позволила поднять ее на руки и отнести на кровать, и дальше около получаса им было совсем не до разговоров. Это чудо, называемое любовью, о существовании которого Липа совсем недавно даже не подозревала, все длилось и длилось. И каждый раз Липа заново удивлялась, что никак не может к нему привыкнуть. Стас все время был разным, его прикосновения постоянно вызывали новые, доселе неизведанные эмоции, не приедались, не превращались в рутину, не входили в привычку. Липе нравилось заниматься с ним любовью и нравилось, что ей это так нравится.

В последнее время она вообще постоянно была в приподнятом настроении и, прислушиваясь к себе, не находила внутри ни одного живущего в душе демона. Когда-то давно, в прошлой жизни, казалось, что они поселились в ее душе навсегда, но сейчас сгинули, как и не было.

Когда Липа в последний раз ходила в гости к профессору Лагранжу, тот за чашкой чая смотрел на нее с нескрываемым удовольствием.

– Я вижу, твое путешествие закончилось, девочка, – сказал он. – Я очень рад, что ты наконец-то причалила к берегу.

– Какое путешествие? – спросила Липа, она резала торт, поскольку старик был охоч до сладкого, и слушала не очень внимательно.

– К самой себе, девочка моя, к самой себе, – ответил он. – Я всегда знал, что рано или поздно это произойдет. Всего-то и было нужно – расстаться с иллюзиями.

– Это был жестокий путь, – сказала Липа. – Думаю, если бы я его не прошла, то в плену иллюзий жила бы до сих пор. Плохо не то, что мне пришлось перестать прятать голову в песок, а то, что из-за моей слабости погибли люди. Ни в чем не повинные люди.

– Ты не виновата, – сказал Лагранж. – Мы все всего лишь врачи, а не боги. Если бы всех психопатов вычисляли и изолировали до совершения

ими преступлений, мир был бы совсем другим. Но он такой, какой есть.

Сейчас Олимпиада Бердникова откинулась на подушку и даже хихикнула от мысли, что в момент острого наслаждения отчего-то вспомнила Лагранжа.

– Чего смеешься? – тут же спросил чуткий Стас. Вот уж кто точно все про нее знал.

– Смеюсь от того, что сейчас думаю о другом мужчине, – честно сказала она и увернулась от пущенной ей в лицо подушки. – Но не думаю, что тебе стоит ревновать, хотя я безмерно его люблю, ценю и уважаю.

– Франц Яковлевич. – Догадливый Стас удобно улегся рядом, не забыв водрузить руку на Липину обнаженную грудь. Он использовал любой момент, чтобы подтвердить, что она его, только его и больше ничья. Слишком долго он ждал, слишком трудно добивался такого ценного приза, как Олимпиада Бердникова. – Я, кстати, сегодня с ним встречаюсь, хочу показать заключение по делу Анны до того, как отдам его в суд.

– Стас, ты все-таки удивительный врач, – сказала Липа и быстро поцеловала его в щеку. – Я горжусь тобой таким, каким ты стал. Все-таки Лагранж не зря видел в тебе своего преемника. Не думаю, что кто-то другой смог бы вызвать на откровенность субличность Евы и узнать, что же на самом деле произошло.

– Скажем так, у меня в этом деле были личные мотивы. Мне важно было во всем разобраться, чтобы ты, наконец, обрела покой. И я разобрался.

– Расскажи, – тихо попросила Липа.

Повествование не заняло много времени. Действительно, проснувшись в Анне Ева обманом выманила из дома Михаила Бабурского под предлогом сюрприза жене. Старик, который отчаянно скучал по приключениям, был рад, втихаря от домработницы, ускользнуть из дома, сесть в машину, которую Анна-Ева заранее позаимствовала у Липы, позволил привезти себя в галерею и с энтузиазмом включился в подготовку места действия. Он действительно плохо себя чувствовал, поэтому без всякой опаски позволил сделать себе укол, который, по словам этой милой девочки, сестры чудесной Анечки, должен был позволить ему продержаться бессонную ночь. Но укол оказался смертельным.

Игорь Зябликов приехал в лес, к месту своей смерти, потому что «Ева» сообщила ему, что у них со Светланой Калининой сломалась машина. Он не заподозрил ничего дурного, а потом стало уже поздно. Безумная преступница оглушила его ударом по голове и, пока он был без сознания, сделала внутривенную инъекцию тиопентала.

Ольге Бабурской смертоносный укол был сделан во сне. До этого «Ева» подсыпала тиопентал в банку с медом, стоявшую на столе, потому что от живущей в ее голове Анны прекрасно знала, что Светлана Калинина перед сном всегда пьет чай с медом. Когда Ольга Бабурская, согласно сценарию, умерла во сне, «Ева» тщательно вымыла банку, чтобы уничтожить улики. Несмотря на то что она была совершенно безумной, преступления были спланированы ею четко, следов она не оставляла. И действительно, поймать ее можно было только на «живца», так что решившаяся на отчаянный поступок Липа в общем-то поступила совершенно правильно, хотя и безрассудно.

– Егорку выписали вчера, – сказала Липа, когда Стас закончил свой рассказ о беседах с Анной-Евой, в ходе которых раз за разом, слой за слоем открывался новый пласт правды.

После этих бесед Анна всегда подолгу спала, точно так же, как и после совершенных ею убийств, потому что существование в Евиной ипостаси лишало ее последних сил. Проснувшись, она опять ничего не помнила, в то время, как являющаяся психиатру Ева знала про Анну все, до последней мелочи.

– Я рад, – сказал Стас. – Хороший он парень, и врач из него отличный получится.

– Он «академку» оформил, потому что отстал здорово, пока в больнице лежал. Сказал, что до Нового года у нас поработает на полную ставку, а затем в институт вернется. Стас...

– М-м-м-м...

– А ты Алексея Зубова давно видел?

– Он уволился, Липа. Уехал в Москву на работу. И ты знаешь, я его понимаю.

– Еще бы. Роман с безумной убийцей. Как он вообще это пережил, бедный. Он действительно любил Анну. По-настоящему.

– Ничего. Оправится. Все люди рано или поздно оправляются от тех ран, которые им наносит жизнь. Ему, конечно, нелегко, но он сильный, справится. Я уверен.

– Я тоже уверена, – тихо сказала Липа. – Я же справилась. Только очень важно, чтобы рядом был кто-то, кто поможет, кто подставит плечо. Мне повезло, у меня есть ты. Совсем недавно я думала, что человек, способный превзойти профессора Лагранжа, еще не родился. Но я ошибалась, потому что ты смог. Совсем недавно я была уверена, что если тебя зовут Липой, то не стоит ждать от жизни слишком многого. Что она будет подкидывать с лихвой, так это липовых друзей, липовую любовь,

липовое благополучие... Но я снова ошиблась, потому что она подарила мне тебя. А ты не липовый, ты настоящий, и только с тобой у меня действительно начало все получаться. Я так счастлива, Стас... Еще и потому, что скоро весна. Мне кажется, что последнюю весну я видела пятнадцать лет назад, когда встречалась с Борисом и готовилась к свадьбе. А потом много лет у меня была одна только сплошная осень.

Стас зарылся носом в ее волосы, втянул нежный, только ей присущий аромат, смесь шампуня, духов и ее родного неповторимого запаха, который действовал на него круче любого афродизиака.

– Скоро весна, – пробормотал он. – А это значит, что по всему городу расцветут липы и на территории больницы тоже. И знаешь, что я тебе скажу... Я не знаю более прекрасного зрелища, чем липа в цвету.

Примечания

1

Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Твоя примерная коварная жена».

Вернуться

2

Подробнее в романе Людмилы Мартовой «Смерть на языке цветов».

Вернуться

3

Подробнее – в романе Людмилы Мартовой «Смерть на языке цветов».

Вернуться